

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

У НАРОДОВ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ:
ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ

ЧЕРКЕССК, 1988 г.

Печатается по решению ученого совета
Карачаево-Черкесского ордена «Знак
Почета» научно-исследовательского ин-
ститута истории, филологии и экономики

Свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкесии: традиционное и новое. Сборник научных трудов. — Черкесск, 1988.

Тематический сборник включает в себя статьи о свадебных обрядах карачаевцев, черкесов, абазин, и ногойцев. Свадебная обрядность, будучи важнейшим компонентом общественно-бытовой культуры, рассматривается как в традиционном плане, так и в современных ее трансформациях и модификациях.

Книга рассчитана на историков, этнографов, фольклористов, филологов и широкий круг читателей.

Редколлегия: **Я. С. Смирнова**, доктор исторических наук (ответственный редактор), **И. М. Шаманов**, кандидат исторических наук, **Л. З. Куниева**, кандидат исторических наук.

Рецензент — **Л. Б. Заседателева**, доцент кафедры этнографии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

© Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1988.

ОТ РЕДАКТОРА

Свадьба у всех современных народов является основным из обрядов жизненного цикла, или, как они чаще называются в мировой этнографической науке, обрядов перехода. Это наиболее яркое празднество в жизни человека, сопровождающее такое важное событие в его жизни, как вступление в брак, переход в новое, семейное состояние.

Нет народов, хотя бы подошедших к порогу цивилизации, у которых свадьба не сопровождалась бы той или иной обрядностью. Эта обрядность, как правило, отражает социально-экономические и культурно-бытовые особенности общества времени своего формирования и в таком виде входит в традицию, становится традиционной. В дальнейшем она, как и всякая обрядность, уже может существовать только в силу такой традиционности и, хотя не остается неизменной и принимает в себя различные новшества, в той или иной степени перестает соответствовать условиям новых исторических эпох своего бытования. В этом отношении свадебная обрядность — один из памятников прошлого, в котором историческая этнография черпает свои сведения о прежней экономической и общественной жизни, брачно-семейных порядках, религиозных верованиях и т. п. Такого рода анализу свадебной обрядности русских, украинцев и белорусов, народов Средней Азии, Кавказа, Сибири и других посвящена значительная старая и новая, описательная и теоретическая этнографическая литература.

Вместе с тем с 1950-х годов в нашей стране стала появляться также и другая этнографическая литература о свадебной обрядности. Это работы об ускорившейся в советскую эпоху трансформации традиционной свадьбы, причинах и особенностях этой трансформации, возникновении в свадебных циклах народов СССР новых черт, обусловленных коренными преобразованиями условий жизни, культурными взаимовлияниями и влияниями. Такие работы имеют не только научное историко-этнографическое, но и непосредственно практическое значение, так как помогают прогнозировать процессы обновления традиционной свадьбы, оценивать свойственные ей позитивные и негативные черты и в определенной мере способствовать оптимизации скла-

дывающейся обрядности. Тем самым они помогают совершенствованию советской семьи, семейного быта, брачно-семейных порядков, т. е. решению одной из поставленных Коммунистической партией и Советским правительством задач дальнейшего развития нашего общества.

Современная советская этнография ориентирована на тесную связь науки с жизнью, с практикой развития социалистического общества. Но это реализованное в ней требование не следует понимать упрощенно, узко, таким образом, что область ее интересов должна ограничиваться только изучением современности. К тому же современность не понятна без исторического прошлого. Хорошо известно указание В. И. Ленина: «...смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹. Все сказанное в полной мере относится и к изучению свадебной обрядности: без знания старой свадьбы нельзя ни увидеть ее новые черты, ни заметить направление ее дальнейшего развития.

Вот почему коллектив этнографов Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института счел целесообразным предложить вниманию читателей небольшую коллективную монографию *Свадебная обрядность народов Карачаево-Черкесии: традиционное и новое*. Авторами книги являются: глава первая — Я. С. Смирнова, глава вторая — И. М. Шаманов, глава третья — И. Х. Калмыков, глава четвертая — Л. З. Кунижева, пятая — Р. Х. Керейтов.

Практические рекомендации составлены: И. М. Шамановым (карачаевской), М. И. Мижаяевым (черкесской), Л. З. Кунижевой (абазинской), Р. Х. Керейтовым (ногайской) при активном участии членов обрядовой комиссии облисполкома каждого подразделения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(Вводная)

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМЬИ И СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ У НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ

I

Карачаево-Черкесия — вторая после Дагестана по сложности своего национального состава область Северного Кавказа. По данным переписи 1979 г., около половины ее населения составляют коренные народы автономии — карачаевцы (30%), черкесы (9%), абазины (7%) и ногайцы (3%), еще около половины — русские (45%)¹. Кроме того в области имеются небольшие группы украинцев, адыгейцев, кабардинцев, осетин, дагестанцев, армян, греков и др. Хотя карачаевцы населяют главным образом южную, а черкесы, абазины и ногайцы — преимущественно северную часть Карачаево-Черкесии, в области почти нет совершенно однородных в национальном отношении районов. На юге соседят или живут впережку карачаевцы и русские, в центре — карачаевцы, черкесы, абазины и русские, на севере — черкесы, абазины, ногайцы и русские. В самом северном из районов — Адыге-Хабльском — четыре последних народа представлены почти поровну.

Неоднородно также население городов Черкесска и Карачаевска, а также других городских поселений, в которых при заметном преобладании русских немало представителей всех других народов области. По данным той же переписи населения, горожанами являются 23% карачаевцев, 22% абазин, 21% ногайцев и 20% черкесов.

Этническая гетерогенность Карачаево-Черкесии, заметная мозаичность расселения ее народов, наличие в ней не только сельского, но и уже значительного и быстро растущего городского населения, — все это сказывается на проходящих в области культурно-бытовых процессах, накладывает свой отпечаток на взаимодействие старого и нового быта, соотношение

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

¹ Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984. С. 84.

традиций и инноваций, усиливает этнические взаимовлияния. Это характерно, в частности, и для такой заметной стороны народного быта, как порядки, связанные с формированием семьи, включая сюда оформляющую его свадебную обрядность.

В прошлом традиционному крестьянскому обществу народов Карачаево-Черкесии была свойственна установка на высокую брачность. В условиях патриархального быта только брак мог обеспечить межполовое разделение труда в семье, половое общение и рождение детей. Урбанизация области и ее воздействие на семейный быт в значительной мере ослабили эту установку не только в городе, но и сельской местности. По данным 1979 года показатели состояния в браке (табл. 1) у сельских черкесов были приблизительно те же, а у карачаевцев, абазин и ногойцев — даже ниже, чем по РСФСР в целом (719 и 571 промиллей соответственно у мужчин и женщин). У горожан всех четырех народов эти показатели были заметно ниже, чем по РСФСР.

Таблица 1

Состояние в браке у народов Карачаево-Черкесии в 1979 г.
(в промиллях)*

	Город		Село	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Карачаевцы	625	498	608	500
Черкесы	591	523	718	597
Абазины	603	523	695	555
Ногойцы	670	493	673	562

* Текущий архив облисполкома Карачаево-Черкесской автономной области (704 и 569 промиллей у мужчин и женщин)¹.

Более низкие, чем по РСФСР в целом, показатели брачности, по-видимому, объясняются продолжающимся интенсивным ростом городского населения за счет молодых сельчан из среды коренного населения и отсюда — временной брачной неустойчивостью молодежи. Наряду с этим могут действовать и другие факторы. Например, относительно низкая брачность, характерная для сельских карачаевцев, видимо, вызвана тем, что из-за высоких свадебных расходов они сравнительно поздно вступают в брак.

Народам Карачаево-Черкесии, как и другим народам Северокавказского историко-культурного региона, никогда не была свойственна закрепленная обычаями локальная экзогамия или эндогамия. Однако в силу родственной экзогамии при относительно компактном расселении родственников приблизительно половина браков заключалась за пределами, а в силу вероятности знакомств другая половина — в пределах селений. Этот порядок в значительной мере сохранился и теперь, но менее

выражен. Непосредственное трудовое общение в укрупнившихся совхозах и колхозах, нередко включающих в себя жителей нескольких селений, такое же общение на промышленных предприятиях и на стройках, учеба в вузах и техникумах, знакомства во время отпусков, командировок, службы в армии, — все это уменьшает значение местожительства при заключении браков. Будущие супруги знакомятся как в местах проведения досуга, так и во время совместной учебы или работы.

Тесное общение юношей и девушек, дающее будущим супругам возможность лучше знать друг друга, облегчено почти изжитой бытовой сегрегацией полов. Конечно, и в прошлом, в условиях этой сегрегации, у всех народов области, и более всего у карачаевцев, существовали определенные возможности для добрачных встреч молодежи и даже для строго регламентированного, как бы ритуализированного ухаживания. Обычаи устанавливали время и место, где юноши и девушки могли дать понять, что они нравятся друг другу. Но встречались они, как правило, при посторонних, часто под присмотром старших, а любая вольность в обращении вела к самым тяжелым межсемейным конфликтам. В советское время и особенно в послевоенные десятилетия с социальной активизацией молодежи общение юношей и девушек сперва в учебной и производственной, а затем и бытовой сфере стало несравненно раскованней. Тем самым возникли условия для по существу совершенно нового семейно-бытового института — добрачного ухаживания в его современных формах, допускающих более свободные знаки внимания и более прямое взаимное проявление интереса.

Правда, в разных группах населения проявляется это пока по-разному. У горожан ухаживание имеет открытый характер, у сельских жителей, не порвавших с остатками патриархального этикета и все еще больше связанных исламской традицией, — заметно более сдержанный. Но и в селениях, особенно пригородных, молодежь все больше равняется на городские образцы. Надо также учесть, что современные добрачные контакты — это отход от бывлой патриархальной и исламской сегрегации полов, но, как правило, отнюдь не свобода половых связей. Требование целомудрия девушек остается традиционным, хотя нарушение традиции, разумеется, уже не влечет за собой былых трагических последствий. Поэтому для молодежи, особенно сельской, основным мотивом добрачного ухаживания остается вступление в брак.

В непосредственном формировании семьи прежние порядки в большой степени вытеснены новыми. В прошлом важной составной частью брачно-свадебных обычаев, во многом определявшей другие элементы всего этого цикла, была выплата брачного выкупа-калыма. По адатам, он шел семье невесты, по шариату — самой невесте как ее обеспечение на случай вдовств-

¹ Численность и состав населения... С. 219.

ва или развода. В результате смешения обоих порядков он часто так или иначе делился между невестой и ее семьей. Обычно семья невесты обращала полученное на ее приданое. Эти платежи обеих сторон усугублялись предписанным обычаями взаимодариванием обеих семей и их ближайшей родни. Все эти материальные траты, связанные с формированием новой семьи, вместе с авторитарной властью родителей жениха и особенно невесты были причиной преобладания браков по выбору и по воле не самих брачающихся, а их родителей. Они же нередко были причиной сохранения таких архаических обычаев, как умыкание невесты, обмешные браки, обручение малолетних (подчас даже утробное или колыбельное), левират — женитьба на вдове брата, сорорат — женитьба на сестре умершей жены и т. д. Бывало, что они вели к большому возрастному разрыву между богатым мужчиной и девушкой из малоимущей семьи и при тех же обстоятельствах — многоженству...

Семьи жениха и невесты руководствовались не только материальными соображениями, но и должны были принимать во внимание мнение родни и соседей и прежде всего считаться с рядом традиционных ограничений. Адаты допускали только внутрисословные браки, и традиции сословной эндогамии соблюдалась самым строгим образом. Как шариат, так и законы царской России запрещали браки между мусульманами и христианами, а общественное мнение шло еще дальше, осуждая межнациональные браки даже в одной и той же — исламской — конфессиональной среде. Национально-смешанные браки практиковались преимущественно только либо в верхушке феодального класса (династические браки), либо там, где шли процессы ассимиляции абазин и адыгейцев-бесленевцев черкесами. Особенно недопустимыми в силу патрилокальности брачного поселения считались инонациональные браки женщин. Нередко они допускались лишь тогда, когда жених принадлежал к высшему сословию (т. е. фактически на условиях правила гипергамии) или платил повышенный брачный выкуп. Бывало также, что в этих случаях жениху приходилось прибегать к умыканию девушки с ее согласия. Из других брачных ограничений назовем родственную или поколенно-родственную экзогамию, распространявшуюся не только на кровных родственников, но и на свойственников, а также лиц, связанных отношениями искусственного родства. Наконец, действовали и такие обычаи, как принцип очередности браков старших и младших братьев и сестер, нарушить который можно было только с разрешения старших.

Таким образом, даже старшая родня будущих супругов была далеко не всегда свободна в своих матримониальных планах. Свобода же собственного брачного выбора юношей была совсем невелика, а девушек — и того меньше, хотя уже в предреволюционное время преобладало не столько прямое, сколько

косвенное, психологическое принуждение или воспрепятствование родни к их вступлению в брак. Все же в рамках остававшихся возможностей стороны учитывали личные качества как невесты, так и жениха. В крестьянской среде в невесте ценили не столько красоту, сколько здоровье, умение вести хозяйство, покладистый характер, добрую репутацию ее самой и ее семьи. О ее достоинствах часто судили по достоинствам матери: «Приглядись к матери и женись на дочери», — говорили карачаевцы. В женихе также ценилось здоровье, хозяйственность, хорошее поведение, репутация семьи и, помимо всего прочего, в соответствии со старинными традициями военизированного патриархально-феодалного быта — мужественность и храбрость.

В советское время с далеко зашедшим, хотя и не завершенным, процессом изживания калыма и демократизацией структуры семьи, равно как и ее социальной макросреды, условия формирования семьи изменились. Прежде всего определяющее значение получила взаимная склонность женихов и невест. Как дань уважения к старшим достаточно часты браки по собственному выбору, но — согласно распространенному выражению — с учетом мнения родителей. Браки по выбору родни встречаются теперь заметно реже. Среди мотивов брачного выбора преобладают любовь и общность интересов. При этом расширились не только свобода собственного брачного выбора, но и круг потенциальных супругов, так как материальные соображения утратили прежнее значение, бывшие сословные, если не забылись, то стали учитываться намного меньше, а конфессиональные и этнические перестали носить нормативный, как в прошлом, характер. Из архаических брачных ограничений более всего сохранилась родственная или поколенно-родственная экзогамия, случаи нарушения которой пока очень редки.

Для всех народов области в настоящее время характерны широкая практика социально-смешанных браков и растущая тенденция межнациональной брачности. По частоте межнациональных браков три из четырех коренных народов области — абазин, черкесы и ногайцы — занимают лидирующее положение в Северокавказском историко-культурном регионе. За полвека с небольшим с 1928 по 1982 г. эта частота возросла (соответственно у мужчин и женщин) у абазин в 12 и 44 раза, у черкесов в 9 и 31 раз, у ногайцев в 11 и 27 раз и у карачаевцев в 4,4 и в 6 раз³. В 1982 г. она достигла следующих величин (табл. 2).

³ Рассчитано по данным ГАНХ СССР. Ф. 8449. Оп. 56. Д. 31. Л. 46; см. 61. Д. 11. Л. 62—65 и текущего архива облотдела ЗАГС Карачаево-Черкесской автономной области.

Таблица 2

Частота зарегистрированных межнациональных браков в 1982 г.*
(% к числу всех браков)

	В целом		Город		Село	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Карачаевцы	7,9	5,2	24,8	13,5	5,6	4,2
Черкесы	26,6	24,4	50,0	45,9	25,4	22,6
Абазинцы	33,2	31,3	62,6	61,3	30,3	28,2
Ногайцы	16,9	20,0	25,0	70,0	16,7	16,7

* Текущий архив облюдела ЗАГС Карачаево-Черкесской автономной области. Отсюда видно, в частности, и то, что у названных народов уже не только в городах, но и в сельской местности межнациональных браков у женщин теперь, как правило, столько же, сколько и межнациональных браков мужчин, т. е. в области произошло расшатывание одной из наиболее прочных традиций этнической предпочтительности в браках.

Изменился также возраст вступления в брак. В прошлом у народов Карачаево-Черкесии наряду с характерными для крестьянского общества ранними браками мужчин и женщин из-за тягот свадебных расходов широко бытовали поздние женитьбы мужчин, замужества несовершеннолетних (а у ногайцев даже малолетних)⁴ девушек, уже упомянутый значительный разрыв в брачном возрасте жениха и невесты. Преобладающий брачный возраст женщин снижался еще и тем, что разведенной жене или вдове было практически почти невозможно снова выйти замуж. Начавшаяся уже в 1920-х годах борьба против купного брака и браков с несовершеннолетними девушками, а затем ликвидация единоличного крестьянского уклада и социальная активизация молодежи повели к выравниванию брачного возраста женихов и невест с повышением прежде всего у последних. Так, у карачаевцев с конца 1930-х по середину 1960-х годов преобладающий брачный возраст у мужчин более определенно закрепился за возрастными группами от 25 до 39 лет, а у женщин перешел от групп до 24 лет к группе 25—29 лет (табл. 3). При этом разрыв в среднем брачном возрасте мужчин и женщин сократился более, чем вдвое — с 7,2 до 3,2 лет. Начавшаяся на рубеже 1960-х и 1970-х годов противоположная тенденция снижения преобладающего брачного возраста в результате повышения жизненного уровня населения и акселерации молодежи не повела к увеличению установившейся нормальной возрастной разницы.

⁴ См.: Бентковский И. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан Ставропольской губернии. Ногайцы. Ставрополь, 1883, Ч. 1. С. 110; Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии. Тифлис, 1909. С. 20.

Таблица 3

Динамика брачного возраста карачаевцев в 1939—1967 годах (%) *

	1939 г.		1967 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
До 20 лет	3,1	33,9	2,6	11,4
20—24 года	29,0	42,1	5,5	24,9
25—29 лет	38,5	14,0	42,0	40,9
30—39 лет	22,4	7,7	39,9	17,4
От 40 лет	7,0	2,3	10,0	5,4

* Архив облюдела ЗАГС Карачаево-Черкесской автономной области.

В настоящее время преобладающий брачный возраст у народов области лишен какой-либо специфики. Исключение до некоторой степени составляют только карачаевцы, у которых наблюдается традиция относительно поздних браков как мужчин, так и женщин, питаемая главным образом тем, что многие свадьбы задерживаются из-за высоких брачно-свадебных платежей и непомерного взаимодаривания сторон жениха и невесты. Так, по данным этносоциологического исследования, проведенного в середине 1974 г. Карачаево-Черкесским научно-исследовательским институтом, общие расходы на свадьбу каждой из сторон нередко достигали у них 10—14 тыс. руб.; приведен типичный пример, когда семья невесты, рабочей совхоза, израсходовала свыше 15 тыс. руб., в том числе 9 тыс. на приданое и 5 тыс. руб. на берне — подарки всей многочисленной родне жениха⁵. Однако с начала 1980-х годов, после того как в области активизировалась борьба с негативными брачно-свадебными обычаями, у карачаевцев преобладающий брачный возраст также стал снижаться.

Из двух традиционных форм заключения брака — открытого сговора сторон и тайного умыкания в современном быту народов Карачаево-Черкесии, как и других народов Северного Кавказа, в настоящее время, по-видимому, преобладает брачный договор. Как уже отмечалось, он представляет собой договоренность между самими брачащимися, реже — между их родителями. Другое дело, что даже при договоренности между женихом и невестой в качестве дани традиции часто учитывается, особенно в сельской местности, мнение родителей или из уважения к ним испрашивается их согласие. В этих случаях брак по договоренности будущих супругов внешне трудно отличить от брака по договоренности их старшей родни. Поэтому для понимания этого переходного порядка решающее зна-

⁵ Гочияев Г. Т. Фетишизация затрат в обычаях и обрядах // Новый быт — новые обычаи. Ставрополь, 1977. С. 44 и сл.; Смирнова Я. С. Свадебный дарообмен у народов Северного Кавказа и его современная модификация // Сов. этнография, 1980, № 1.

чение имеет его новое содержание, состоящее по большей части в свободном выборе брачного партнера.

Однако в области еще сохраняются немало семей, которым свойственна авторитарная структура. В таких семьях молодежи зачастую приходится вступать в брак вопреки воле родителей. Во избежание семейных конфликтов немало подобных браков заключается путем такого умыкания (так называемого увода), при котором невеста, договорившись с женихом, тайком покидает родительский дом. Известен народам области и другой, чисто фиктивный вид умыкания (так называемый уход), когда жених и невеста по договоренности со своими семьями имитируют побег. Этот обычай имеет целью избежать по крайней мере части брачно-свадебных расходов, в частности, расходов на сватовство, широкое взаимооценивание сторон и пышную свадьбу⁶. По данным упомянутого этносоциологического исследования середины 1970-х годов, около половины браков, заключенных у народов Карачаево-Черкесии, составляли браки уходом. Однако такие браки рассматриваются как непростительные, и, хотя в последние годы, по-видимому, выявилась тенденция к их учащению, в области популяризируются браки по сговору, но без расточительных свадебных расходов.

Что касается настоящего, насильственного умыкания невест, то о нем будет сказано несколько позже.

Существенные изменения в обычаях, связанных с формированием семьи, сопровождались трансформацией их обрядовой стороны, т. е. свадебного цикла. Трансформация эта, правда, не вполне адекватна, так как обряд, ритуал как внешнее оформление, оболочка традиции почти всегда консервативнее обычая как ее внутреннего, сущностного ядра. Тем не менее у всех народов Карачаево-Черкесии в той или иной степени идут процессы модернизации традиционной свадьбы с изживанием в ней тех черт, которые в наибольшей степени противостоят условиям современной жизни, сохранением положительных или нейтральных обрядовых традиций и возникновением новых — региональных или общесоветских — элементов. Детализированной характеристике этих процессов у отдельных народов области посвящены последующие главы данной книги, а здесь мы попытаемся дать представление о наиболее общих и существенных их чертах.

Традиционная свадьба почти всех других народов Северокавказского историко-культурного региона состоит из шести основных компонентов. Первый — сватовство и сговор, либо как нечастое исключение из общего правила — один из трех видов умыкания невесты. Второй — перевоз невесты из родительского дома свадебным поездом, сопровождаемый различ-

ными свадебными антагонизмами, под которыми в этнографии понимают обрядовое сопротивление этому перевозу со стороны родственников и соседей невесты. Третий — скрывание жениха и невесты в так называемых промежуточных («других», «чужих» и т. д.) домах, а иногда даже поселение невесты в двух таких домах. Четвертый — перевоз невесты, также не без свадебных антагонизмов, но на этот раз со стороны соседей жениха, в дом родителей жениха с поселением ее в особом брачном помещении и последующим вводом в «большой дом», т. е. местопребывание родителей жениха. Пятый — посещение невесты женихом в брачном помещении, рассматриваемое как тайное, с началом фактической супружеской жизни, что сопровождается свадебной обструкцией, т. е. различными препятствиями, со стороны молодежи селения. И шестой — ритуализированное снятие с жениха и невесты различных запретов, связанных со свадебным скрыванием и избеганием старших родственников, свойственников и соседей.

Большинство этих компонентов сопряжено с взаимооцениванием сторон, — некоторые — с более крупными материальными обязательствами и тратами. В частности, сговор сопровождается достижением договоренности о так называемых договорных деньгах и приданом, перевоз невесты в дом родителей жениха — демонстрацией и раздачей подарков семье невесты, ее одежды и т. д. Сопряжены почти все эти компоненты и с различными древними религиозно-магическими действиями, к которым с распространением ислама добавилось мусульманское оформление брака — наках; последнее, однако, не фиксировано строго и может производиться и в доме родителей невесты, и в месте промежуточного поселения, и в доме родителей жениха. Но наряду с этим многие компоненты свадебного цикла и прежде всего центральный из них — «большая свадьба» в доме родителей жениха после перевоза туда невесты — сопровождаются угощением и развлечениями — песнями, танцами, назидательными и остроумными речами распорядителя свадебного веселья, состязаниями в национальных видах спорта. Характерной чертой традиционной свадьбы всегда была умеренность в еде и тем более в хмельных напитках и в то же время стремление блеснуть искусством слова, песни, танца, джигитовки и т. п.

Большая часть перечисленных компонентов свадебного цикла в том или ином виде свойственна свадебной обрядности если не всех, то очень многих народов мира на предклассовой или раннеклассовой стадии их развития. Однако некоторые из них, в особенности свадебное скрывание жениха и невесты, исследователи возводят к древним обычаям автохтонного населения Кавказа⁷. Более поздние насельники региона карачаевцы ус-

⁶ Об этих видах умыкания см.: Смирнова Я. С. К типологии обычаев умыкания (по материалам народов Северного и Западного Кавказа) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

⁷ См.: Сигорский М. Брак и брачные обряды на Кавказе // Этнография, 1930. № 3.

воили эти специфические черты свадебной обрядности в результате культурно-бытового воздействия адыгов и родственных им абазин, еще более поздние — ногайцы одни такие черты усвоили лишь частично, другие не усвоили совсем.

Даже из такой обобщенной характеристики традиционной свадьбы видно, что разные ее особенности не могут одинаково оцениваться в обществе, в социальном и культурном отношении несравненно более развитом, чем то, в котором они возникли. Например, нельзя не отдать должное такой ее привлекательной и эстетической черте, как внимание преимущественно к интеллектуальной и свадебке. Несомненно, органичен для свадебного торжества его национальный колорит, проявляющийся в особенностях не только песен, танцев, праздничных блюд, традиционной символики, но и многих игровых моментов, в частности, таких, в которые превратились в процессе своей длительной эволюции некоторые свадебные антагонизмы. То же можно сказать и о некоторых компонентах свадебного цикла, в особенности об обряде сговора, придающем всему этому важному событию в жизни брачащихся и их семей социально значимый характер. В то же время в традиционной свадьбе немало и таких черт, которые либо неудобны в современных условиях, либо материально обременительны, либо уже не отвечают нашим представлениям о человеческом достоинстве прежде всего самих брачащихся, либо, наконец, не вяжутся с идеологическим климатом советского общества.

Неудобна прежде всего сама растянутость цикла традиционной свадьбы. Она возникла в предклассовом и раннеклассовом обществе, социальная верхушка которого была в значительной мере праздной, а широкие слои населения, крестьянство, после осенней страды располагали избытком свободного времени. Кроме того, некоторые звенья этого цикла были в тех условиях не только целесообразны, но и необходимы. Так, растянутое и строго регламентированное сватовство имело целью предотвратить недовольство сторон, которое могло бы привести к открытому конфликту и даже кровомщению. Промежуточное поселение жениха и невесты давало возможность установить полезные отношения искусственного родства и т. п. Большинство современного населения по условиям своей занятости не имеет лишнего времени, а такие архаичные институты, как кровная месть и искусственное родство, остались в прошлом.

О негативном характере некоторых брачно-свадебных платежей и чрезмерных трат написано уже немало, и здесь можно лишь суммировать главное. Трансформация откровенного калыма, будь то в его обычноправовом или шариатском виде, в современные платежи, эвфемистически называемые договорными деньгами, подарками и т. п., лишь отчасти меняет его исторический смысл платы за невесту. Большие, зачастую не-

померные затраты на свадебное взаимодаривание и угощение в прошлом практиковались только в верхушечных слоях общества, которым одним они были под силу и которые таким образом поддерживали и повышали свой социальный престиж. В наше время с ростом материального благосостояния самых широких народных масс, нередко опережающим рост культурного уровня, произошло то, что в этнографии называется вертикальной ротацией традиции⁸. Нормы поведения, до этого присущие социальной элите, были взяты за образец другими слоями населения, в которых теперь также началось своего рода соревнование в ценности подарков, пышности оформления свадьбы, обилии свадебного застолья и т. д. Под влиянием обывательского общественного мнения так приходится поступать и тем, кому это не по средствам. Известно множество случаев, когда недовольство «обделенной» подарками родни приводило к конфликтам в молодых семьях и даже к разводам⁹.

Бесспорно, не отвечают современным условиям и понятиям все те обряды традиционной свадьбы, которые связаны со свадебным скрыванием жениха и невесты и их последующими избеганием старших родственников, свойственников и соседей, прекращаемым только посредством обрядового снятия запретов. Весь этот порядок, возникнув в незапамятные времена при переходе от матрилокального к патрилокальному брачному поселению как своего рода молчаливое непризнание происшедшего перехода, в дальнейшем поддерживался специфическими условиями патриархального и патриархально-феодалного быта. Он должен был показать жениху и невесте — причем показать в ритуализированной и, следовательно, наиболее впечатляющей форме — что их включение в круг взрослых мужчин и женщин, членов семьи, родственной группы и соседской общины, произошло только с соизволения старших, которые одни вольны налагать и снимать запреты. Другое дело, что в обычном народном сознании свадебное скрывание и избегание представляются только данью традициям, проявлением уважения к старшим или даже «взаимным уважением» младших и старших, — это внешнее восприятие, относящееся к тому же ко времени известного смягчения и переосмысления данного порядка, не меняется исторически сложившейся функциональной нагрузки рассматриваемых обрядов¹⁰. Помимо того, даже при всем своем нынешнем переосмыслении неучастие брачащихся

⁸ Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 45 и сл.

⁹ Подробнее см.: Гочияев Г. Т. Фетишизация затрат...; Смирнова Я. С. Свадебный дарообмен...

¹⁰ Подробнее см.: Смирнова Я. С. Избегание и процесс его отрицания у народов Северного Кавказа // Этнические и культурно-бытовые процессы у народов Северного Кавказа. М., 1978 г.

в собственной свадьбе с пребыванием жениха за пределами своего дома, а невесты — в особом помещении для молодоженов, эта фактически «свадьба без новобрачных» не может не создавать для них определенный психологический дискомфорт.

Еще меньше отвечает современному идеологическому климату исламское оформление брака — наках. Как бы ни представляли его утратившим прежнее религиозное содержание традиционным народным обрядом бракосочетания, наках остается религиозным актом в такой же мере, в какой является им его христианский аналог — венчание.

Все эти негативные черты, большинство которых так или иначе свойственны традиционным свадебным циклам народов Карачаево-Черкесии, делают понятным, почему в них уже давно началось изживание отдельных наиболее устаревших элементов. Некоторые такие элементы, как, например, свадебная обструкция молодежи, стали отмирать уже в предреволюционное время. Однако более широкая трансформация традиционной свадебной обрядности началась только в советское время в связи с общим социально-культурным переустройством быта, семьи.

Поначалу, в первые послеоктябрьские десятилетия, в этой трансформации наметилась тенденция к обрядовому нигилизму. Продолжавшим бытовать, хотя и значительно упростившимся в условиях нелегкой жизни тех лет, традиционным свадьбам были противопоставлены так называемые свободные, или комсомольские свадьбы. Как правило, это были свадьбы коммунистов, а затем комсомольцев, в которых старая обрядность отбрасывалась практически без какой-либо замены ее новой. Так, в 1934 г., характеризуя комсомольскую свадьбу в абазинском селении Кубина, областная газета Карачаево-Черкесии смогла лишь сообщить, что жених и невеста подъехали на поезде в сопровождении верховых товарищей к ЗАГСу, зарегистрировали брак и уехали домой¹¹. Как ни мало было таких свадеб и как ни малоперспективны они были своей «безобрядностью», они сыграли известную роль в замещении религиозного оформления брака гражданским бракосочетанием и если не в прекращении, то в сокращении практики традиционных брачно-свадебных платежей.

Попытки популяризировать свободные свадьбы (теперь их стали называть молодежно-комсомольскими или новыми) возобновились в 1950-х годах и продолжают до сих пор. Но они, как и прежде, не имеют заметного успеха. Их неперспективность, по крайней мере, на нынешнем этапе развития, видна хотя бы из того, что новые свадьбы обычно оказываются как бы «двойными». С товарищами и молодыми родственниками напояз празднуется новая свадьба — нечто вроде городского

¹¹ Газ. «Красная Черкесия», 1934, 14 февраля.

банкета, но до или после нее, а бывает, что и параллельно, справляется еще одна с соблюдением если не всех, то большинства традиционных обрядов, и религиозным бракосочетанием. А между тем оживившиеся во время и после Великой Отечественной войны религиозные настроения вновь создали необходимость в противопоставлении религиозному свадебному ритуалу новой, безрелигиозной обрядности. Уже в 1964 г. Всесоюзное совещание по новым, гражданским обрядам положило начало политике возрождения в стране разумной обрядовой жизни, призванной как заместить устаревшую традиционную обрядность, так и заполнить вакуум, созданный «безобрядными» актами гражданского состояния. В известной мере это был лишь призыв к расширению и ускорению уже начавшегося процесса трансформации ряда компонентов традиционной свадьбы. В результате как бы соединились два фактора: объективный — вызываемая преобразованиями в семейном быту стихийная модернизация свадебной обрядности и субъективный — стремление созданных тогда же обрядовых комиссий как-то помочь этой модернизации, направить ее в оптимальное русло. Дальше мы еще вернемся к этому субъективному фактору, пока же посмотрим, как далеко продвинулась собственная эволюция традиционной свадебной обрядности.

Для первого компонента свадебного цикла — сватовства и сговора — в настоящее время характерно значительное возрастание роли самих молодых людей в договоренности о браке. По существу, стало нормой личное сватовство самого жениха, которое в случае положительного ответа невесты может как сопровождаться, так и не сопровождаться формальной засылкой сватов его родителями. Соответственно и сговор может достигаться либо самими молодыми людьми (в этих случаях довольно широко практикуется старый обычай, по которому они обмениваются залогами), либо действующими от их имени представителями старшего поколения.

Второй компонент цикла — перевоз невесты из родительского дома — также может варьировать в своих формах. По большей части, он еще существует как особый обряд, отделенный по времени от сватовства, но нередко оба обряда совершаются слитно. Свадебные антагонизмы практически исчезли, но сохраняется их реликт — обрядовые выкупы.

В большинстве случаев удерживается и третий компонент цикла — временное помещение жениха и невесты в промежуточных домах. Но теперь бывает, что и жениха, и невесту помещают в одном промежуточном доме, либо, если семья жениха готова к празднованию свадьбы, не помещают там совсем. Чутье, чем при браке по сговору, помещение в промежуточный дом практикуется при браке уводом или уходом.

В четвертом — центральном — компоненте цикла его обрядность остается в основном прежней. Здесь можно отметить

лишь дальнейшее изживание свадебных антагонизмов во время перевоза невесты в дом родителей жениха, менее строгое скрывание невесты в комнате молодоженов, а жениха — в промежуточном доме, известное смягчение регламента самого свадебного празднества, например, разделение мужчин и женщин, старших и младших. Ослабление свадебного скрывания жениха и невесты в значительной мере связано с необходимостью их выхода на работу и поэтому отчасти зависит от длительности «большой свадьбы»: чем дольше она празднуется, тем менее выражено скрывание.

В свою очередь, от степени свадебного скрывания жениха зависит выраженность пятого компонента цикла — тайного характера посещений им невесты в брачном помещении. Но при всех обстоятельствах ритуализованности этих посещений в основном стерлась. Не говоря уже об ушедшей в прошлое свадебной обструкции, жених чаще всего приходит один, а не, как то положено по обычаю, в сопровождении дружки.

Шестому компоненту цикла — снятию запретов, связанных со скрыванием и избеганием, — свойственно сохранение его основных элементов, но с тенденцией к упрощению обрядности. Как правило, запреты снимаются скорее, в менее торжественной обстановке, применительно к менее широкому кругу родственников, свойственников и соседей. Некоторые относящиеся сюда ритуалы, например, обряд первого выхода молодой невесты за водой, отпали или отпадают.

Из сопряженных с этими компонентами свадебного цикла других важнейших элементов свадьбы наиболее серьезные изменения коснулись традиции брачного выкупа и порядка оформления брака. Как уже отмечалось выше, калым — как в силу его законодательного запрещения, так и в силу коренного преобразования общественного и семейного уклада — в подавляющем большинстве случаев превратился в некоторую сумму «сговорных денег», подарки и т. д. Как бы ни рассматривать эту трансформацию, ясно, что подобный свадебный платеж не является реальным возмещением за невесту, и не рассматривается в таком качестве. Что касается порядка оформления брака, то важную роль здесь сыграла не только введенная после установления Советской власти его гражданская регистрация, но распространившаяся во второй половине 1960-х годов практика торжественной регистрации бракосочетаний. Такая регистрация, проводимая в особо торжественной обстановке и с обязательным присутствием самих новобрачных, не только в определенной степени противостоит религиозному оформлению брака, но и способствует отходу жениха и невесты от традиций свадебного скрывания. Способствует она также распространению элементов общесоветской символики вообще, современной свадебной символики в частности (применительно к последней — обмен кольцами, парадный «городской» костюм же-

ниха и белое платье невесты и т. п.). В 1986 г. свыше 90% бракосочетаний в Карачаево-Черкесии было проведено в торжественной обстановке, но следует учесть, что доля таких регистраций у коренных народов меньше, чем их доля у населения области в целом. Больше того, не только обычная, но и торжественная регистрация бракосочетания, например, карачаевцев, нередко происходит уже после свадьбы и даже после рождения ребенка; бывает и так, что новобрачные регистрируют свой брак втайне от родителей. И при всех обстоятельствах гражданская регистрация, даже проводимая в торжественной обстановке, пока еще не вытеснила нарядов, который продолжает оставаться широко распространенным элементом свадебной обрядности.

Таким образом, охарактеризованные выше в основных чертах изменения в традиционной свадебной обрядности народов Карачаево-Черкесии повели к определенной оптимизации этой обрядности. Свадьба стала более компактной, обычно занимая 1—2, реже 3 дня. В ней ослабевают, а частью уже ушли из быта наиболее неудобные или несовместимые с достоинством современных людей обрядовые традиции — такие, как скрывание жениха и невесты и избегание ими старших, демонстративное снятие связанных с этим запретов, подчеркнутая половая сегрегация на свадебном празднестве и т. п. Как правило, только в редуцированной форме сохранился один из наиболее негативных пережитков патриархальщины — выкуп за невесту. Наряду с еще бытующим пакьям широко распространилась практика торжественных гражданских бракосочетаний. Как и в свадебной обрядности других народов СССР, в сватовских обрядах народов Карачаево-Черкесии делаются все заметнее общесоветские черты, обязанные своим появлением общим социально-культурным условиям жизни, культурному взаимодействию, влиянию культуры и быта соседнего русского населения. Все это позволяет говорить о современной свадьбе у народов области как о свадьбе «полутрадиционной», условно понимая под этим термином относительно быстрое замещение традиций инновациями. Однако определяя так характерную для современной Карачаево-Черкесии свадебную обрядность, важно иметь в виду и то, что в ней сохраняются и утверждаются такие позитивные народные традиции, как национальный колорит материальных и духовных аксессуаров обрядности, нравственное требование умеренности в праздничном застолье, значительное внимание к развлекательной и состязательной стороне празднества и пр.

Замещение традиционной свадьбы полутрадиционной у разных народов области происходит неодинаковыми темпами. У черкесов, абазин и ногайцев этот процесс идет быстрее, чем у карачаевцев. У карачаевцев шире сохраняются обряды сватовства и сговора родных жениха и невесты, более выражены тра-

диции свадебного скрывания и избегания новобрачных, несмотря на то, что обычай поселения невесты в промежуточном доме, некогда возникший у них под влиянием соседних с ними адыгов, исчез у них раньше, чем у этих последних. Более развернуты у карачаевцев и другие старинные обряды и вообще в большинстве случаев свадьба празднуется дольше и пышнее. Более распространено и религиозное оформление брака, в то же время как торжественная регистрация бракосочетания практикуется несколько реже или имеет более формальный характер. Существенная особенность современной карачаевской свадьбы состоит в том, что проведение ее, как правило, связано с большими, чем у других народов области, расходами: на не совсем и не всегда символические остатки брачного выкупа, на приданое и подарки стороны невесты стороне жениха (берпе), на взаимодаривание обеих сторон (сий). Эта относительно большая консервативность современной карачаевской свадьбы, видимо, объясняется двумя причинами. Первая — более компактное расселение карачаевцев, значительная часть которых живет крупным этнонациональным массивом, в то время как черкесы, абазин и ногайцы расселены более дисперсно и чересполосно с соседним русским населением. И вторая — более высокий жизненный уровень основной массы карачаевцев, имеющих значительные доходы горного скотоводства, кустарного производства вязаных шерстяных изделий и земледелия, что позволяет им справлять чрезвычайно «престижные» свадьбы.

В условиях стихийной перестройки у народов Карачаево-Черкесии свадебной обрядности и особенно при неравномерности этой перестройки очень большое значение имеет субъективный фактор совершенствования народных традиций — работа обрядовых комиссий. Такая работа в области ведется. За послевоенные десятилетия партийные, советские и комсомольские организации немало сделали для борьбы с пережитками прошлого и для формирования новых семейно-бытовых традиций. Эта работа особенно усилилась после 1964 г., когда вопрос об оптимизации обрядности был поставлен во всесоюзном масштабе. В частности, Карачаево-Черкесия стала первой национальной автономией Северного Кавказа, где уже в 1964 г. была образована областная комиссия по созданию новых гражданских обрядов. В том же году она выработала примерный сценарий свадьбы¹². Однако этот сценарий был составлен главным образом с учетом особенностей карачаевской свадьбы и предполагал слишком радикальную ломку традиционных обрядов; в результате он почти не привился в среде карачаевцев и того менее — в среде черкесов, абазин и ногайцев. Деятельность комиссии возобновилась только в 1972 г.,

¹² Газ. «Ленинское знамя», 1972, 12 августа.

когда на областной научно-практической конференции была отмечена недостаточность ее работы, и активизировалась еще десять лет, после того как в 1981 г. III пленум Карачаево-Черкесского обкома КПСС обратил внимание на нетерпимость ряда сохраняющихся у народов области брачно-свадебных традиций¹³. Были выработаны дифференцированные, учитывающие специфические различия свадьбы у отдельных народов обрядовые сценарии, и в настоящее время ведется работа по их внедрению. По-видимому, она уже дала определенные плоды. Так, по некоторым данным, с 1984 по 1986 г. количество религиозных оформлений брака в области уменьшилось более, чем вдвое.

Насколько разносторонними и прочными окажутся результаты проделанной работы, покажет жизнь. Пока же отметим, что только систематические поиски оптимальных решений, постоянно возобновляемые и сверяемые с реальным процессом совершенствования народной обрядности, могут действительно помочь этому процессу.

Как известно, период застоя в развитии советского общества сопровождался ошибочной практикой замалчивания недостатков и лакировки действительности, в значительной мере восходящей к практике второй половины 1930-х годов. Так или иначе это сказалось на всех процессах социально-бытового развития в республиках и областях нашей страны, в том числе и на процессах развития семьи и семейного быта. В частности, у народов Карачаево-Черкесии, как и у других народов Северного Кавказа, произошло известное оживление таких наиболее нетерпимых пережитков архаичных брачно-свадебных традиций, как насильственное умыкание невест и уплата выкупа за невесту.

В 1970-х годах автор специального раздела о соотношении обычаев и права в коллективной монографии, посвященной формированию прогрессивных традиций у народов Карачаево-Черкесии, У. К. Гагуев исследовал на территории области все четыре выделяемые в советском правоведении группы преступлений, составляющих пережитки местных обычаев. Это — 1) посяательства на равноправие женщины в области семейно-брачных отношений (брачный выкуп, брачное принуждение или похищение, брак с несовершеннолетними, многоженство); 2) посяательства на равноправие женщины в производственной, культурной и общественной жизни; 3) преступления против жизни, здоровья и достоинства женщины в связи с ее раскрепощением; 4) прочие преступления, такие, как кровная месть, уклонение от примирения и другие. Ни одно из преступлений второй, третьей и четвертой групп, отметил исследователь, за последние 10—15 лет в области не зарегистрировано,

¹³ Газ. «Ленинское знамя», 1981, 23 июня.

но преступления первой группы здесь, как и в других автономных республиках и областях Северного Кавказа, еще случаются¹⁴. Этот вывод, основанный на данных судебных архивов, подтверждался сообщениями местных газет¹⁵. Тем не менее ни свидетельство ученого, ни сигналы прессы не сделались предметом широкого обсуждения в директивных органах, в широкой печати, на сельских сходах и т. д.

Теперь, в новых условиях гласного выявления допущенных просчетов, приходится наверстывать упущенное.

Весной 1987 г. в поселке Хасаут-Греческий Зеленчукского района Карачаево-Черкесии произошло насильственное умыкание девушки, уже вторичное, так как год назад имела место первая попытка, окончившаяся неудачей. Похититель мотивировал свой поступок тем, что девушка не захотела добром выйти за него замуж, считая его фамилию менее «знатной». Побоями похититель вынудил похищенную дать согласие на брак, но вскоре был задержан и осужден по закону. Преступление и фактическое попустительство ему подавляющего большинства земляков похитителя — работников милиции вызвали широкий резонанс в местной и центральной прессе¹⁶ и в том же году сделались предметом специального рассмотрения на бюро Карачаево-Черкесского обкома КПСС, а затем в трудовых коллективах области.

Выяснилось, что хотя партийными и советскими работниками, курирующими эту область жизни, создана видимость благополучного формирования всех семей и празднования свадеб «по новому обряду», за прошедшие годы совершен ряд насильственных умыканий невест; что исполкомам местных Советов пришлось выдать большое количество разрешений на брак с несовершеннолетними девушками; что заметно активизировалась практика уплаты калыма и берне; что наблюдается оживление сословных и родовых предрассудков, которые, в частности, создают конфликтные ситуации при выборе супругов. Выяснилось также, что раздающиеся время от времени официальные призывы покончить со всем этим наследием патриархального и патриархально-феодалного быта не подкрепляются необходимыми действиями и, следовательно, слово расходится с делом. Партийными организациями и широкой общественностью области было признано необходимым принять все меры к тому, чтобы покончить с создавшимся положением.

Существенную помощь в предстоящей практической рабо-

¹⁴ Гагуев У. К. О соотношении права и обычаев // Новый быт — новые обычаи. С. 78—79.

¹⁵ См.: например: газ. «Ленинское знамя. 31 августа. 1974, 1977, 29 июля; газ. «Ленинские байрагъы», 1988, 11 февраля.

¹⁶ Газ. «Ленинское знамя», 1987, 17 апреля; газ. «Советская Россия», 1987, 29 июля.

те могут и должны оказать научные, в частности, этнографические, и пограничные с ними, исследования. В этой связи представляются важными три основные задачи.

Первая задача — собственно исследовательская. Необходимо выяснить, почему за десятилетия перестройки семейного быта и практической деятельности по его совершенствованию некоторые преступления, составляющие остатки местных обычаев, еще не ушли из жизни. Имеются ли объективные причины, подкрепляющие существование и даже периодическое оживление таких остаточных явлений? Предположительно ответа на этот вопрос следует искать в том, что в определенных слоях населения подобные явления рассматриваются как народные, национальные традиции. А если это так, то именно этнографам предстоит показать, что на деле эти обычаи лишены этнокультурной национальной специфики. Они были свойственны в той или иной мере всем народам отсталых в прошлом восточных окраин нашей страны (а также и ряда сопредельных стран, где продолжают широко бытовать до сих пор) и, следовательно, имеют, во первых, исторически стадийный, а во-вторых, региональный и даже межрегиональный характер. Не имеют под собой ни быта (за исключением брачного выкупа) также и религиозных оснований. Даже такая средневековая правовая система, как исламское право — шарият, запрещает умыкание, не признает сословного деления общества и т. п.

Вторая задача — расширение популяризации результатов научных исследований. Ее постоянными каналами должны стать не только средства массовой информации — радио и телевидение, газетная пресса и журнальная периодика, но и непосредственные выступления этнографов перед практическими работниками, в трудовых коллективах, на заседаниях советов старейшин и женских советов.

Третья задача имеет более специальный характер и лежит в области сотрудничества этнографии с государственно-правовыми науками¹⁷, а равно и с правозащитной практикой. Продуктивность этого сотрудничества может быть понята на примере реализации ст. 232 УК РСФСР, устанавливающей уголовную санкцию за принятие и уплату брачного выкупа. Как разъяснил Пленум Верховного суда РСФСР, под брачным выкупом понимается передача денег, скота или другого имущества, являющаяся обязательным условием выдачи женщины замуж независимо от того, на что произведены расходы. В то же время свадебные подарки невесте и расходы в связи с предстоящей свадьбой, если они не носили характера выкупа и невесту, не образуют состава преступления. Но брачный

¹⁷ Подробнее см.: Венгеров А. Б., Куббель Л. Е., Першиц А. И. Этнография и науки о государстве и праве // Вестник Академии наук СССР, 1981, № 10. С. 99—100.

выкуп иногда вносится под предлогом поднесения подарков и поэтому необходимо установить подлинные мотивы передачи материальных ценностей. В различных жизненных ситуациях правозащитным органам выявить эти мотивы далеко не просто, и этнографы, которым по самому характеру их работы хорошо известны народные обычаи, могут показаться здесь полезными, например, специальными аналитическими разработками. Имеются и другие относящиеся сюда вопросы, в особенности уже поднимавшийся в научной литературе вопрос о возможности включения в сферу правового регулирования «обратных платежей» родителей или родственников невесты родителям или родственникам жениха¹⁹, что особенно актуально для карачаевского обычая берне.

Было бы, однако, неправильно переоценивать значение в дальнейшем совершенствовании брачно-свадебных порядков одних только правовых мер. На нынешнем этапе развития нашего общества, когда Коммунистической партией поставлена задача расширения демократического самоуправления советского народа²⁰, наряду с правозащитной практикой все большую роль будет играть практика общественного воздействия. В связи с этим впору подумать о возрождении лучших народных традиций нравственного регулирования в бытовой сфере, и здесь также немалую помощь могут оказать этнографы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ КАРАЧАЕВЦЕВ

В ходе возрождения обрядовой жизни народов СССР, начавшегося с конца 1950-х годов, все отчетливее стала ощущаться потребность ее изучения. Ученые различных специальностей — философы, социологи, фольклористы и этнографы — обратили пристальное внимание на обычаи и обряды. Особенно плодотворно советские этнографы стали разрабатывать тематику семейно-бытовых обрядов, исследовать их эволюцию, отражающую развитие нашего общества. Было обращено пристальное внимание на самые различные семейные обряды — родительные, свадебные и похоронные.

В частности, началось углубленное изучение семейных обрядов народов Карачаево-Черкесии, в том числе их свадебной обрядности. Однако, как показывают имеющиеся историографические обзоры и тематические обобщения¹, слабее всего обстоит дело с изучением свадебной обрядности карачаевцев в ее современном бытовании, эта тема для Карачаево-Черкесии представляет большой не только научный, но и практический интерес.

За последние двадцать лет в Карачаево-Черкесии трижды (1964, 1974 и 1982 годы) предпринимались попытки создать сценарий новой свадебной обрядности и внедрить его в жизнь. Но ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. Опыт и результаты работы даже лучших обрядовых комиссий тех или иных районов области ограничивались официальной отчетностью, в лучшем случае — рассылкой инструктивного письма, так называемого сценария-рекомендации. Спорадически устраиваются и своего рода показательные свадьбы, именуемые комсомольскими, молодежными, новыми, безалкогольными, бесподарочными (бескалымными) и т. д. Но ни методисты областного управления культуры, ни обрядовые комиссии при

¹⁸ Комментарий к УК РСФСР. М., 1984. С. 481.

¹⁹ Гагуев У. К. О соотношении права и обычая. С. 80; Смирнова Я. М. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в. М., 1983. С. 210.

²⁰ Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии // Правда, 1987. 28 января.

¹ См. в особенности: Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983; Ее же. Современная свадьба у народов Карачаево-Черкесии // Полевые исследования ИЭ АН СССР. 1975. М., 1977. С. 88—89.

исполкомах народных депутатов, ни этнографы и фольклористы Карачаево-Черкесии до сих пор не могут считать работу по оптимизации свадебной обрядности законченной и, больше того, сколько-нибудь заметно продвинувшейся вперед².

Настоящая работа и призвана в какой-то мере восполнить отмеченный пробел в отношении современной карачаевской свадьбы.

Жизнь показала, что обрядность, особенно семейная, в силу традиции сохраняющая в себе черты предшествующих этапов общественного развития, характеризуется известной консервативностью. Изменения, происходящие в базисе, несомненно, прямо и косвенно отражаются в обрядовой жизни, но, как правило, с некоторым отставанием. Больше того, практика убеждает нас в том, что обрядность, не связанная с традициями, не приживается в той среде, где традиция жива не только в народной памяти, но и быту. Зачастую она вызывает обратную реакцию, и «чужеродное» отторгается, воскрешая в памяти полустертые элементы старого.

Поэтому советские этнографы придерживаются того мнения, что при разработке обрядового сценария нужен критический учет опыта, накопленного тем или иным народом на протяжении его многовековой истории. Тем более, что в этом опыте отражены также этническая история и культурные взаимоотношения народов. С давних времен практически все соседние народы вступали в более или менее интенсивные хозяйственные, культурные и политические контакты. Это не проходило бесследно для их культуры и быта. Не является исключением в этом плане и такой элемент этнической культуры, как традиционная семейная обрядность. «Этнокультурные процессы нашли отражение во многих чертах жизни семьи, которая и сама влияла на эти процессы», — отмечает в этой связи

² Останавливаясь на попытках разработки свадебного сценария в Карачаево-Черкесии в 1960—1980-х годах, Я. С. Смирнова правильно отмечает, что предложенный Карачаево-Черкесской областной комиссией по новой обрядности сценарий, «составленный главным образом с учетом особенностей карачаевской свадьбы (да и то лишь в небольшой степени), плохо привился в среде карачаевцев и еще хуже — в среде черкесов, абазин и ногойцев». Аналогичным образом записались попытки дать дифференцированные для различных народов области рекомендации в 1970-х годах (См.: Смирнова Я. С. Семья и семейный быт... С. 203; Она же. Современная свадьба у народов Карачаево-Черкесии... (С. 97).

В 1981 г. впервые с участием этнографов и фольклористов были составлены дифференцированные, учитывающие специфические особенности традиционной свадьбы различных народов области, рекомендации — примерные ритуалы обрядности. По сравнению с предыдущими, они оказались в самом начале более обнадеживающими, но позже не были учтены коррективы, которые внесла жизнь, и вся проделанная работа оказалась недостаточно продуктивной.

Я. С. Смирнова³, специально обратив внимание на семейно-бытовые аспекты этнокультурных процессов.

В целом же исследование традиционного свадебного цикла служит необходимым условием оптимизации современного ритуала. При этом исследованию подлежат и содержащиеся в этом цикле негативные пережитки прошлого.

Свадьба, свадебная обрядность — не то же, что весь сложный комплекс обычаев и обрядов, связанных с формированием семьи. В то же время они в значительной мере взаимообусловлены. Поэтому рассмотрение собственно свадьбы предварим короткой характеристикой обычаев, связанных с заключением брака.

Как и другим народам Кавказа, карачаевцам известны две основные разновидности заключения брака: брак по сговору (сез таусхан адет бла) и брак похищением (к'яачырг'ан адет бла)⁴. Наиболее предпочтительной, сугубо традиционной считалась и считается первая, бытующая как «карачаевский обычай» (к'яарачай адет). Вторая разновидность имеет свои варианты: настоящее насильственное похищение, похищение с согласия девушки (брак уводом), похищение с ведома всех заинтересованных сторон (брак уходом).

Насильственное похищение невесты против ее воли (зорлук бла к'яачырыу) всегда воспринималось, а тем более воспринимается теперь как унижение достоинства девушки и оскорбление ее родных. В создавшуюся на этой почве конфликтную ситуацию втягивается широкий круг родственников обеих сторон, активизируется и общественность. Все они прилагают усилия, чтобы уговорить и успокоить оскорбленных родственников невесты. К месту происшествия снаряжается делегация, в которой, наряду с ближайшими родичами девушки, принимает участие и ее мать. Делегация стремится внезапно проникнуть в комнату похищенной. Если похищенная не изъявила свое согласие на брак, то ее сразу же уводят из дома похитителя. В свою очередь, доверенные лица от стороны похитителя, нередко с участием блюстителя порядка — милиционера, стремятся получить у похищенной письменное согласие на брак. Неудачное похищение не только квалифицируется как противоправное действие, но и рассматривается как позор для жениха и его родни. В этих условиях девушка оказывается перед дилеммой: она может вернуться в родительский дом, предав тем самым похитителя в руки закона, но тогда и она наказывается презрительной кличкой «волоченная девуш-

³ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт... С. 100—107.

⁴ Подробнее см.: Шаманов И. М. Брак и свадебные обряды карачаевцев в XIX—нач. XX в. // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979. С. 82; Карачаевцы. Историко-этнографические очерки. Черкесск, 1978. С. 239.

ка» (сюйрелген кыз) или «сюйрслиб кьайтхан кыз») (девушка, вернувшаяся от волочения). Поэтому такая девушка в большинстве случаев соглашется на вынужденный брак или же договаривается о вторичном похищении — похищении по договоренности с невестой. Более того, так как похищенной трудно снова выйти замуж, бывает, что молодые сходятся после того, как жених возвращается из места заключения.

В противоположность насильственному похищению, два другие вида похищения — не редкость. Родственники похитителя стремятся возместить «обиду» повышенной суммой сговорных денег за невесту. Вот почему в условиях возросшего семейного достатка у карачаевцев наряду с браком по сговору (как наиболее престижным обычаем) бытует брак уводом, хотя последний и считается малопрестижным обычаем. Похищение невесты против воли ее родителей, но по договоренности с ней самой и приняло обрядовый характер, а размеры сговорных денег, преподносимых при улаживании конфликтов, имеют тенденцию к возрастанию. В семьях, стремящихся сократить свадебные расходы, практикуется брак уходом.

Как при браке по сговору, так и при браке похищением большое значение в прошлом имел калым (кьалын). В первом случае он во многом определял брачный выбор, во втором — нередко служил самой причиной похищения. У ряда народов Северного Кавказа в прошлом наблюдалась четкая дифференциация калыма на собственно калым (имущество, идущее в пользу семьи невесты) и «кебин хакъ» (имущество, предназначенное невесте на случай развода или вдовства). У карачаевцев этого не было, и надо полагать, что с распространением шариатских установлений понятие калыма не претерпело у них существенных изменений. Так же обстояло дело у ногайцев Северного Кавказа и народов Средней Азии. Надо отметить и то обстоятельство, что если у некоторых народов отмечалась сбалансированность калыма и приданого, то у карачаевцев стоимость приданого уже была намного выше⁵.

В первые же годы Советской власти калым был запрещен. Еще в мае 1921 г. председатель Карачаевского окрисполкома У. Д. Алиев в своем первом открытом письме населению округа писал, что «в нашей свободной автономии не может быть ни насилия, ни продажи»⁶. В 1922 г. ЦИК ГАССР принял ряд постановлений о запрещении покупного брака⁷, а в 1924 г. по проекту Наркомюста (ст. 232 УК РСФСР) ВЦИК издал для Карачаево-Черкесской области специальный закон, по которому уплата

калыма за невесту каралась лишением свободы или принудительными работами до 1 года⁸.

Ныне выплата так называемых сговорных денег (сез тауханлыкъ ючюн) при заключении брака не воспринимается у карачаевцев как брачный выкуп, калым. С другой стороны, в связи с возросшим материальным достатком размеры этой суммы поднялись до 1000 рублей в селениях карачаевского района и выше — в Малокарачаевском районе.

Еще большего размера достигли другие свадебные расходы — на приданое, «берне» (буквально «то, что дается», взаимные подарки стороны жениха и невесты), сый (буквально почет, почетная доля от свадебного стола), праздничное угощение. Это связано не только с возросшим материальным достатком, но и с фетишизацией дарения, дарообмена при приобщении двух чужих семей к единому новому очагу.

Приданое карачаевских невест, состоящее из предметов быта (келлин кюбюрю), не зависит от взаимных расходов, в частности от сговорных денег, свадебных подарков и т. п. Считается очень престижным, когда сторона невесты отказывается от сговорных денег, а затем демонстрирует полный комплект приданого и хорошие берне. В то же время размеры, состав и качество приданого служат предметом внимательной оценки и недовольства или же восхищения. В тех же случаях, когда невеста оказывается вообще без приданого, ее подвергают упрекам и насмешкам, называя бесприданницей (тубсюз-башсыз, кюбюркексыз-кюбюрсюз).

Размеры, как приданого, так и берне всегда находятся в динамической зависимости от материального достатка семьи и никогда не регламентируются обычаем. Поэтому проследить закономерность взаимозависимости свадебных расходов брачующихся сторон оказывается не так просто. В целом же надо отметить, что правы авторы этносоциологического исследования культуры и быта народов Кабардино-Балкарии⁹, в следующем своем выводе: большинство из тех, кто участвует в «ослабленной и видоизмененной форме формального брачного выкупа... и не помышляют всерьез о покупке-продаже девушки, но они не задумываются и над тем, что отдают дань вредной традиции, в которой ее обрядовую форму трудно отделить от ее реакционной былой сущности. Другие понимают несоответствие данной традиции современным условиям, но уступают уговорам традиционалистски настроенной родни и односельчан»¹⁰. При этом отмечается, что «у балкарцев почти три четверти опрошенных высказывались о полусимволическом брачном выкупе отрицательно, но

⁵ О историческом соотношении институтов калыма и приданого. см. работы М. О. Косвена и Н. А. Кислякова.

⁶ Ленинское знамя. 1922. 12 сентября.

⁷ Жизнь национальностей. 1922. 14 апреля; Смирнова Я. С. Семейный и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 201.

⁸ Горская жизнь. 1925. 14 ноября, 22 ноября.

⁹ Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев. Изд. пчк, 1986.

¹⁰ Там же. С. 132.

почти половина на деле его вносила»¹¹. Сходная ситуация характерна и для карачаевцев, но с той разницей, что в связи с развернувшейся борьбой с калымом, дача и получение сговорных денег не совершается у них открыто.

При сопоставлении размера и состава свадебных платежей в прошлом и настоящем, а также этих платежей у карачаевцев и других северокавказских народов, мы убеждаемся в том, что в прошлом платежи были куда скромнее, чем у равнинных и предгорных народов региона. Даже в наиболее состоятельных семьях карачаевцев свадебные платежи были менее щедрыми. Однако в настоящее время приходится констатировать явление обратного порядка.

Собственно свадьбе предшествует предсвадебный цикл, центральное звено которого — выбор невесты и жениха.

Раньше в большинстве случаев родители или другие родственники подыскивали молодому человеку такую жену, которая подходила ему по его общественному и имущественному положению, и в редких случаях молодой человек сам мог сообщить о своем выборе родителям через посредника (селештирген адам — человек, ведущий разговор). Сейчас все чаще практикуется свободный выбор самих брачащихся. Этому во многом способствуют изменения в условиях общения крестьянской молодежи, завязывания знакомств и предсвадебного ухаживания.

Раньше знакомства молодежи завязывались главным образом во время празднеств календарного цикла, на помочах соседей и девичьих вечеринках-посиделках, на свадьбах и родинах. Устраивавшиеся там танцы были одним из любимых развлечений карачаевцев. В них участвовали все за исключением замужних женщин. Во время вечеринок танцы сменялись играми и песнями-состязаниями юношей и девушек. Исследователи устного народного творчества карачаевцев и балкарцев отмечают их исключительно богатую любовную лирику, в частности лирические четверостишия — инары. «Без инаров, — пишет Р. К. Ортабаева, — не обходится ни одна свадьба, ни одно народное гулянье, ни одна молодежная вечеринка»¹².

По ее наблюдениям, «в карачаево-балкарской лирике любовь трактуется как чувство сильное, властное, приносящее одновременно радость и страдание. В то же время она строго сдержанна. Знак любви здесь — мимолетная улыбка при рукопожатии, и незаметный для окружающих взгляд при встрече на улице, и приглашение на танец...»¹³.

Вот пример состязания юноши и девушки в инаре «Играй, играй, мой саз»:

Она: Балалы таукъ сен болуб,
Чёблеб кетген сен болсанг,
Сапран чабакъ мен болуб,
Суугъа кирсем, не этерсе?
(Ну, а если ты презраться в квочку,
И заклюешь меня (словно зерно),
Я превращусь в форель и нырну в воду,
Что же ты сделаешь тогда?)
Он: Сапран чабакъ сен болуб,
Суугъа кирген сен болсанг,
Айры къармакъ мен болуб,
Тартыб алсам, не этерсе?
(Ну, а если ты, превратившись в форель,
Нырнешь в воду,
Я, превратившись в крючок-удочку, вытащу тебя,
Что ты сделаешь тогда?)

Во время календарных празднеств устраивались традиционные карнавальные шествия «Гюппе, гюппе», напоминающие русские колядки¹⁴. В них молодежь и дети с пением ритуальных песен обходили дома, а хозяева одаривали их обрядовыми пирогами. С этими дарами молодежь продолжала веселье и игры возле культовых камней «Байрым Ташла» (Камни матери Марии) на лужайке у речки. Здесь зажигали костры, через которые сосгязаясь перспрыгивали девушки и юноши, устраивались гадания — когда кому суждено выйти замуж или жениться. В завершение все вместе съедали собранные по дворам дары.

Дореволюционные бытописатели Карачая писали, что на подобного рода увеселительных сходках общение девушек и молодых людей было относительно свободным¹⁵. Многие наблюдатели отмечали у горянок такие черты характера, как общительность, кокетливость, но и приверженность к этикету. Так, один из путешественников по Карачаю и Балкарии, преподаватель Тифлисской гимназии В. Я. Тепцов, писал в конце XIX в.: «Девушки не запирались под замок и в обыкновенной жизни пользуются некоторой свободой. Вечеринки, напоминающие несколько наши посиделки, в большом ходу в Карачае и на Баксане. Перед покоем парни и девушки особенно много гуляют, празднуют. Собираются в доме у одной из девиц и целые ночи проводят в танцах под гармонику. Хозяйка угощает гостей домашними произведениями: пирожками, сыром, бараниной, кашей из проса и т. п., парни же приносят девицам дешевые сласти, если таковые найдутся в ауле»¹⁶. В то же время ввиду кратковременности знакомства с горским бытом, они не могли заметить многих сторон проявления свободы в общении горской молодежи. Например, имен-

¹⁴ См.: например: Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия. Л., 1984. С. 26.

¹⁵ Алейников М. Обряды и обычаи карачаевцев при свадьбе и помочах // Кубанские областные ведомости. 1880. № 7; Чурсин Гр. Музыка и танцы карачаевцев // Кавказ. 1901. № 270 и др.

¹⁶ Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Терека // СМОНПК, 1892. Вып. 14. С. 105—106.

¹¹ Там же.

¹² Ортабаева Р. К. Карачаево-балкарские народные песни. Черкесск, 1977. С. 91.

¹³ Там же. С. 74.

но во время описанных выше гуляний и посиделок-вечеринок юноши и девушки находили различные формы выражения симпатии друг к другу. Прибегали к помощи посредников, обменивались залоговыми подарками (белги).

Но самым излюбленным местом встречи молодежи все же остались свадебные праздники, именуемые «той-оюн» (свадьбы-игры), которые были очень продолжительными и особенно многоялюдными. На таких празднествах, как писал большой знаток карачаевского быта В. М. Сысоев, «молодые люди все время веселятся, поют, танцуют и устраивают игры, старые в это время находятся в отдельном помещении»¹⁷.

Эти формы и условия добрачного общения, показывающего относительную свободу во взаимоотношениях юношей и девушек, имеют широкие аналогии у других народов Кавказа. Повсюду, где царили застойные патриархально-феодалные порядки, общественные и семейные празднества играли большую роль в добрачном общении молодежи и в конечном итоге в выборе будущих супругов¹⁸. Вместе с тем эти отношения повсюду предполагали исключительную сдержанность юношей и девушек. Нормы адата и шариата не позволяли каких-либо вольностей в общении полов, не говоря уже о добрачных связях. Хорошо известный этнографической литературе горский этикет, в Карачае известный как «Черкес намыс» (черкесское приличие) строго регламентировал порядок общения полов вплоть до мельчайших деталей¹⁹. Да и помимо того, частые встречи в обыденном быту были затруднительны из-за дальности расстояний между селениями и хозяйственными точками карачаевцев, хозяйство которых складывалось вокруг горных кошей. Особенно это относится к весенне-летним месяцам, в то время как в осенне-зимний период встречи учащались на свадебных и других торжествах.

Характерно, что нередко брачные вопросы решались с успешностью. Об этом свидетельствуют имевшие распространение браки уводом, когда девушка, познакомившись с юношей на празднике или где-нибудь на специально подстроенных смотринах, принимала предложение и соглашалась на увод, заранее зная, что ее родители не дадут согласия на данный брак. Каждое сватовство, от какого бы жениха оно ни исходило, превышало престиж девушки. В то же время неудачное сватовство (ср. карачаевскую поговорку: «Девушку сватает сто человек, а выйдет она за одного из них»). Отнюдь не превышало престижа молодого человека и его семьи. Поэтому они часто пытались обойтись без официального сватовства, или заранее принять

¹⁷ Сысоев В. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК, 1913. Вып. 43. С. 58.

¹⁸ Ср.: Мафедзев С. Х. Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик, 1979.

¹⁹ Бгажноков Е. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978; его же. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.

меры к его благополучному исходу. Одной из таких мер, устраивавшей обе стороны, служил и продолжает служить обычай обмена залогами между юношей и девушкой. Получение залога от девушки было известной гарантией успешного сватовства; если же ее родители не давали своего согласия, юноша легче отбивается на тайный увоз своей избранницы. Она же, как правило, решалась на такой увоз, будучи уверена, что недовольство ее семьи будет недолгим и между сторонами состоится примирение. Обыкновенно родители шли на мировую со словами: «кеси абынган джыламаз» (сама споткнувшаяся да не заплачет). Ответное получение девушкой залога от ее избранника также в значительной степени гарантировало ей замужество. В этих случаях бывало, что девушки решались даже на такой шаг, как тайно от родных в сопровождении молодой родственницы войти в дом избранника и «объявить о своем замужестве».

Таким образом, даже в прошлом карачаевская молодежь располагала определенными возможностями добрачного общения и брачного выбора. Можно сказать, что у карачаевцев добрачное знакомство считалось неременным условием вступления в брак. Но, конечно, возможности общения и взаимного выбора девушек и юношей теперь неизмеримо возросли по сравнению с прошлым. Совместная учеба в средней школе, техникумах и вузах, совместная трудовая деятельность в одних и тех же коллективах, совместные посещения культурных мероприятий, встречи на общественных праздниках и т. д. — все это расширило рамки добрачных знакомств. Новой и довольно-таки активной формой проявления взаимного интереса и симпатии служит также переписка. К ней прибегают главным образом тогда, когда юноша или девушка покидает на время родительский дом, переезжая в город на учебу, уходя на службу в ряды Советской Армии и т. д.

В характере общения молодежи сказывается влияние локальной и социально-профессиональной среды. В этнически однородной сельской среде, а таковой является большинство карачаевских селений и особенно в селениях Старого (горного) Карачая, более заметна сдержанность в проявлении чувств. Ухаживание носит здесь завуалированный характер: обычаи не позволяют, чтобы девушка одна, без сопровождающей ее подруги оставалась в обществе молодых людей, а тем более, чтобы влюбленные назначали друг другу свидание наедине. Исключается проявление чувств при встречах не только при родных, но и при знакомых, а равно в общественных местах. В городах же общение молодежи менее скованно.

По-прежнему важную роль в общении влюбленных играют посредники или посредницы. Сохраняются залоговые, в качестве которых обмениваются кольцами, фотокарточками, именными часами, вышитыми платочками и т. д.

При выборе супругов большое значение придается чертам

характера. В то же время и родителям, и самой молодежи лучшим брачным партнером представляется тот, кто имеет специальность, перспективную работу, хорошие жилищно-бытовые условия. Немаловажное значение придается также семье и ее согласию на брак, хотя, как уже говорилось, не редкость и браки увозом, без согласования с родителями девушки.

Свойственная карачаевцам относительная свобода брачного выбора, несомненно, представляет собой отголосок былых демократических традиций, которые сохранились в упорной борьбе с нормами патриархально-феодалных адатов и шариата. Однако более ощутимая эмансипация молодежи стала возможной только с победой социализма, в результате коренного переустройства социально-экономической и культурной жизни горской семьи. Было бы все же неправильно переоценивать эту эмансипацию. Пережитки патриархальщины изжиты не до конца, к тому же наряду с преобразованиями, приведшими к развитию прогрессивных форм, мы сталкиваемся с попытками возрождения негативных явлений прошлого. Бывает, что многое из преодоленного в 1920—30-х годах, сейчас имеет тенденцию к возрождению. Вот характерный пример.

Как в прошлом, брачный выбор ограничивается фамилородственной экзогамией, но не в такой жесткой форме, которая исключала бы любую степень родства. Часто родители брачующихся уже после того, как молодые люди решили вопрос о браке, начинают сокрушаться, ссылаясь на родственные связи, с другой стороны, если выбор родителей устраивает, они ссылаются на то, что родственные узы давно не поддерживаются по причине территориальной разобщенности и т. п. Другой пример: бывает, что родители, узнав о выборе сына или дочери, стараются ему отсоветовать, ссылаясь на былую неродовитость фамилии и тем самым непрестижность брака. Вообще, учет при заключении брака былой сословной принадлежности относится к числу не преодоленных до конца пережитков прошлого в быту карачаевцев.

Что касается нынешней социально-профессиональной принадлежности, то в городах чаще всего браки заключаются в одной социальной среде (и собственно при равном культурно-образовательном уровне), в сельских же поселениях более часты социально неоднородные браки. Здесь больше смотрят на проживание в одном селе, добрые отношения родителей, наличие собственного домовладения. Поэтому в составе современной семьи в любом карачаевском селении сплошь и рядом можно увидеть представителей самых разных социально-профессиональных групп. Характерно, что социально неоднородные браки особенно участились в последние годы.

При оценке качеств невесты учитываются ее красота, здоровье, возраст, воспитанность, репутация, репутация семьи. По-прежнему в ходу поговорка: «Анасын кер да, кызын ал» (При-

глядись к матери и женись на дочери), выражающее расхожее мнение о том, что дочь наследует черты характера и другие качества у матери, а сын — отца. Устное народное творчество карачаевцев хранит богатые образцы поэтических произведений «сюймеклик джырла» (любовные песни), в которых запечатлены идеалы возвышенных чувств юноши и девушки. Особенно оригинальны и образны такие жанры, как «айтышы», «кюу», «инары». О некоторых из них уже шла речь выше. Здесь же отметим исключительную популярность в народе многовариантных лирических произведений народного поэта и певца Касбота Кочкарова: автобиографические поэмы «Хорасан» и «Айджаяк», инары — «Хочу стать зятем», «Песня табунщика» и другие²⁰. Так, песня «Айджаяк» (Лунолика), сложившаяся поэтом во времена сватовства к девушке Айджаяк, впоследствии приобрела народный характер и разрослась в поэму из сотен четверостиший.

Объединив воедино народные традиции «мужской и женской импровизированной лирики», песня «Айджаяк» воссоздает праздничное, торжественное настроение.

Как показывает полевой материал, подавляющее большинство заключаемых карачаевской молодежью браков составляют браки по собственному выбору. Но чем выше возраст вступающих в брак, тем выраженнее тенденция учета мнения родни. Да и сами брачующиеся не спешат с выбором. Обычно все это правильно объясняют их степенностью и рассудительностью. Добавим, что в многодетных семьях родители рано начинают беспокоиться о женитьбе или замужестве детей и, наоборот, если семья немногочисленна, то с этим не торопятся. В семьях второго типа чаще вступают в брак по выбору родителей, либо по собственному выбору, но с учетом мнения родителей.

Для нашей темы немаловажное значение имеет вопрос о том, и какой степени в настоящее время сохраняются пережитки некоторых преступлений, составляющих остатки местных обычаев. В начале 1970-х годов юрист У. Гагуев, занявшись исследованием различных преступлений этой группы у народов Карачаево-Черкесии, пришел к выводу, что в области еще имеют место преступления, связанные с посягательством на равноправие женщины в области семейно-брачных отношений (главным образом уплата и получение брачного выкупа и принуждение к браку)²¹. В начале 1980-х годов в области была возобновлена и усилена борьба с модификациями таких пережитков. Дело дошло до юридических санкций в связи со свободным дарообменом (преподнесение стоворных денег — сез таусханлык, берни). Однако эта кампания ограничилась палиативными мерами,

²⁰ Хабичев М. А. Касбот Кочкаров — старейшина народных певцов. Стихи карачаевском и русском языках. Черкесск, 1986. С. 102—120.

²¹ Гагуев У. К. О соотношении права и обычаев // Новый быт — новые обычаи. Ставрополь, 1978. С. 79—83.

а затем была в значительной мере свернута. Соответственно и результаты ее были невелики. В итоге в современной свадебной обрядности мы имеем такие явления, как «открытый калым» и «берне без свидетелей», к которым мы вернемся в соответствующем месте рассмотрения общей схемы свадебной обрядности.

Обратимся теперь непосредственно к самому свадебному обряду, или основному циклу свадебной обрядности. Свадьба (по-карачаевски — той) — наиболее яркое, празднично оформленное событие семейной жизни. Недаром в карачаевском языке существует понятие «оформление свадьбы» (тойну джасау), которого мы не встречаем примиспительно к другим празднествам. Полнее, чем в других обрядах жизненного цикла, проявляется здесь и народное творчество.

В настоящее время у карачаевцев имеют место три вида свадеб: полная традиционная (толу адет бла), полутрадиционная (джарты адет бла) и новая (джангы адет бла). Каждая из них, в свою очередь, имеет ряд локальных и иных вариантов, но здесь наше дело по возможности обобщить наиболее типичные модели.

В традиционной свадьбе ее центральному звену — свадебному празднеству — предшествует сватовство (келечилик джюрю-тойу от «келечи» — посол). Оно состоит из двух этапов — неофициального и официального. Наиболее трудным этапом является первый. Присжде всего зондируется отношение к делу самого молодого человека. Это делается через его друга (селештирген адам), или старшей невестки дома. Если он, отдавая дань традиции, заявляет через посредника, что у него нет на примете девушки (кеси сайлагъан, букв.: «избранницы»), то происходит предварительное совещание родственников (оноулашы) для того, чтобы сделать выбор и согласовать его с юношей. Бывает и так, что ни сам жених, ни его родственники не могут наметить кандидатуру. Тогда ему «дают дорогу» (кесине бошлау). Но если выбор все же падает на определенную девушку, то кому-либо из родственников поручается сделать намек (сагъыныу) на предполагаемое предложение самой девушке или же ее родителям, чаще всего матери.

Первый визит наносится как бы случайно, между дел. И только при втором визите открыто объявляется его цель. При этом не только первый, но и второй визит зачастую сводится к обыденной встрече во дворе дома или же где-нибудь в другом месте. И только после того, как сватовство начинает принимать официальный характер, сватов приглашают в помещение (ичкери).

К этому времени стороны осторожно наводят нужные справки друг о друге. Наводить такие справки не прекращают и в дальнейшем, когда сватовство приобретает официальный характер. Обычно хозяева приветливо благодарят семью жениха за оказанную честь, но продолжают давать сватам уклончивый ответ: например, говорят, что им надо посоветоваться с кем-ни-

будь из отсутствовавших на семейном совете родственников или предлагают устроить встречу — смотрины жениха и невесты. Во время таких встреч девушка подчеркнуто выказывает свое почтительное отношение к родителям и другим родственникам, покорность их воле; поэтому она, если даже и склоняется принять предложение, то отправляет жениха к своим родителям. В случае отказа, она передает свое решение через посредника.

Как видим, неофициальные посредники и официальные сваты (свахи) продолжают иметь важное значение в предсвадебных отношениях сторон. От их умения и старания во многом зависит согласие на брак и предотвращение расстройств сговора из-за «злого умысла» посторонних лиц или же «порчи дела» (хыйны). Придавая исключительное значение искусству сватов, в народе говорят: «Келечи, келечи болса, берк огъач къымылдар» (Будет посетитель настоящим, заставит шевелиться и болванку). Благополучное окончание неофициального этапа сватовства отмечается обрядом «разламывания хлеба» (гырджын сындыру).

В случае, когда вопрос о браке уже предreshен женихом и невестой, предварительное сватовство упрощается. Посредникам остается лишь договориться об организации свадьбы, о времени и порядке переезда невесты. Если же молодые сами решили и эти вопросы, то сватовство вообще отпадает. Но если жених лишь дает свое согласие на избранную советом кандидатуру невесты, то семья полностью берет на себя заботы и расходы по сватовству и устройству свадебного празднества.

Итак, заручившись предварительным согласием девушки на брак, сваты официально переступают порог невестиного дома.

До этого им приходилось бывать здесь по несколько раз, то встречаясь с матерью невесты, то устраивая свидание жениха с невестой. Поскольку подобные встречи носят тайный, неофициальный характер, то они устраиваются где-либо вне дома. Частота встреч молодых людей зависит от места их проживания, но чаще всего от того, насколько успешно сватовство.

С первого дня официального сватовства сваты, переступая порог невестиного дома, открывают «счет подаркам». Чтобы не «сглазить» доброе начинание, они приносят коробку конфет. В дальнейшем процесс укрепления родственного союза предполагает обязательный дарообмен при взаимных визитах.

Число сватов не является строго определенным. В большинстве случаев в роли свата выступает один человек, чаще женщина. Это обычно родственник или родственница одной из сторон, в то же время хорошо знакомые и другой стороне. В качестве сопровождающего (он же водитель машины) выступает родственник жениха. Иногда в роли сватов выступают и сами родители жениха, которые попеременно встречаются с матерью и отцом невесты. Последний вариант чаще всего практикуется в городской среде и в предгорных селениях с полиэтническим составом населения.

Жених участвует в сватовстве только на его неофициальном этапе. При этом он посещает только саму невесту. Нередко это свидание имеет характер смотрин. Предсвадебное посещение женихом и невестой домов своих будущих родственников не практикуется, из-за обычаев избегания, хотя визиты юноши в дом избранницы в период ухаживания не возбраняется.

Видная роль в сватовстве и сговоре по-прежнему отводится дядьям жениха, а также его зятю — мужу сестры. Часто стараются, чтобы сватом был родственник поавторитетнее. Сватовство рассматривается как исключительно деликатное дело. Страх получить отказ ведет к тому, что в некоторых семьях не преодолено былое представление о порче, насылаемой в этих случаях, завистниками и недоброжелателями. Поэтому сваты прежде, чем отправиться в путь нередко прибегают к гаданиям на камушках (таш салыу). Раньше роль первого свата поручалась человеку, умеющему гадать, ворожю. Опытные и удачливые сваты или свахи получали неплохие доходы. При успешном завершении дела сваха и сейчас получает вознаграждение (ишни джюрютгени ююн) — обычно отрез на платье или же шерстяной платок. Опытные свахи обладают удивительным даром красноречия — качеством, могущим послужить предметом специального изучения.

Свадьбу со сватовством считают более престижной и называют «адегиндеча той» (свадьба по обычаю). Если же свадьба устраивается без сватовства, уводом невесты, то она считается непрестижной и называется «келечисиз той» (без сватовства), а невесту нередко упрекают, что она переступила порог дома без сватовства (келечисиз келген). При положительном исходе сватовства завершается сговором (сез тауусуу — букв. завершение слов), который подкрепляется денежным залогом (сез таусханлык — букв. за завершение слов, т. е. сговорные). Сговор может достигаться и без сватовства, самими женихом и невестой. Однако и в этом случае существует брачная выплата родне невесты, которая совершается при улаживании отношений после совершившегося брака уводом или уходом. Она носит название «джарашханлык» (за примирение).

Процедура официального сговора происходит в двух вариантах: до переезда невесты в дом жениха (по традиционному обряду) или после переезда (по полутрадиционному обряду). Вторая обычно бывает при браке уводом или уходом.

Для совершения церемонии сговора стороной жениха направляется 3—5 человек. Среди них обычно дядя жениха (глава делегации), зять жениха, младший брат жениха, иногда сват и еще кто-либо из родственников старшей невестки. Делегация везет с собой «сговорные деньги», коробку кондитерских изделий, овцу, напитки. Все это дается родителям жениха. От своего имени члены делегации подносят деньги; больше других дают глава делегации и брат жениха, за что им полагается берне.

В доме невесты гостей встречают в кунацкой. Вместе с ними за стол садятся не сами родители или другие члены семьи невесты, а приглашенные для этого родственники. В какой-то момент глава делегации в сопровождении одного или двух свидетелей выходит в комнату, где находятся родители невесты, и передает им «сговорные деньги» и подарки.

Если невеста еще находится в родительском доме, то перед отъездом гостей хозяева называют им приблизительные сроки, к которым они могут подготовиться к свадьбе.

Гостей провожают с ответными приблизительно эквивалентными подарками. Если делегации возвращаются «сговорные», то одаривание в берне ограничивается преподношением одних сорочек. С этого момента подарки стороны невесты и носят название «берне» (от бер — дай; то, что отдается). Подарки вообще обозначаются термином «саугъа».

Еще не так давно, до 1970-х годов, невеста после сговора некоторое время (до месяца и больше) оставалась в родительском доме. Шла усиленная подготовка к свадьбе, запасались приданным и подарками.

В настоящее время, если со времени сватовства не умер никто из близких родственников или же соседей, то до свадьбы проходит не более недели. Этого времени стороне невесты оказывается вполне достаточно для снаряжения ее в замужество, а стороне жениха — для подготовки той.

Прежде чем перейти к свадебному празднеству, скажем несколько слов о предсвадебных приготовлениях.

В предсвадебные дни сторона жениха посылает специальных лиц приглашать гостей и готовит праздничное угощение. Режут овец (из расчета одна овца на 25 человек) или же хорошо откормленного быка, пекутся ритуальные пироги (хычынла, чыкъяртла, берскле), варят бузу, реже пиво (сыра). Не обходится и без спиртных напитков, расходы на которые раньше составляли немалую сумму.

Получив приглашение на свадьбу, наиболее близкая родня отправляется туда за день-два. Идут не с пустыми руками: с собой несут подарки — «алгыш керек» (букв. подздравления). Это деньги, предметы женского туалета, отрезки на платье, косыночки, кондитерские изделия, традиционная халва. Наиболее близкие дарят овцу.

Из числа их подарков комплектуются для невесты «къял керек», или «келинни кюбюрчеги» (невестина шкатулка), а наиболее ценные подарки идут для большого сундука невесты (келинни кюбюрю), куда укладываются вещи, входящие в состав берне. При укладке вещей в сундук, что происходит накануне или в день приезда за невестой поезжан, они подвергаются скрупулезному обсуждению с точки зрения их престижности или непрестижности. Это — своего рода церемония, которой руководит кто-либо из старших женщин дома невесты, а в роли гида при

демонстрации вещей выступает одна из невесток семьи. Первые слова, которыми встречают друг друга соседки или родственницы, — это «Каков сундук?» (Кюбюрю кыалайды) или «Что уложили в сундук?» (Кюбюрюне не салдыла?).

Процедура укладывания вещей выглядит обычно так. Первую, наиболее ценную вещь берет в руки старшая женщина (юйню тамадасы) и со словами благопожелания новой семье передает ее в руки представительницы семьи невесты, выступающей в качестве попечительницы последней (кыыз дженгер кыатын). Та, в свою очередь, передает вещь женщине, которая будет впоследствии «бернечи» (раздатчицей берне). Комплектование невестинного сундука завершает церемония подготовки к свадьбе в доме невесты.

А в доме жениха за день-два до свадьбы происходит распределение ролей: назначается распорядитель свадьбы (кыуанчны башчысы), танцев (бегсул), продовольственной частью (гезси бийче), ответственные за столы (стол башчы) и их помощники (шапала), определяются шаферы (кюеу дженгеры) т. д. Параллельно в доме невесты, кроме покровительницы «кыыз дженгер кыатын», определяется и свита ее сопровождающих, шаферов «кыыз дженгерле» — 4—5 мужчин (юношей) из числа родственников со стороны матери и отца. Назначают старших — обычно зятя или неженатого брата невесты. Особо выделенной женщине (обычно это одна из молодых невесток семьи), которую мы в дальнейшем будем называть наставницей. Они вместе с наставницей несут ответственность перед семьей невесты за соблюдение порядка и обычаев. В день свадьбы от стороны жениха к ним присоединяется несколько человек: один из них — наставник жениха, а двое других — молодые родственники невесты. При браках уводом или уходом невесту до примирения сторон сопровождают юноша из числа ее родственников. Комната, в которой размещается невеста со своей свитой, по традиции называется «котоу» (комната молодоженов). Она обставляется как можно наряднее и к ней приковано внимание на всем протяжении праздника. Если у жениха отсутствует промежуточный дом, где он находится во время свадьбы, что наблюдается только в отдельных приверженных к старым традициям семьях, то он также находится в отоу вместе со своим наставником.

В назначенный день (предпочтительным считается конец недели) с утра снаряжается свадебный поезд. Как и раньше, его стараются сделать как можно более пышным. Если раньше за невестой отправляли повозку в сопровождении всадников, численность которых вообще не ограничивалась, то теперь отправляют нарядную легковую машину в сопровождении пяти-десяти других машин с дружками и самим женихом. На главной машине везут так называемый флаг женихового дома (юйню байрагы). Этот комплект, в который входят нарядный девичий платок, мужская сорочка, отрез на платье и обручальное кольцо.

Свадебный «флаг» прилаживается таким образом, чтобы входящие в его состав предметы, привязанные к древку или же к смотровому зеркалу автомобиля лентой (раньше галунами), непременно развевались по ветру. Иногда капот этой машины украшает коврик. В отдаленном прошлом флаг свадебного поезда был флагом женихового рода, о чем напоминало вышитое на нем тавро рода жениха над тавром рода невесты. В настоящее время мы имеем дело со вторичной традицией, генетическая основа которой утрачена. Остальные машины, как менее почетные, украшаются разноцветными лентами и кусками плюша, в некоторых случаях также полотенцем и сорочкой.

Перед отправкой поезжан за невестой во дворе дома жениха устраивают «стремяную» (атланган аяк), т. е. легкое угощение. Почтенный представитель стороны жениха произносит напутственное слово, призывая соблюдать порядок и следовать указаниям главного шафера (кюеудженгер тамада). Раньше в числе поезжан пахотились гармонистка и одна или две наставницы (сестра жениха и старшая невестка). Теперь кроме них в состав свадебного поезда входят не менее пяти-шести девушек. Что касается жениха, то раньше свадебный поезд отправлялся вольшею частью без него²², теперь же жених не находится в нем только в редких случаях. Но отправляется он не с родительского двора, а как бы незаметно присоединяется в пути или же выходит из «другого дома».

Из известных у многих народов обычаев временного поселения жениха и невесты в «другом доме» (по терминологии М. О. Косвена) своих родственников или соседей у карачаевцев имеет место только обычай временного поселения жениха. Сохраняется и сам термин для этого дома — «болуш юй», от «болушуу» — помогать и юй — дом. Хозяева дома называются (болуш ата» (ата — отец) и «болуш ана» (ана — мать).

Для этой стадии свадебного цикла характерны некоторые локальные особенности, присущие жителям и недавним выходцам из Маринского ущелья и прилегающих к нему селений (Каменномостское, Н. Тебердинское), а отчасти и населению Карачаевска и Черкесска. Они состоят в смещении ряда церемоний и утрате некоторых традиционно устоявшихся циклов. Важнейшая из них: среди поезжан наряду с женихом находятся и его родители в сопровождении своих ближайших родственников. Все это — инновации, свидетельствующие о далеко зашедшем отходе от обычаев избегания, и других архаических традиций. Из других инноваций отметим исчезновение многих магических действий, призванных оберегать брачующихся от «порчи», и обеспечить семейное благополучие.

Отметим также заметные различия в численности поезжан у

²² Алейников М. Обряды и обычаи карачаевцев при свадьбе и похоронах // Кубанские областные ведомости. 1880. № 19.

горных и предгорных жителей: у первых в свадебный поезд наряжается 4—5 автомобилей, у вторых их число несколько больше. У тех же горных жителей число бракосочетаний уводом или уходом бывает сравнительно меньше, чем у населения предгорий.

Отправление свадебного поезда в прошлом сопровождалось пением свадебной песни, а на всем пути — джигитовкой и стрельбой из ружья. Теперь эти игровые моменты исчезли. Имитацией песни как бы служат звуки клаксонов автомобилей.

При браке с фиктивным похищением интересно поведение родных и близких невесты. Если она «убегает» из дому или от соседей, то ее родители нарочно куда-нибудь отлучаются, другие же домашние (братья, сестры), а также соседи стараются держаться в стороне. Чаще уход устраивается из «чужого дома», с места работы или же учбы.

Иногда свадьбу невесты вместо ее родителей справляет ее бабка, живущая отдельно. Она берет на себя все хлопоты, связанные с подготовкой свадебного костюма невесты, а также устройством праздничного стола.

В день свадьбы застолье в доме невесты не отличается особой пышностью, каким оно обычно бывает в доме жениха. Здесь устраивается скромное угощение. На стол подают традиционные мучные изделия, непременно баранину, соки и воды, сладости домашнего приготовления и покупные. Поезжан встречают звуками гармоники. Те, подъезжая к дому невесты, включают сирены автомобильных сигналов, а затем, оставив автомобили в стороне, с песней и танцами входят во двор. Затягивается свадебная песня «Орайда»²³.

С, келдик, келдик,
Огъур бла келеик!
Чыкыгъан джерибизден
Огъур бла чыкыгъанек,
Ой, ызыбызгы да
огъур бла атланайык!

(Ой, пришли мы, пришли,
Да будет к добру наш приход!
С добром мы явились.
Да будет добрым
Наш обратный путь!)

Поезжанам независимо от возраста отводятся наиболее почетные места за столом — поблизости от красного угла и вдоль фасадной стены. Один из родственников невесты, опытный в застольных церемониях, занимает место тамады. Рядом с ним сидит главный шафер жениха. Под руководством тамады произносятся «алгышы» (здравницы). Если дело происходит в теплое время года, то гостей рассаживают во дворе, а женщины помещаются в одной из комнат, по соседству с невестой. Столы разделяются на мужские и женские. Устраивать женский стол во дворе считается неприличным. Если для молодежи устраиваются танцы, женщины выходят во двор. Во время короткого застолья и танцев сторона невесты старается всячески потешиться

над поезжанами: юноши и девушки норовят незаметно что-либо подвесить к их одежде, снять с автомобилей колесо или подфарники, устраивают на обратном пути завалы и т. д. Все эти обряды, имея древнюю основу (так называемые свадебные антагонизмы), находят многочисленные аналогии у северокавказских народов и далеко за пределами региона²⁴.

Если брак совершается уходом, то свадебный поезд останавливается в стороне от места предполагаемого выхода невесты, и процедура усаживания ее и ее небольшой свиты проходит через парламентаров. Гостьба поезжан в доме невесты длится недолго. Раньше, если гости приезжали издалека (скажем, из Черкесии, Кабарды, Балкарии), то их оставляли ночевать. Бывали случаи, когда той продолжался целые сутки без прерыва. Правда, приличис требовало, чтобы приезжали с таким расчетом, чтобы выехать в обратный путь в тот же день. К тому же в случае долгой гостьбы поезжане могли остаться без упряжи, которую крала молодежь. Но так или иначе гостьба сократилась. После небольшого застолья старший шафер напоминает о цели приезда, благодарит за гостеприимство и направляется к выходу. Ему в аллегорической форме напоминают о старинном обычае: например, говорят, что из-за отсутствия регулировщика, который якобы отлучился в поисках одеяния, шлагбаум закрыт. Затем старшая из невестиных подруг объявляет об «открытии дороги», за что на головы полагаются платочки, а ездовому — флаг. Доверсившие жениха с «флагом дома» направляются вслед за глашатаем, чтобы войти в помещение невесты (эшик бегиткенлик). Им приходится здесь прежде всего одарить мальчика, охраняющего двери. Тогда их впускают в помещение, где стоят с закрытыми лицами обряженные девушки — невеста и ее подружки. Иногда забавы ради и для маскировки невесты в девичий наряд облачают юношу. Поезжанам предлагается угадать, которая из девушек невеста. Если им с первого взгляда угадать не удастся, то они попадают в «штрафники» (тазир). Зачастую здесь не обходится без подсказки «подкупленной» девушки. После обнаружения невесты предлагается совершить обряд «джегенден тюшюрю» (снятие с циновки). Шафер жениха достает платок-покрывало «ау джаулык» и обручальное кольцо (часть флага), а подружки невесты одаривает парфюмерными изделиями. Затем предстоит совершить обряд первого шага невесты. Ближайший родственник невесты, обычно ее младший брат подходит к невесте, берет ее за руку и со словами: «Келинчигим, джаним, огъур аякъ бла атландырайым» (Невесточка, душенька, помогу сделать шаг, сопровожу тебя в добрый путь), делают несколько шагов, повернувшись спиной к выходу. В этот момент провожатые затягивают свадебную песню «Орайда» и под звуки гармоники выводят невесту во двор, где сажают ее в автомашину с «флагом невесты» (келинин байрагы). С нею рядом, по

²³ Малкондуев Х. Х. Балкарцы и карачаевцы // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1985. С. 104.

²⁴ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт... С. 58.

правую руку, садится ее наставница, а по левую — сестра или же невестка жениха. Кроме того, с невестой находится кто-либо из ее друзей (кызы дженгер джаш). Жених вместе со своими друзьями и подружками невесты следуют к соседней машине. На обратном пути ведущая (флагманская) машина взамен «флага» жениха получает «флаг» невесты и украшается новыми подарками; новыми подарками (полотенцами, сорочками) украшаются и сопровождающие ведущую машины.

При выезде со двора и на всем пути следования устраиваются препятствия и происходят шуточные обрядовые выкупы. Особенно учащаются они перед въездом во двор дома жениха. Для задержания процессии используются камни, жерди, веревки. Претендующие на выкуп мужчины и женщины выступают в виде ряженных в вывернутых наизнанку шубах и масках. В аналогичной форме обрядовые выкупы сохраняются у всех народов Северного Кавказа, Дагестана и в других регионах.

В последние годы установилась традиция, по которой процессия, прежде чем завернуть в дом жениха, направляется к месту торжественной регистрации брака (в здание сельского Совета, Дворца культуры, отдел ЗАГСа). Но бывает так не всегда: нередко по тем или иным причинам регистрация откладывается на следующий день, при браке уводом нередко и на третьи сутки. Ритуал торжественной регистрации, повсеместно получивший распространение по стране, в основных своих чертах одинаков, но в его рекомендациях, разработанных в 1981 году, учитывались и возможные варианты, связанные с национальным составом местности.

Вот как, например, проходили в соответствии с этими рекомендациями торжества по поводу регистрации брака в Доме культуры с. Карт-Джурт, где размещается также и сельский Совет. В день регистрации на фасаде Дома культуры был вывешен лозунг с надписью «Счастья Вам, молодые!» (Насыблы болугъуз!) под эмблемой двух сплетенных колец. Вестибюль и зал были украшены разноцветными лентами и шарами.

Часть свадебного поезда прямым ходом завернула к зданию сельского Совета, а другая часть (без жениха и невесты) направилась в дом жениха с известием о прибытии поезда. Родные, знакомые и друзья жениха ожидали процессию у здания Совета. На церемонии торжественной регистрации присутствовали депутаты сельского Совета, работники Дома культуры и представители общественных организаций.

Жених и невеста в окружении шаферов и друзей направились под музыку по ковровой дорожке во внутрь одноэтажного просторного здания Дома культуры. Вдоль дорожки стояло много людей, молодежь и дети, любовавшиеся церемонией. Процессию встретила ведущая — председатель женсовета и под звуки гармоник пригласила брачующихся пройти вовнутрь. На просторной сцене Дома культуры она обратилась к ним с приветст-

венным словом (на карачаевском языке), затем выступили представитель общественности (на русском языке) и работник Дома культуры — депутат сельского Совета. Тут же были заполнены свидетельства о браке и журнал регистрации. Секретарь сельского Совета вручила новобрачным свидетельство и зачитала текст наказа, вложенный в памятную книжку. Молодые обменялись кольцами. Затем их поздравили присутствующие. По окончании церемонии молодая пара в сопровождении своих друзей и наставниц совершила торжественный круг по главной улице, ведущей к памятнику землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Весь ритуал занял около часа. Затем кортеж возвратился в дом жениха на свадебный той. Около дома с него взяли игровой выкуп за право въезда.

Во дворе дома жениха процессию первыми встречают женщины и дети. Они окружают машину, но водитель продолжает сигналить и не разрешает открыть дверцу в ожидании выкупа. Какая-нибудь многодетная женщина подносит ему выкуп, а к ногам невесты бросает горсть хлебных зерен (иногда стелется коврик). Первым к невесте подходит ребенок, затем ее обнимают бабка и присутствующие женщины по старшинству. К невесте подходит женщина из числа многодетных (эки насыбы болгъан гиширыу — «обладательница двухпоколенного семейного счастья»), которая берет ее под руки и они вместе с наставницей медленным шагом направляются в комнату новобрачных — отоу. Их сопровождают свадебные дружки.

Ввод невесты в отоу — один из важнейших моментов свадебной обрядности — сопровождается сходными на всем Северном Кавказе ритуалами. Мы уже отметили, что первым невесту обнимает мальчик, затем ее бабушка. Перед входом в отоу невесте на голову сыпят мелкие монеты, конфеты, чтобы, как говорят, во всем было изобилие и богатство». Когда невеста переступает порог (непрерменно с правой ноги, на него стелят кошму или овечью шкурку).

В старой традиционной свадьбе как только экипаж подъезжал к воротам жениха, вперед вырывались всадники с повязанными на гриве лошадей полотенцами или сорочками и исполняли круговой конный танец. Затем они на разгоряченных конях под песню «Орайда» устремлялись в помещение. Опытному наезднику на тренированном коне нередко удавалось совершить этот трюк. Всадник одаривался специальным флагом «отоугъа ыргенлик», или «байракъ алыу» (взятие флага). Кое-где этот старый обычай начинает восстанавливаться. Владелец автомашин пытаются въехать в помещение символически. Они подъезжают близко к входному крыльцу дома и продолжительное время сигналят.

К числу исчезающих из быта элементов свадьбы следует отнести шуточную сцену с бабкой жениха (или соседской старухой), которая разыгрывалась у порога дома. Она, подходя к не-

весе, громко голосила: «Ай медет, арбазыбызгъа бир джигит тиширу келиб киргенди. Аны омакълыгъы, ехтемлиги мени чюйретон къарт-къуртханы къайдан тезюб турсун. Хайдагъыз, марджала, мен джийиргешлини кюбюрчегин табдыра киришигиз къолума, таугъа-ташха кетмей эсем энди джашау къалмады маннга; ах мен джазыкъны кыстадыла, четеннге атдыла!» (ай да горе, в нашем арбазе (дворе). Откуда-то появилась бѣлая женщина. Вся в пышном наряде, горделивой осанке — да разве не возлюбил она меня, бабу в шубе наизнанку. Добрые люди, разыщите и подайте мою шкатулку, нет теперь для меня приюта, разве только в горных трущобах; сжальтесь, меня несчастную прогнали, выбросили в плетеную корзину). С этой жалобой на принедевшую молодую она разбрасывала в толпе собранных свои пожитки — рукоделия, а приспособления для шитья преподносила наставнице невесты. Тогда к бабушке подходил мужчина и начинал хвалить невесту, заверяя бабу, что та будет почтительной и любящей стариков и старух. Как поруку тому, он вручал первый подарок невесты — наперсток, завернутый в «чебекслик» (отрез на платье). После этого бабушка меняла тон, обнимала невесту, высказывала ряд напутственных благпожеланий и, уступив дорогу, просила широко открыть двери в комнату новобрачных. Обряд этот в различных вариантах бытовал у многих народов Кавказа.

При браке уводом соблюдение многих церемоний традиционной свадьбы, естественно, отпадает, но зато все больше возрождается старый обычай временного поселения невесты в «чужом доме».

Интересно поведение жениха в момент водворения невесты в комнату для новобрачных. До сих пор его участие в свадьбе оставалось довольно-таки пассивным. Характеризуя основные черты полутрадиционной свадьбы народов Северного Кавказа (в том числе карачаевцев, черкесов, абазин и ногойцев), Я. С. Смирнова лаконично отмечает «постепенное превращение жениха и невесты из пассивных (а на определенных этапах цикла — даже как бы незримых, скрывающихся от окружающих) зрителей в активных участников свадебного праздника и стремление ускорить прекращение свадебного скрывания новобрачных от их старших родственников и свойственников»²⁵. Этот вывод полностью согласуется материалом карачаевской свадебной обрядности в ее современном бытовании, особенно при учете и рассмотрении ее локальных вариантов (например, для выходцев из Маринского ущелья, с. Каменноостовское, Н. Теберды), где мы уже отмечали модифицированную форму свадебного цикла (в частности, появление жениха в день переезда невесты из родительского дома, его участие в застолье вместе с посвоянами

и в самом свадебном поезде, отказ от «чужого дома», торжественная регистрация брака до начала свадьбы).

Но в большинстве случаев не только в традиционной, но и в полутрадиционной свадьбе карачаевцев жених в первый день торжеств уединяется с кем-либо из ближайших друзей в «другом доме», или же где-нибудь еще остается в стороне до наступления темноты, и только в отдельной комнате организует застолье. Так или иначе в общем застолье и веселье он пока почти не участвует. Отход от этой традиции больше присущ городскому варианту свадебной обрядности и служит показателем полного отхода от свадебного скрывания. При этом, естественно, отпадает и обряд перевода жениха из «другого дома» в родительский.

С момента поселения невесты в комнату для новобрачных родственники жениха и приглашенные (особенно женщины), не успевшие приветствовать невесту во дворе, поочередно заходят к ней и просят показать им свое лицо. Прежде, чем войти в комнату, они просят разрешения у друзей невесты, регулирующих приток посетителей. Иногда они заходят к невесте с подарками, чаще всего с духами.

Невеста в первый день своего пребывания в комнате для новобрачных по давней традиции располагается вместе с наставницей в сторонке, ближе к углу, где ставят маленький обеденный столик «тепси». При посещении ее кем-либо из присутствующих на свадьбе голову и лицо ей закрывают большим газовым, реже шелковым платком (чилле джаулуку). Здесь же за большим столом располагаются свадебные дружки, иногда и жених со своим наставником. В прежние времена невеста на протяжении нескольких дней находилась в углу, отгороженной ширмой (шимпылдык), а жених пребывал в «чужом доме». Это было так называемое свадебное скрывание, дававшее начало обычаям избегания²⁶. Позднее стали совмещать отдельное застолье жениха в «чужом доме» с отдельным застольем невесты, устраивать совместный стол, что явилось одним из важных моментов ослабления свадебного скрывания новобрачных и их активизации в свадебном празднестве.

В связи с отходом от традиционной свадьбы следует рассмотреть и устройство застолья в свадьбе, получившей в научной литературе название «двойной»²⁷. Такие свадьбы у карачаевцев стали устраиваться в конце 1960-х и особенно участились в 1970-х годах, в связи с началом отхода от консервативной традиционной свадьбы. Их новизна в том, что через несколько дней после обычного свадебного праздника в доме родителей ново-

²⁶ См.: Смирнова Я. С. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. С. 139; Ее же. Семья и семейный быт... С. 62—64, 101—102, 151—155, 197—198.

²⁷ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт... С. 198—199, 203, 254.

²⁵ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт... С. 201.

брачного устраивается застолье для молодежи²⁸. К этому дню обычно завершаются церемонии, связанные со снятием обычаев избегания, и за столом присутствуют как виновники торжества, так и родители новобрачного, а иногда и новобрачной.

Как уже отмечалось выше, модернизация карачаевской свадьбы с отходом от теневых сторон традиционной обрядности особенно заметна в селениях Мара, Каменноост, Усть-Джегута, Чапаевское, Таллык и отчасти в селениях, смежных с русскими станицами. Здесь особенно заметны сокращение всего цикла обрядности, отход от скрывания жениха и невесты, изменение характера «выводного» и «приводного» застолья при сохранении его единого этикета, а главное — стремление к сокращению взаимных подарков родни жениха и невесты и отход от уплаты «сговорных» денег.

Таким образом, новое все заметнее замещает устаревшее в традиционном свадебном ритуале. Но в целом, как удачно отмечено исследователями этого процесса у кабардинцев и балкарцев и как это относится и к карачаевцам, «в этой области семейного быта вербализация несколько опережает актуализацию»²⁹. Повсеместно мы сталкиваемся с тем, что идеалы, высказываемые респондентами, далеко не совпадают с этнографической действительностью. Поэтому вывод исследователей о том, что не новая, начисто лишенная национальной специфики, а полутрадиционная свадьба с ее инновациями полнее отвечает социально-культурным потребностям карачаевского сельского населения, остается в полной силе³⁰.

Конечно, более аргументированная оценка негативных и позитивных черт традиционной карачаевской свадьбы и их устойчивости в зависимости как от исторических корней, так и от современной социально-бытовой обстановки требует углубленного этносоциологического исследования. Наши полевые материалы отражают только более общую картину процесса трансформации. Попытаемся проследить этот процесс на кульминационном этапе свадебного праздника.

Как уже было отмечено выше, ныне, в отличие от прошлого, карачаевская свадьба длится один-два, редко три дня. На продолжительность праздника существенное влияние оказывает церемония приема гостей из дома невесты (джыйын; от джый — собирай, т. е. — группа). Этот прием является кульминационным моментом лично-семейного свадебного ритуала карачаевцев, предваряющим такие важные церемонии, как передача приданного, берне, ввод невесты в большую комнату и снятие с нее покрывала, первая встреча новобрачных.

²⁸ Смирнова Я. С. Современная свадьба у народов Карачаево-Черкесии... С. 89.

²⁹ Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев. С. 138.

³⁰ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт... С. 204—205.

Прежде джыйын прибывала спустя несколько дней после перевозки невесты: требовалось время для собирания невестинного сундука. Теперь, в связи с возросшим материальным достатком и общим сужением свадебного цикла, она прибывает к вечеру того же дня, либо, чаще, на второй день, а при браке уводом — и в зависимости от хода примирения сторон. Сторона жениха тщательно готовится к приему джыйын: заранее заготавливает мясо и другие продукты для стола, приглашает в гости не только родственников, но и зачастую множество соседей. Получившие приглашение семьи, за исключением близких родственников, снаряжают по одному человеку от семьи, кроме персонально приглашенных. В гости идут с подарками. В зависимости от степени родства дарят от овцы до кондитерских изделий, гости из отдаленных селений предпочитают давать деньгами. Подношения называются «кьол гырджын» (букв. хлеб рукам) и предназначаются для невесты и для свадебного застолья.

Как мы проследили раньше, ко времени прибытия джыйын молодые проходят гражданскую регистрацию брака и имеют на руках свидетельство о браке. Тем не менее, следуя традиционному стереотипу, стороны формально совершают ритуал религиозного, иногда псевдо называемого («народным») бракосочетания — так называемого «неках». В прошлом неках у карачаевцев, как и у других мусульманских народов, совершался во время сговора, перед тем, как условиться относительно калыма. С огнемой калыма неках приспособился к новой ситуации, сместившись ко времени свадьбы. Процедура его в основном сохраняется и том виде, в каком она была описана³¹.

Важнейшая отличительная особенность некаха в наши дни состоит в том, что совершается он не обязательно эфенди: обычно это делает старший из присутствующих на свадьбе. Никакого брачного контакта, как это положено по шариату, при этом не совершается, и никакие записи не ведутся. Впрочем, и в прошлом, как мы установили, работая в архивах, записей не велось. Видимо, традиционно существовал только устный уговор. Как и раньше, в церемонии совершения обряда сами молодые не участвуют. Они представлены их доверенными — по двое молодых людей с каждой стороны. Совершающий обряд вместе с доверенными уединяются куда-либо в укромное место и, взявшись за приставленные друг к другу большие пальцы двоих доверенных, а иногда просто усадив их перед собою, троекратно спрашивает о согласии на брак доверителей. Затем он произносит краткое благопожелание молодой чете. В это время двое других доверенных стоя разбивают какой-нибудь сосуд, уронив его на пол. Как видно, в сохранении некаха мы обнаруживаем

³¹ Щукин И. С. Материалы к изучению карачаевцев // Русский антропологический журнал. М., 1913. Вып. 1—2. С. 59; Карачаевцы. С. 246—247.

не отставание актуализации от вербализации, а своего рода нравственный компромисс³².

По поводу накаях обычно говорят и пишут, что молодежь к нему абсолютно равнодушна. И обряд совершается в угоду старшим родственникам. Так ли это: не выдается ли в накаях религиозная традиция за народную, национальную? В любом случае надлежащей борьбы с накаях не ведется.

Да и сама процедура гражданской регистрации брака в ее торжественной форме охотно принята повсеместно, но не получила достаточно устного оформления. Она может проходить и в день переезда невесты в дом жениха, и утром следующего дня, и несколько дней спустя. Варнации вызваны различными объективными и субъективными причинами, главная из которых — незавершенность становления современных свадебных обрядов. Немалое значение имеет также забегание вперед в сценарных рекомендациях, которые всецело исходят из идеалов всемерной модернизации, церемониала и слабо учитывают реальные возможности актуализации этих идеалов.

Вернемся снова к джыйын. Его основная задача раскрывается в народном выражении «къызы башына бош этиу» (освобождение девушки) путем ввода ее в большой дом и демонстрации приданого (юй керек) и даров (берне). Что же касается участия в свадебном застолье, то ему в настоящее время не придается прежнего значения. Особенно приглашения в отдаленные селения, требующие многочасовой езды, исключительно для того, чтобы посидеть за праздничным столом, воспринимаются без особого энтузиазма.

Карачаевский «приводной стол» довольно расточителен. С пышности его можно судить хотя бы по тому, что приглашается от нескольких десятков до сотни гостей. Для приготовления одних только мясных блюд забиваются специально выращенные бычок и несколько овец (валухов). Кроме того, для устройства торжественного стола и снаряжения сыя заготавливаются десятки килограммов сливочного и постного масла, выпекается несколько дюжины праздничных пирогов (берекле, хычыла, чыкъыртла), закупаются торты, пирожные и другие кондитерские изделия, фрукты, овощи, несколько мешков муки, сахара и т. п. Оставшиеся от праздничного стола продукты (мясо, масло, мед, пироги и т. д.) отправляются с джыйын (четеннге салыу), а затем из оставшейся провизии докомплектовывается состав большого сыя (уллу сый), или «юй юлюша» (букв. доля дома).

Для свиты невесты, прибывшей на свадебный пир, накрывается обычно два стола — один для мужчин, другой — для женщин. Женщин в составе джыйын, как правило, бывает в большинст-

ве от 10 до 20 и более человек; их размещают в комнате повсюду, вместе с дружками невесты. Иногда из-за тесноты мужчины размещают за столом вместе с гостями хозяев дома. Поскольку всех гостей разместить в одном доме жениха бывает затруднительно, нередко приходится сколачивать столы под навесом во дворе или нанимать помещение у соседей. Застолье длится несколько часов с перерывами для танцев, песен, а главное — для исполнения обрядов снятия покрывала (ау алыу — букв. снятие пелены) и раздачи части приданого «юй керек», а также берне.

Приданое состоит из двух частей: личные вещи и обстановка комнаты новобрачных (отоу керек) и другие вещи домашнего обихода (туббаш). В первую часть входят комплекты постельного белья, подушки, одеяла, занавески, кийизы, ковры, скатерти. Вторая часть выдается через год-два. Это кровати, трюмо, шифоньер, холодильник, пылесос, у более состоятельных — гарнитур жилой комнаты.

Берне по своему составу также делятся на так называемую «юй къач» (букв. честь дома) и «юйно бернеси» (берне дома). В юй къач обычно входят ковер для родительского дома жениха, пуховый платок для свекрови (аналыкъ джаулык), золотое кольцо для невесты (аналыкъ джюзюк — материнское кольцо), нарез на костюм или костюм для свекра, пуховое одеяло и матрас для него же. Именными подарками одариваются ближайшие родственники жениха: дед, бабушка, сестры, зятья и невестки дома. Исторически институт берне возник как форма демонстрации мастерства девушки в искусстве рукоделия. «Выходя замуж, она одаривала своими изделиями родственников жениха, которые судили по подаркам о мастерстве невесты»³³. Действительно, в жизни горской женщины Северного Кавказа рукоделие занимало важное место и умение девушки в той или иной области домашнего ремесла ставилось очень высоко.

Обряды ввода невесты в «большой дом», т. е. в помещение родителей жениха (уллу юй) и снятие покрывала имеют ряд вариантов, во многом зависящих от формы заключения брака — по сговору, уводом, уходом. Варьирует прежде всего полнота обряда, а также и последовательность его элементов. Так, теперь невесту часто заводят в родительский дом прежде, чем в комнату новобрачных. При быстрой уводом иногда стпидает разная часть приданого и берне.

Типичный традиционный вариант заключается в следующем. Специально назначенная от стороны невесты из состава джыйыны старшая в обрядах женщина, обычно сноха, именуемая «бернечи» (раздатчица даров) снабжает невесту несколькими платками (шалями) и сообщает о готовности к вводу в «большой дом». В дверях отоу с пением «Орайды» подходит группа юношей и

³² Лобачева Н. П., Устинова М. Я. Задачи этнографической науки в разработке, внедрении и совершенствовании социалистической обрядности (семейный цикл) // Сов. этнография. 1986. № 2. С. 33.

³³ Новый быт — новые обычаи. С. 43—44.

молодых мужчин. Заплатив выкуп исполнительницам обряда за вывод невесты из отоу, юни выводят обряженную невесту и медленно под звуки гармоник направляются в комнату, где, стоя вдоль стен, находятся родственники жениха. Впереди процессии идут мужчины — представители жениха, за ними ведут под руку невесту ее наставница, сестра и сноха жениха, а также другие сопроводительницы. Шествие замыкают дружки невесты, которые несут большой кованный сундук с приданым, чемаданы и узлы с подарками. При появлении процессии на пороге комнаты песни и звуки гармоник умолкают и раздаются приветствия — благопожелания.

Процессия останавливается в центре комнаты, на месте, где с потолка свисает фигурный пирог — символ благополучной жизни. От присутствующих отделяется почтенный старец (сыйлы адам), которому подают чашу медового напитка (алгыш аякь). Держа чашу обеими руками, он произносит здравицу (алгыш) в честь молодых. Затем он преподносит чашу для первого глотка «счастливо растущему мальчику», после него пускает чашу по кругу, а сам отламывает кусочек ритуального пирога или халвы. В это время какая-нибудь почтенная женщина осыпает голову невесты сладостями и мелкими монетами, «чтобы у молодой четы была жизнь в достатке». Такое осыпание новобрачной во время ее ввода в «большой дом» — общепринятая на Кавказе традиция³⁴.

Отпивая из чаши и закусывая от пирога, присутствующие высказывают благопожелания молодым и их родителям. Наиболее употребительно древнее благопожелание, которое начинается с обращения-гимна к древнетюркскому верховному божееству Тейри:

Тейри онгартсын,
Тейри джалбарсын,
Онг джюрютсюн.
Игилик бери болсун,
Аманлыкь кери болсун!

(Пусть Тейри благословит,
Пусть Тейри благосклонится,
Да пребудет благополучие,
Добром пусть оплатит,
А зло пусть отступит!).

В некоторых новых вариантах имя Тейри опускается, а упоминаются лишь Счастье, Благополучие, Мир, Любовь. В них заключены наставления молодым «как жить», к чему стремиться и чего остерегаться³⁵.

Да будет счастливая наша сноха,
Не слишком шумлива, не слишком тиха.
Пусть озарит она радостью дом,
Как солнышко землю безоблачным днем!

³⁴ См.: Чурсин Г. Ф. Очерки этнологии Кавказа. Т., 1913. С. 130.

³⁵ Ортабаева Р. К. Карачаево-балкарские народные песни. Черкесск. С. 37.

Чтоб мужа любила,
С роднею сжилась —
Как мясо и жилы,
Как веко и глаз...

Детей пусть родит она самых счастливых,
Самых здоровых, самых красивых,
Душою белых, волосом — черных...
Пусть дочери будут чесальщицы шерсти,
А сыновья — чабаны...

...Да будет юнец у старших учиться,
Да будет мудрым совет их и суд,
Жизнь по-горски — значит трудиться,
Жизнь по-горски — дружба и труд...³⁶

Во время благопожеланий присутствующие повторяют: «Пусть будет так».

Затем приступают к обряду «открывания лица» молодой (ау джаулугъун алыу — букв. снятие шалей, которых обычно бывало несколько). Проведение обряда в одних случаях поручается пожилой родственнице, именуемой «матерью счастливой семьи» (насыблы юдегини анасы), в других, по более древнему обычаю, — мужчине, приходящемуся дядей. Со словами благопожелания молодой человек, открывающий лицо (ауун алгъан) подходит к ней и обеими руками поочередно снимает с ее лица платки. При этом он, обращаясь к присутствующим, спрашивает: «Если разрешаете, то я позволю себе первым взглянуть на лицо нашей невестки» и «Хороша ли невестка?». В ответ слышатся похвалы: «Красивая невестка!», «Да не сглазить бы!», «Молода и хороша!» Или же иначе: «И стоило нам убиваться с почестями? Наш сын красивее». Затем кто-либо из родственников невесты произносит ответное слово, в котором благодарит собравшихся за оказанную честь. Наряду с описанным церемониалом имеются его другие несколько упрощенные варианты. Например, порога «большого дома» невесту встречают родители жениха, обнимают ее, затем к ней поочередно подходят другие родственники. При этом лицо ее слегка приоткрыто, а на голове вместо нескольких покрывал — одно единственное. Когда ее представляет родне, она легким кивком головы выражает свое почтение. В это же время к ней подводят ребенка.

После этой церемонии молодая с сопровождающими лицами возвращается к себе в комнату. Отныне она навсегда остается с открытым лицом перед родителями жениха и другими его родственниками.

Наличие вариаций в одном и том же элементе обряда говорит о процессе видоизменения этого обряда, в данном случае в сторону его упрощения. На это указывает и следующий за

³⁶ Сто истин. М., 1984. С. 108—111. Другие варианты: Хабичев М. А. Князев Кочкаров — старейшина народных певцов. Черкесск, 1986. С. 182—185.

вводом невесты в «большой дом» осмотр ее приданого и подарков, который время от времени затухает, то вновь дает вспышку возрождения негативных сторон свадебной обрядности. Это — как бы второе отделение всей церемонии. Невеста возвращается к себе в комнату, а в комнате родителей начинается демонстрация приданого и подарков невесты. На авансцену выходит «бернечи», руками которой вещи сложены в определенной последовательности, с учетом степени родства и свойства. В сундук подходит ребенок, которого усаживают прямо на сундук. Бернечи вручает ему первый подарок — игрушку за «разрешение вскрыть сундук». Затем из раскрытого сундука она достает наперсток для бабки дома, это называется «кюбюрчечакханлык» (за вскрытие шкатулки). Потом последовательно в порядке их престижности, вынимаются подарки «юй кьач» (см. выше). Вслед за этим идет распределение менее престижных подарков. Бернечи исполняет свои обязанности с тщанием и искусством: взяв в руки тот или иной подарок, она подробно характеризует его качество и называет одариваемого, его родственное отношение к семье и т. д. При этом подарки передаются сначала молодой женщине из дома жениха, которая в своей очередь, отдает их сидящей чуть поодаль самой старшей женщине. Та, как бы проверяя свертки, складывает их горкой рядом с собой. Затем происходит показ части приданого «юй керек» — пуховых одеял, подушек, ковров, кийизов и т. п. В самую последнюю очередь обычно показывают диплом невесты об окончании вуза или другого специального учебного заведения.

В отдельном чемодане или узле собраны девичьи наряды невесты, предназначенные для «спятия» их в новой семье. Обычно демонстрируется одно выходное платье (баш чеген — главное платье), а все остальное, в количестве от 5 до десяти и более, передается без демонстрации. Чем больше молодая «снимает платьев», тем похвальнее о ней отзываются. Девичьи платья невесты разбираются потом молодыми девушками — родственницами и знакомыми жениха. В свою очередь, родители жениха преподносят невесте новые наряды — костюм, платье, туфли и т. п. Церемония завершается одариванием присутствующих небольшими подарками — сувенирами. Для этого в дом невесты для женщин шьют передники (хотала), а для мужчин несколько сорочек или полотенец. Из отдельного чемоданчика (кьыз кюбюрчек) одариваются дети. Им достаются носовые платочки, туалетное мыло, гребешки, расчески, зеркальца. Два-три специальных подарка выделяются «держателям шеста» (кьурукъ тутханлыкъ ючюн)³⁷. Последние — это двое или трое молодых людей, а иногда постарше, которые протягивают через головы сидящих в сторону бернечи тросточку или шест. Та

³⁷ Кьурукъ — шест в интерьере карачаевского старинного жилища, служащий для развешивания нарядной одежды. См.: Карачаевцы (Историко-этнографический очерк). Черкесск. 1978. С. 148.

под конец благодарит их (кьурукъ) за его труды и «украшает» шест подарками.

Под конец своей гостьбы джыйын уведомляется о проведении обряда накаях, некоторые из близких родственников невесты встречаются с женихом, а тем временем женская часть свиты, готовясь к возвращению, собирает и укладывает кушанья со свадебного пира в специальные короба. Это — пироги, сладости, куски мяса. Семья жениха готовит особые коробы с продуктами поручительнице и наставнице, как главным персонажам обряда снятия покрывала. Сюда обычно входит не менее 60 пирогов «берекле» и слоеных пирогов «кьрым хычынла», не менее 50 штук песочной халвы (хурбай халуа), сахарная халва (сахан халуа), коробка конфет, часть овечьей туши (кесген малны учасы).

По возвращении джыйын все привезенное распределяется между ее участниками, а они, в свою очередь, раздают доли (юлюшле) соседям. В разных местах обычай распределения кушаний со свадебного стола называется по-разному: «ау джыргъа баргъанлани гьырджын» (хлеб снимавших покрывала), «джыйынны гьырджыны» (хлеб джыйны), «джел гютю» (ветряная пышка) и т. д.

И хозяева, и гости стараются провести застолье большой свадьбы (уллу той) чинно, в духе народных традиций. Этому во многом содействует следование традиционному этикету³⁸. Умеренность в пище и питье, учтивость и корректность к тамаде и сотоварищам по столу — считаются главными добродетелями горца за столом. Напротив, чье-либо опьянение, как и непослушание старшему за столом — позор для всех присутствующих.

Как правило, новобрачные первую ночь после приезда невесты не видятся. Молодой приходит к жене во вторую или третью ночь, после отъезда джыйын. Его приводит кто-либо из родственников, выступающий в роли наставника. В старом свадебном обряде молодежь устраивала шумную обструкцию, испытывая терпение новобрачных. Это были игровые действия, связанные с былой половой табуацией. Теперь они полностью отпали. Молодой в сопровождении наставника чувствует себя абсолютно свободно. Открыв двери, наставница невесты, подготовившая помещение, удаляется вместе с наставником жениха, оставив молодых наедине. С рассветом наставник будит моло-

³⁸ Застольный этикет горцев, сравнительно хорошо изученный на адыгском материале, во многих чертах принят и у карачаевцев. Подробно см.: Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в первой половине XIX в. // Советская этнография. 1964. № 1; Мамбетов Г. Х. Пища в обычаях и традициях кабардинцев и балкарцев // Фестиваль КБНИИ. Вып. VI. Нальчик. 1972; его же. О гостеприимстве и застольном этикете адыгов // Уч. зап. АНИИ. Вып. 8. Майкоп, 1968; Мафедеев С. Х. Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик, 1979; Бражников Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978; Его же. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.

дых и уводит жениха. Благополучное окончание первой брачной ночи как начало совместной супружеской жизни означает, что функции наставницы выполнены, и она вместе с дружкой готовится к возвращению. Наставник и наставница, провожая жениха на утренний чай, первыми узнают, сохранила ли невеста девственность.

После брачной встречи невеста взамен свадебного наряда надевает нарядное платье или же костюм, подаренный семьей жениха — «юй чебген».

Прежде чем перейти к послесвадебным церемониям, вернемся к устройству большой свадьбы, сопряженному с приемом большого числа гостей. Устройство свадебного стола требует от семьи жениха больших расходов. Правда, гости (преимущественно женщины), не приходят с пустыми руками. Дальние родственники и соседи приносят кондитерские изделия, а теперь все чаще делают денежные взносы (10—15 рублей), близкие родственники дарят по овце или же соответствующую сумму денег (от 50 до 100 рублей). С ростом материального достатка и культурного взаимодействия свадебный стол стал намного богаче и разнообразнее. Наряду с национальными ритуальными блюдами (хычын, бёрек, халуа, чыкъырт, эт, сохта, джерме боза) большое место в угощении заняли овощи, фрукты, соленья и различные блюда народов СССР (жаркое, пельмени, голубцы, плов, котлеты), соки и воды. По традиции самые большие расходы падают на мясо. Например, для устройства большого свадебного стола приобретаются до 10 овец или же 4—5 валухов и специально откормленный бык. Часть свадебного стола, как мы отметили раньше, отдается свите невесты. Еще одна часть составляет так называемую долю родителей (юй юлюш) или «уллу сый», которая отправляется им через 5—7 суток по завершению свадьбы.

В состав большого «сыя» (уллу сый), снаряжаемого в качестве подарков от свадебного стола из дома жениха в дом невесты, входит несколько голов овец (наставнице, снохе или зятю) и обязательно задняя часть туши быка (родителям). Иногда вместо части туши отправляется бычок*.

Еще недавно размеры сыя (как малого, так и большого) ограничивались скромными размерами, в довоенные годы они вообще носили скорее символический характер. В 1970-х годах здесь, как и во многих других элементах обрядности произошел всплеск помпезности. Обычный состав большого сыя, кроме указанной мясной части, стал включать в себя несколько мешков высокосортной пшеничной муки, мешок риса или пшена, сахар, ведро топленого или коробки сливочного масла, ведро меда и множества кушаний с праздничного стола. По большей части те продукты, которые не подвергаются порче, оставляют

ся в доме родителей невесты, другие же раздаются родственникам и соседям. Как правило, при всем желании все съесть не удастся, и многое со свадебного стола портится. Зато обилие и разнообразие стола рассматриваются как престижные.

В самое последнее время негативный характер такого положения сделался настолько очевидным, что число приверженцев сыя несколько сократилось, а в более прогрессивных слоях населения начался отказ от обычая. Отношение респондентов к сыю повсеместно негативное: это дань устаревшей моде. Но говорить об исчезновении обычая пока не приходится. По-прежнему родственники и знакомые, приглашенные на свадьбу, приходят с съестными приношениями, особенно с большими коробками сахара, кондитерских изделий, халвы. Соответственно приходится их реализовать: на свадебное угощение, комплектование сыя, раздачу среди соседей и родственников.

К числу важнейших послесвадебных церемоний, совершаемых с участием наставницы и дружек невесты, относятся обряды перевода жениха из «другого дома» в комнату новобрачных, а затем в «большой дом». Первый из них факультативен: он зависит от того, скрывается ли новобрачный в «другом доме»; второй бытует всегда. В своей совокупности они называются «жашны башына бош этуу» (вызволнение юноши перед родителями, т. е. снятие скрывания).

Как уже отмечалось выше, реликт древнего обычая поселения новобрачного в «другом доме», присущий свадебной обрядности многих народов Кавказа, в современном быту карачаевцев находится на пути к отмиранию. В локальном аспекте он более стойко удерживается в селениях Старого Карачая и почти совершенно не соблюдается в селениях, где входит в жизнь неактивное участие жениха в свадебном обряде. Как правило, накануне свадьбы семья родственника или соседа объявляет о своем желании стать помощниками в предстоящей свадьбе. Иногда таких семей несколько, и они соперничают между собой. Тогда бывает, что жених поселяется в «другом доме» как бы неофициально.

Принятие на себя обязанностей хозяев «другого дома» влечет за собой соучастие в свадебных расходах. Хозяева «другого дома» должны устроить угощение дружкам и молодежи, которые приходят сюда со свадьбы. Если «другой дом» как бы неофициальный, то у его хозяев расходы на угощение бывают минимальными, зато они лишаются обрядовых подарков «болуш гийно бернеси» (берне дома болуша). В свою очередь, получение берне влечет ответную обязанность одаривать невесту, а иногда и жениха. Такое взаимодаривание, естественно, укрепляет отношения искусственного родства. Молодые называют тот дом «болуш юйюбюз» (наш дом болуш), его хозяина — «болуш ата» (отец болуша), хозяйку — «болуш ана» (мать

* Состав малого сыя см. выше при описании праздничного стола джыйын.

болуша). Члены дома, в котором находился жених, называют его «болуш джаш» (сын болуш).

В день выхода из болуша хозяева дома готовят праздничное угощение — «выводной» стол. Дружки невесты в полном составе приходят к ним, прихватив с собой «долю жениха» от праздничного стола и подарки хозяевам дома — коробку парфюмерных изделий. После недолгого застолья, в котором непременно принимают участие хозяин и хозяйка дома, жених в сопровождении дружек невесты и хозяев дома с пением и танцами направляются в родительский дом. Вначале они без особой церемонии входят в отоу, а затем совершается обряд ввода молодожена в «большой дом», который во многом повторяет ввод в «большой дом» невесты. Но народа в этом участвует меньше, а инициаторами обряда всегда выступают дружки наставница невесты. Они возглавляют процессию: впереди идет главный дружка невесты «къыз джёнгер тамада», за ним в окружении свиты, жених и наставница невесты, а также названные родители из «чужого дома».

Переступая порог дома родителей жениха, дружки заводят свадебную песню «орайда», пускаются в пляс, начинают шутить. Хозяева встречают гостей стоя, с подносом ритуального кушанья и чашей для здравницы «алгыш аякъ». Сделав почетный шаг в танце, глава дружек обращается к собравшимся с словами: «Да будут у вас дни и ночи в празднестве!» Собравшиеся отвечают: «Да будут вам сопутствовать блага и долгая жизнь!» Затем он, а следом и другие дружки обходят круг родственников жениха, пожимая руки. Старший в доме, которому передают чашу благопожелания, произносит приветственное слово, с ответным словом выступает главный дружка. Старший в доме первым пьет из чаши, затем пьет главный дружка, чаша вместе с пирогом пускается справа налево по кругу. Дают отведать и возвратившемуся домой новобрачному, который стоит не поднимая глаз, и его родителей.

Церемонии возвращения домой новобрачного и ввода невесты в «большой дом» символизируют снятие запретов скрывания новобрачных от старших родственников, которое, таким образом, в основном совпадает с завершением свадебного торжества.

После обряда «помилования» новобрачного, его ведут молодой. Здесь наставница дает ей последние советы, как себя вести в новом доме, помогает украсить интерьер комнаты новыми занавесями, покрывалами и т. д. Близится час прощания с дружками и наставницей. Но прежде коснемся некоторых моментов поведения дружек невесты, носящих обрядовый характер. По традиции, все время своего пребывания в доме жениха дружки невесты считаются самыми дорогими гостями. Что бы они ни говорили, как бы требовательно и вольно ни вели себя — им все позволено. Особенно трудно приходится с ними обслужи-

вающим персоналу (отоуну шапалары), в обязанность которого входит всяческое им угождение. Так, во время застолья младшие из дружек с разрешения старшего могут проявить нечеловеческое количество и качеством блюд на столе, потребовать, чтобы теплая пища была доведена до горячего состояния, ложки или вилки замснены, приготовлено какое-нибудь новое блюдо и т. д. В перерывах между застольями дружки устраивают игры, состязания в пении, танцах под гармонику. Особенно насыщены игровыми моментами взаимоотношения дружек и девушек. Дружки прикидываются при них больными, ранеными, слепыми и т. п., требуют, чтобы на танцах или играх присутствовала та же или иная приглянувшаяся им девушка, чтобы именно она, а не какая-нибудь другая, приготовила и поднесла заказанное кушанье.

Какие бы игры и даже скабрезные шутки не позволяли себе дружки, хозяева обязаны проявить терпение и всячески продемонстрировать готовность к послушанию. Из числа распространенных традиционных игр дружек, сохраняющихся в наши дни, назовем «кражу жениха» (из болуш юя), «кражу курицы» из невестинного дома, «заключение» дружек в курятник или в хлева. Так, «кражу курицы» совершают кто-нибудь из дружек вговоре с девушкой — родственницей жениха. При этом девушка может воспользоваться нерасторопностью «вора» и запереть его, а затем сообщить об этом другим дружкам. Ловят курицу или предпочтительно петуха, связывают им ноги и с песней вносят в дом, а затем, выпустив кровь и обвязав место пореза бантом, передают девушкам для «излечения». Девушка, продемонстрировав свое искусство в кулинарии, получает от дружек подарок.

Наконец, отметим, что в ряде случаев сохраняется и обычай «благодарения покровителей» молодоженов. Прощаясь с компаньонами поздравляющих, дружки снимают обереги молодых — фигурные печенья, которыми молодежь разукрашивает стены и потолок, а в знак признательности за «честность и чистоту» невесты в присутствии молодого мужа разбивают об пол тарелки и растаптывают ее ногами. Сохранение древнего обрядового бытия посуды, связанного с демонстрацией девственности новобрачной, является отголоском того бывшего значения, которое эта демонстрация имела в свадебных обрядах карачаевцев.

Провожая дружек, родители новобрачного одаривают их сорочками и яствами со свадебного стола. Наставнице дарят отрез на платье, туфли, полотенце. Эти дары носят название «къыз джёнгерни бернеси» (берне дружек невесты). Новобрачный провожает гостей до дома родителей новобрачной.

В первые дни после отъезда къыз джёнгеров молодая представляет у себя в комнате вместе с сестрой мужа или же соседкой — родственницей. Частыми гостями здесь бывают дети, которых она одаривает носовыми платочками, туалетным мы-

лом, зубной пастой, зеркальцами и т. д. Не принято, чтобы до возвращения в родительский дом молодая оставалась в своей комнате одна. Ее всячески стараются окружить вниманием.

Срок до отъезда в родительский дом теперь значительно сократился. Перед этим молодую вводят в кухню. Здесь происходит церемония снятия разговорного запрета в отношениях со свекровью (келинин селештиргенлик) и другими членами семьи. Для этого накрывается небольшой обеденный стол, и свекровь собирает вокруг себя членов семьи, кроме хозяина дома. Молодая робко произносит одно или два-три слова, например, «Садитесь». По обыкновению она не должна реагировать на шуточные разговоры, которые в это время ведутся за столом. Подарком, которым свекровь или кто-нибудь другой одаривают молодую за то, что она заговорила, называется «тил тутхаплык» (за снятие языка). При возвращении молодой из родительского дома, в свою очередь, она преподносит свекрови специальный подарок «селештиргенлик» (за разговор).

Бывает, что молодая вступает в разговор со свекровью уже до того, как она выходит из брачного помещения. Тогда в кухне снимается разговорный запрет со всеми другими членами семьи, в том числе и со свекром. Последнее очень показательно. Раньше «держание языка» (тил тутуу) в отношении свекрови продолжалось годами. Теперь упростилась сама традиция: сократились дары, а главное — срок запрета.

Заговорив с членами семьи жениха, молодая постепенно втягивается в повседневную жизнь семьи. Свои хозяйственные навыки она начинает с демонстрации правил обращения с мебелью, уборки обеденного стола. Затем она расширяет круг хозяйственных занятий: прибирает в доме, готовит пищу, стирает белье, начинает выходить на работу. Ее первые шаги за пределы дома, будь то по воду или на огород, на работу или в кино, театр, всегда проходят в сопровождении кого-нибудь из членов семьи. К ее поведению продолжают внимательно присматриваться.

В семье ее называют словом «келин» (сноха, невестка). Это название сохраняется за ней на всю жизнь. Только младшие называют ее по имени. Сама она называет словом «келин» всех старших снох этого дома, а младших — по имени.

Обычно через день-два после свадьбы молодую навещают в родительском доме. Это или друзья, или же кто-нибудь из близких родственников — брат, сестра, дядя. Они прибывают с подарками молодой и хозяевам дома. Гостей принимают радушно, устраивают для них танцы с приглашением соседских девушек. Визит преследует двоякую цель: эмоциональную — навестить молодую и тем самым показать знаки внимания ей и новым родственникам и психологическую — узнать впечатление новой родни о невестке, отношение к ней, разведать, какие разговоры ведутся о породнении двух семей и дарообмене. Во

ремя этого визита решается также вопрос о визите молодой в родительский дом и связанном с этим визитом молодого и его родителей.

Эти элементы послесвадебного цикла реализуются теперь в различных вариантах. По традиции молодая уезжала в родительский дом в сопровождении кого-либо из близких родственников мужа. Теперь нередко вместе с ней идут также отец и мать жениха и еще 2—3 человека из ближайших родственников. Традиционным было также отправление накануне визита молодой в родительский дом подарков сыя. Теперь нередко происходит совмещение раньше разновременных церемоний в одну церемонию: вместе с отправкой сыя происходят визиты зятя и его родителей к родителям новобрачной. При свадьбе по укороченной схеме (при участии жениха и его родителей в переезде невесты в дом жениха), молодая едет к родителям в сопровождении кого-нибудь из близких родственников. В дом родителей новобрачной отправляют подарки «кьол гырджын» — пироги или коробку конфет, а также личные подарки родителям невесты. И то и другое вместе называется «юйге киргенлик» (за посещение дома). Родители молодой устраивают для гостей небольшое застолье с приглашением нескольких родственников или соседей. Считается очень престижным, если специально закармывается животное — «кьурманлык». Правой частью его (сут) одаривают гостей, провожая их в дорогу.

Обычай «возвращения домой» (М. О. Косвен) или «послесвадебный отголосок» (Н. Ф. Сумцова) называется «ызына кайгытыу» (возвращение), но большей частью с конкретизацией «ата юйюне» (в отцовский дом). Его характер переломного периода перехода от матриликального поселения к патрилокальному показан М. О. Косвеном³⁹.

Прослежено совмещение элементов свадебной обрядности (возвращение молодой домой через несколько дней после свадьбы, присоединения к ней родителей жениха и т. д.) — несомненно, положительное явление, связанное с повышением семейного статуса женщины-горянки. Молодая в ускоренном темпе приобщается к хозяйственной жизни семьи, проходит этапы традиционных запретов.

Во времени пребывания молодой в родительском доме обычно приурочивают и обряд приглашения сюда зятя. Приглашение зятя (кюеу чактырыу) и устройство его «смотрин» (кюеу кьргюзтюу — показ зятя) вместе называются в семье молодого «похождением зятя» (кюеулеб барыу), а в семье молодой — «пребыванием зятя» (кеюулеб келюу).

Официальное приглашение зятя к родителям молодой и вообще гостьба молодых у ее родителей зависят от многих факторов и имеют существенные различия по районам. В одних

³⁹ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. С. 77.

случаях наносится как бы неофициальный визит с относительно малочисленным участием родственников новобрачных, в других — как бы официальное посещение с многочленным празднеством. Если жених принимал непосредственное участие на свадьбе и успел пройти смотрины в доме невесты в день ее увоза, то приглашение зятя носит менее формальный, семейно-интимный характер. К менее заметному «вхождению зятя» в семью свойственников прибегают и в случае траура в одной из семей.

Обряд приглашения зятя во многом способствует налаживанию дружественных связей между семьями. Напротив, в тех случаях, когда родители молодой, не мирясь с поступком дочери, самовольно вышедшей замуж, годами не приглашают зятя к себе и не знакомятся с его родней, между семьями нет нормальных отношений. Бывает, что связи между ними осуществляют через посредников. Во всяком случае взаимные визиты родителей молодых наносятся в зависимости от приглашения зятя в родне новобрачной.

Зять приезжает к родителям жены в сопровождении друзей, число которых варьируется в пределах 5—20, реже больше. Обряд этот, как и многие другие, служит одним из каналов соперничества в престижных тратах путем взаимного одаривания породнившихся сторон. К приезду зятя устраивают стол, по пышности соперничающий со свадебным в доме жениха. Вместе с гостями за стол садится такое же количество своих людей (кесини адамы). Отдельное застолье устраивается для старших мужчин и женщин.

Дело происходит вечером. Приехавших встречают музыканты, танцоры, шуточно-скабрезными играми молодежи. После приветствия и рукопожатия во дворе их заводят в гостиную, где уже заранее накрыт праздничный стол, главным украшением которого служит целиком сваренная туша ягненка. Она занимает «красный угол» стола и служит демонстрацией искусства устроительниц последнего — подружек невесты. Здесь же лежат конверт с поэтическим текстом шуточного письма, адресованного зятю и его спутникам.

Вареный ягненок называется «кюеуну учасы» (доля зятя «Уча» — задняя часть жертвенного животного у тюркских народов Алтая, Средней Азии и Казахстана, некогда представлявшая собой почетную долю охотничьего трофея. Этот древний обычай одаривания почетной частью туши сохранился в виде импозантного блюда с целым ягненком. Заметим также, что языческие времена целносваренную тушу жертвенного животного (чоппаны улагты) использовали в календарных празднествах Эллири Чоппа (у осетин Цоппай Эле), носивших сакральный характер.

Согласно застольному этикету, уча остается украшением стола до самого конца застолья. Его не трогают даже тогда

когда гости по указанию тамады знакомятся с ответом молодой на шуточное письмо девушек и дарят ему сувенир «учаны саугтасы» (подарок уча).

Но а прежде чем покончить с блюдом уча, гости устраивают смотрины зятя, которого приводят в гостиную под охраной его друзей. Все-таки кое-кому удается выхватить у него шапку, и тогда один из охраняющих снимает свою шапку и надевает на оплошавшего зятя. Однако за потерю шапки тому приходится одаривать девушек.

Для устройства привода зятя на смотрины тамада назначает время и состав участников церемониала. По традиции не принято оставлять стол без гостей.

Как и при появлении гостей, во время привода зятя в гостиную, молодежь образует живой коридор и сопровождает шествие играми «бёрк алыу» (снятие шапки), «кюеуге минуу» (оседлание зятя) и другие. Зять и его друзей «испытывают» также остротами. Поэтому на роль «телохранителя» молодого стараются подобрать юношу рослого телосложения и острого на язык. Зять, как бы над ним ни тешилась молодежь, должен не теряя самообладания, молча следовать за тамадой. Тесты и игры не обходятся без того, чтобы не обнять зятя, а свита останавливается в центре комнаты, в окружении стоящих женщин и мужчин. Стороны обмениваются здравицами. Первую роль, как и всегда при здравицах, играет старейший из хозяев. Правда, теперь в этой роли все чаще выступают мужчины средних лет, хорошо знающие пародные обычаи. Зять подходит к произносящему здравицу, берет из его рук чашу с медовым напитком (вад аякь) и передает своему тамаде, выступающему с ответным словом. Отпив из чаши, передает ее по кругу справа налево. На этом смотрины зятя завершаются, и начинается вторая половина празднества. Часть молодежи переключается на увеселительные мероприятия — песни и танцы, другая часть, во главе со старшим свиты, остается в комнате и приступает к шуточно-игровой раздаче подарков. В других случаях чемоданчик с подарками передают в конце застолья без какой-либо их демонстрации.

В состав привезенного зятем в большинстве случаев входят денежный дар от его семьи хозяевам дома (юйну ахчасы) размером от 500 до 100 рублей, подарки сестре и брату молодой невесты — кольцо или серьги и модные туфли, а брату — сорочку), а также коробка конфет (кьол гырджын — хлебное приношение всей семье. Далее следует денежный дар старшего свиты, сопровождаемый с ее членов вскладчину — по 10—15 рублей. Отдельно одаривается молодежь за «снятие с зятя шапки», за веселительные игры (чурумлары ючюн), а главное — за украшение стола подносом с ягненком — уча.

Под конец застолья хозяева передают свите зятя поднос с уча, что служит поводом для еще одного небольшого застолья

в доме молодого. Обычно это делается через день-два после визита в дом родителей жены. Но ему до этого, на утро следующего дня, происходит повторное посещение зятем родителей жены. После этих «малых смотрин» зятя снимается избегание между ним и родней жены. На «малые смотрины» его сопровождает кто-нибудь из его родственников, чаще из дома балуша. Гостьба проходит в первую половину дня.

В ряде случаев повторный визит молодого к родителям жены совмещают с визитом к ним его родителей — «джуугъу чакъыру». Такое совмещение сейчас находит все больше и больше приверженцев. Вместе с родителями новобрачного еду хозяева «чужого дома», с которыми произошло во время свадьбы бы искусственное породнение. Помимо традиционного «хлеба в руках» (кьол гырджына) — коробки халвы или же кондитерских изделий домашних или покупных, они несут с собою подарки «юйге киргенлик» (за вход в помещение). Это обычно отрезки на костюмы хозяину дома и хозяйке и что-нибудь старшим членам семьи.

Особенностью этих послесвадебных обрядов служит упрощенность церемонии. Гостей обычно принимают в обычной домашней обстановке, за чаем. Подчеркнем еще раз, что отныне не прекращается всякое избегание между зятем и его старшими родственниками⁴⁰.

Через несколько дней после визита зятя к родителям жены а иногда и в день его «малых смотрин» новобрачная возвращается в семью мужа. Раньше она оставалась в доме отца довольно продолжительное время, теперь же — не более десяти дней. В эти дни к ней приезжает муж, часто с ночевкой. Но если она гостит у родителей долго, то за ней из дома мужа приезжает кто-нибудь из его родных. Возвращается молодая обычно в сопровождении брата. При отъезде родители дают ей что-нибудь из приданого и других вещей (подарки, преподнесенные ей родственниками и знакомыми), а также собирают берне «кызына кьайытханлыкъ» (за возвращение). Более архаичное его название — «баш байлаб кьайытханлыкъ» (за возвращение с завязанной головой). По составу и ценности это берне не намного уступает тому, которое было дано во время ввода невесты в «большой дом». За вычетом же из того берне «юй кьач» «берне за возвращение» (будем так называть его в отличие от описанного раньше берне).

Одариваются члены как семьи мужа, так и семьи, в которой скрывался жених во время свадьбы.

⁴⁰ Об избегании подробнее см.: Смирнова Я. С. Избегание и процесс его отмирания у народов Кавказа. М., 1978; Ее же. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа; Смирнова Я. С., Першиц А. И. Избегание: формационная оценка или «этнический нейтралитет»? // Сов. этнография. 1978. № 6; Их же. Еще раз о формационном и релятивистском подходах к оценке культурных явлений. // Сов. этнография. 1979. № 5.

Как видим, на протяжении всего свадебного обряда брачно-свадебные платежи занимают очень заметное место, причем в последнее время они продолжали расти. Об их динамике за последние десятилетия можно судить по приводимой таблице. Первый столбец цифр характеризует свадебные расходы семьи рабочего совхоза в В. Теберде в 1974 году⁴¹, второй — аналогичные расходы в 1986 г. по нашим полевым материалам:

1. Приданое (ковры, мебель, постельное белье, телевизор, холодильник и т. д.)	900	5000—10000
2. Угощение поезжан в доме невесты	300	500
3. Свадебный костюм (наряд невесты, платки, кольца)	230	500
4. Убранство автомашин (флаг, плюш, кольцо, сорочки)	102	200— 400
5. Раздача платьев невесты	600	400— 500
6. Берне (свекрови, свекру, дядям и теткам мужа по отцовской и материнской линии, их мужьям, членам семьи и т. д.)	5121	3000— 7000
ИТОГО:	15444	9600—18900.

Расходы семьи жениха колеблются в пределах 8—13 тыс. рублей. Из них наиболее значительная статья расходов падает на устройство большой свадьбы в доме жениха⁴².

Свадебные расходы зависят от материального достатка семей, формы брака и многих других причин. Так, например, имеет значение даже отношение семьи к выбору невесты или жениха. Если семья жениха находит породнение с семьей невесты не престижным, то ее свадебные расходы меньше. То же относится и к семье невесты. В то же время имеются и некоторые общие для всех тенденции. Так, в настоящее время в связи с сокращением расходов на алкогольные напитки трата на устройство свадебного угощения заметно уменьшились.

В целом же брачно-свадебные расходы карачаевцев характеризуются следующими основными чертами, в значительной мере уже выявленными Я. С. Смирновой.

1. В связи с ростом материального достатка широких слоев населения и оживлением обрядовой жизни заметно активизировался традиционный дарообмен. При этом если брачный выкуп (калым), потеряв свою былую суть сохраняется лишь в пережиточной форме «сговорных денег» (сёз таусханлыкъ ачха), то невозможное одаривание и взаимоодаривание (приданое, берне и т. п.) удерживается в самых широких размерах.

2. Инновации в области свадебных расходов имеют как положительные, так и отрицательные стороны. К положитель-

⁴¹ Используется таблица, приведенная Я. С. Смирновой в ее работе Свадебный дарообмен у народов Северного Кавказа и его современная модификация // Сов. этнография. 1980. № 1. С. 102.

⁴² Новый быт — новые обычаи (формирование прогрессивных традиций у народов Карачаево-Черкесии). Ставрополь, 1977. С. 43—47.

ным инновациям следует отнести тенденцию к сужению круга лиц одариваемых и одаривающих; совмещение в локальных вариантах различных церемоний одаривания; частичное исчезновение зрелищной стороны демонстрации даров. Положительным нововведением является также обыкновение одаривать обоим новобрачными памятными подарками «саугъа», практикуемое их родственниками, друзьями и товарищами по работе.

3. На этом фоне резким контрастом выделяются отрицательные инновации, связанные с возрастанием количества и ценности даримого. Они характерны для карачаевцев, как и для многих других народов Советского Союза. Здесь перед нами с одной стороны, закономерный процесс, отражающий рост материального благосостояния населения, с другой — нездоровое соревнование в престижных материальных тратах, порождающее известным отставанием роста культурного уровня от роста материального благосостояния. При этом отдельные элементы взаимоодаривания гипертрофируются, некоторые полузабытые — воскрешаются⁴³. Наиболее ярким примером гипертрофированности свадебного одаривания служит берис с его тенденцией к возрастанию.

Одной из причин этого негативного явления исследователи справедливо считает «резкое преобладание невест из-за демографических последствий войны в соединении с очень высокими доходами карачаевских и балкарских животноводов»⁴⁴. Пожалуй, не только животноводов. Значительные доходы за последние годы дают также горное подсобное хозяйство, специализирующееся на выращивании зимостойких сортов овощей (капусты, моркови), в соединении с повсеместным развитием такого домашнего ремесла, как вязание шерстяных изделий⁴⁵. Немало важной причиной является и крайне слабая вовлеченность женщин-горянок в сферу общественного производства и культуры, что в свое время акцентировалось на III пленуме Карачаево-Черкесского обкома КПСС (1981 г.)⁴⁶.

В этнографической действительности трудно найти человека, который не осуждал бы практику неумеренных свадебных расходов. Есть и немало примеров проведения скромных торжеств. Но общий ход развития современной обрядности не может не вызывать серьезную озабоченность развитием негативных тенденций.

Именно поэтому III пленум Карачаево-Черкесского обкома КПСС (1981 г.), отметив факты возрождения мещанских традиций «в проведении свадебных и других семейно-бытовых обря-

дов»⁴⁷, наметил ряд мер по усилению идейно-воспитательной работы и совершенствованию обрядовой жизни народов области. В комплексе этих мероприятий была признана актуальность разработки примерного ритуала проведения свадьбы у народов Карачаево-Черкесии.

Тем самым был заострен вопрос о сотрудничестве этнографов и работниками основных звеньев обрядовой службы. Необходимость такого сотрудничества делается все яснее. Как показала практика развития новой обрядности, своего рода паллиативная форма полутрадиционной свадьбы получила широкое одобрение и признание среди карачаевского сельского населения. Однако, как уже отмечалось выше, первые успехи в этой области привели к неоправданному благодушию и необъективной оценке достигнутого. На деле же широко вошел в быт обряд торжественной регистрации брака, который по большей части происходит до или во время свадьбы. Но и это не привело к сколько-нибудь заметному отказу от религиозного бракосочетания — пакьях. Больше того, некоторые элементы брачно-свадебной обрядности, как, например, остатки брачного выкупа, подчас приняли скрытые формы.

Апрельский (1985 г.) и январский (1987 г.) Пленумы ЦК КПСС выдвинули задачу ускорения социально-экономического развития страны — стратегию обновления, революционной перестройки всех сфер общественной жизни. Эта линия получила шестостороннюю разработку и развитие на XXVII съезде КПСС.

В свете этих требований только дальнейшее углубленное изучение практикуемой свадебной обрядности в состоянии помочь в поиске оптимального свадебного сценария народов Карачаево-Черкесии и в том числе карачаевцев. Только глубокое знание реально функционирующих обрядов, анализ того или иного обрядового элемента с позиции его этнокультурного, нравственного и социального значения в состоянии вооружить нас средствами эффективной пропаганды обрядов, соответствующих задачам совершенствования социалистического образа жизни⁴⁸. Такая работа входит составной частью в научный анализ объективных противоречий социалистического общества и выработку обоснованных рекомендаций по их разрешению, предусмотренные новой редакцией Программы КПСС⁴⁹.

⁴⁷ Ленинское знамя. 1981, 23 июня.

⁴⁸ Лобачева Н. П., Устинова М. Я. Задачи этнографической науки в разработке, внедрении и совершенствовании социалистической обрядности (семейный цикл) // Сов. этнография. 1986. № 2. С. 34.

⁴⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 168.

⁴³ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт... С. 207; Ее же. Свадебный дарообмен... С. 101; Новое и традиционное в культуре и быте... С. 139.

⁴⁴ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт... С. 208.

⁴⁵ Ленинское знамя. 1986, 16 декабря.

⁴⁶ Там же. 1981, 23 июня.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БРАК И СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ У ЧЕРКЕСОВ

Брак у черкесов всегда был строго экзогамным. Нарушителей правил экзогамии изгоняли за пределы родины. Не разрешались браки даже между однофамильцами по отцовской и по материнской линии, а также между потомками двух лиц, находившихся в молочном родстве.

При заключении брака решающую роль играло сословное и имущественное положение обеих сторон. Браки заключались с уплатой калыма (черк. «уасэ-» цена) родителями жениха отцу или близким родственникам невесты по отцовской линии. В XVIII в. за невесту платили холодным и огнестрельным оружием, рыцарскими доспехами: панцирями, наручниками, ружьем и т. п.¹ В начале XIX в. за невесту стали давать главным образом рогатый скот, а также лошадей. Во второй половине XIX в. в калым стали включать, помимо скота, и деньги.

Размеры калыма на всех этапах развития черкесского общества варьировались в зависимости от социального и имущественного положения семей жениха и невесты. Красота, здоровье и личные качества невесты не играли столь существенной роли, как ее социальное и имущественное положение. Плата за девушку была гораздо выше, чем за вдову или разведенную женщину.

Размеры калыма регулировались адатом. По действовавшим неписаным законам, считалось позорным, если отец жениха, имея материальную возможность, не платил за невесту столько, сколько мог по своему имущественному положению. Для высших классов калым являлся надежным средством сохранения «чистоты» княжеской и дворянской крови, ибо платить его в больших размерах могли только представители привилегированных сословий.

Для крестьянина уплата калыма была очень серьезной проблемой: большинство крестьян не имело возможности купить или выделить из хозяйства от двух до пяти голов крупного

рогатого скота, которые надо было, по нормам адата, дать за невесту. Поэтому, прежде чем жениться, бедняк должен был уходить на заработки и в течение нескольких лет копить средства.

Процедура уплаты калыма была несложной; если родители жениха были материально обеспечены, то платили сразу, а если такой возможности не было, то по частям. По адыгскому адату право получать калым имел только мужчина. В случае смерти жениха или невесты до свадьбы калым возвращался родителям жениха.

После оформления брака жених сверх уже уплаченного калыма должен был подарить отцу или брату невесты лошадь, либо пару быков, а эфенди, оформившему брак по религиозному обряду — лошадь. Брак с уплатой калыма и другими свадебными тратами был одной из причин сохранившегося у черкесов левирата, т. е. обычая, по которому вдова обязана была пойти замуж за брата умершего мужа... Этот обычай, — писал М. Ковалевский, — продолжает существовать в течение ряда веков, потому что соответствует новому представлению о женитве как о собственности. Поэтому вдову и передают вместе с другим имуществом покойного наследнику, которого смерть брата делает главой и представителем семейной общины². Тот же калым играл свою роль и в сохранении сорората, т. е. обычая, по которому мужчина женится на сестре умершей жены.

Со своей стороны, семья невесты выдавала ей приданое. Этот обычай возник в период перехода от большой семьи к малой: самостоятельное существование последней было возможно только при условии выдела для нее определенной доли коллатерального имущества. Часть приданого оставалась в личной собственности жены, а часть она отдавала родственникам в виде подарков.

Приданое состояло из посуды, постели и мебели. Этот вид имущества черкесы называли «дыщэрыкI» (приданое). Среди вещей, предназначенных в подарок родственникам жениха, были и деньги, называли «нысэтын» (букв. дар невесты), были и дорогие подарки, которые родители девушки готовили годами, и мелкие подарки (кисеты, носовые платки, войлочные шляпки и т. д.), которые готовила сама невеста.

Подготовка к выдаче девушки замуж была связана с большими затратами не только для родителей невесты, но и для родственников и близких. Но все это делалось безропотно, так как считалось неприличным отпускать дочь в дом жениха без приданого.

Размеры приданого были определены адыгскими адатами.

¹ Кабардино-русские отношения в XV—XVII вв. Документы и материалы. Т. II. М., 1957. С. 362.

² Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939. С. 21.

В XIX в. приданое обычно составляло половину калыма. Состоятельные семьи иногда давали дочери приданое, почти равное калыму. Как правило, приданое состояло только из движимого имущества, недвижимое же давалось лишь в тех случаях, когда в семье не было наследников мужского пола.

Преобладающий брачный возраст колебался для мужчин от 25 до 35 лет, а для женщины — от 16 до 30 лет.

Существовали три способа заключения брака: брак со сватовством и сговором, тайный увод невесты в случае несогласия ее родителей на брак и насильственное похищение. По нормам адата, в XIX и в начале XX в. насильственное похищение девушки считалось оскорблением для всего рода. Поэтому если в время преследования родственниками похищенной девушки настаивали похитителя, его могли убить, а, по адату, убийцы несли ответственности. Тайный увод девушки практиковался для того, чтобы избежать больших расходов, связанных с его уходом из родительского дома. В большинстве случаев молодые люди вступали в брак с согласия родителей и по сговору между ними. Родители, имевшие неограниченную власть над своими детьми, могли выдать дочь замуж за нелюбимого человека, не считаясь с ее желанием, могли заставить сына жениться на той, которую они сами избрали.

Когда брак заключался с согласия родителей, то об устройстве свадьбы заботились обе стороны. Родители невесты готовили приданое и многочисленные подарки для родственников жениха. Родители жениха выделяли в своем доме «лэгъунэ» (комната для новобрачных), запасали продукты для свадьбы. Иногда подготовка к свадьбе длилась больше года.

За невестой отправлялись отобранные из числа односельчан родственники жениха мужчины и девушки. Девушки оставались при невесте и ухаживали за ней до окончания свадьбы. Привозили невесту обычно на арбе, в заранее намеченное место. Состоятельные семьи пользовались специальной арбой, которую у черкесов называлась «гума» (свадебная арба).

Невесту помещали в доме родственника или приятеля жениха, где она оставалась до тех пор, пока не заканчивались все приготовления к свадьбе. В этом же доме происходило и оформление брака по обрядам мусульманской религии. Со дня привоза невесты жених уходил из дома к своему товарищу. Вечерами он вместе с ним посещал невесту.

Перевоз невесты в дом жениха происходил с участием всей молодежи аула и сопровождался различными обрядами. «Джигитовка и скачки, — писал Н. Ф. Дубровин, — наперегонки друг с другом составляют исключительное разнообразие брачного поезда»³. С момента увоза невесты из родительского дома

и до завершения всего свадебного цикла свадьбе сопутствовали самые разнообразные игры, которые призваны были способствовать развитию у молодежи находчивости, ловкости, выносливости и других необходимых качеств для будущего воина. Уже в пути следования к дому жениха начинались конноспортивные игры. Участники поезда устраивали между собою соревнования в джигитовке, борьбе за свадебное знамя. А когда они проезжали через населенные пункты, то сельская молодежь устраивала на них нападение, чтобы отобрать у них илети, шапки и т. д.⁴.

Особенно жаркие схватки начинались при выезде свадебного поезда во двор жениха. Здесь участников поезда обычно встречала молодежь, вооруженная жердями. Она должна была имитировать «защиту двора» от наступающих всадников. Поэтому игра называлась «шурэлтэс» (конные и пешие). «Пешие с криком набрасывались на всадников и бесщадно били их и лошадей из всех сил. Всадники отвечали тем же. Они всячески стремились пробить дорогу через строй пеших к дому жениха. Всадники насакивали на вооруженных аульчан, желая их смять. Нередко они одерживали победу над пешими. Разгоряченные всадники перепрыгивали через заборы, разбивали грудью лошади слабые строения. «Бой» обычно прекращался, когда одна из сражающихся групп одерживала победу над другой»⁵.

Несвегу вводили в отведенную для нее комнату — лэгъунэ, где, кроме девушек, в это время никто не имел права находиться. Здесь ее ставили на тахту и выбирали кого-нибудь из девушек, чтобы снять с головы шарф. Удостоившейся этой чести девушке по окончании свадьбы отдавали снятый шарф⁶.

Лэгъунэ (комната для новобрачных) в прошлом была у черкесов священной частью жилого комплекса. Около нее не разрешалось громко разговаривать, выполнять какую-нибудь хозяйственную работу, запрещалось находиться вблизи нее посторонним лицам и даже чужим кошкам и собакам. В комнату могли заходить только дети, а также младшие члены семьи молодожена. Нередко бывало так, что родители умирали в преклонном возрасте, так и не посетив ни разу лэгъунэ.

Первое посещение лэгъунэ было связано с соблюдением пожелания условностей, обязательных для членов семьи и для посторонних лиц. Это обстоятельство способствовало созданию целой системы запретов. Человек мог посетить лэгъунэ лишь в том случае, если он строго соблюдал все обряды и правила, принятые как в обществе в целом, так и бытующие в семье.

³ Мафедзев С. Х. Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX — начале XX в. Нальчик, 1979. С. 119.

⁴ Меретуков М. А. Семья и семейный быт адыгов в прошлом и настоящем // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1977. С. 88.

⁵ Кашежев Т. Свадебные обряды кабардинцев. // Этнографическое обозрение. 1892. № 4. С. 151.

³ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. С. 278.

Вся эта сложная система была разработана на протяжении многих столетий и отвечала строгим нормам жизни патриархальной семьи. Комплекс условностей, созданных вокруг лэгъунэ, показывает, какое важное значение черкесы придавали формированию прочной многогамной семьи. В то же время изолированная комната для новобрачных давала возможность сыну и невестке соблюдать в семейном быту обычаи избегания. Условности, связанные с посещением лэгъунэ, а также требование соблюдать обычаи избегания, предъявлявшееся старшими членами семьи к молодоженам, способствовали сохранению на протяжении многих столетий строгости нравов во взаимоотношениях близких людей как в период существования семейной общины, так и после ее распада.

В день перевоза невесты в доме жениха устраивали угощение для всех присутствующих на свадьбе. При этом старшие мужчины находились в одной комнате, а младшие в другой. Старшие и младшие танцевали в разных комнатах. Веселое продолжалось иногда несколько недель.

Жених до окончания свадьбы оставался у своего приятеля. В период нахождения у приятеля жениха называли «щауэ» (новобрачный). После окончания свадьбы устраивали так называемый «щауэ ишыж» (букв. щауэ — новобрачный, ишыж — свести) — возвращение молодого мужа в свой дом.

Общественное и семейное положение черкешенки в прошлом определялось, с одной стороны, адатом, а с другой — мусульманской религией, и мусульманским правом — шариа́том. Для вступления в брак женщина становилась зависимой не только от мужа, но и от его отца и матери, а также от всех родственников. Это поддерживалось патриархальным этикетом, включавшим в себя обычаи избегания. Женщина не садилась за общий стол вместе с родственниками мужа, не называла мужа и его родственников, а также детей старше 7—8 лет по имени. Она давала им условные, обязательно ласкательные имена, вроде: «солнце», «красивая» и т. п. При отце и матери мужа, а также вообще при старших она не брала на руки и не ласкала своих детей. В течение года, а иногда больше, новобрачная не показывалась на улице. Лишь по истечении срока установленного обычая, молодая женщина в сопровождении кого-либо из родственников мужа могла появляться на улице и выезжать за пределы села.

На улице поведение женщины также было подчинено различным патриархальным правилам: она не должна была пересекать дорогу мужчине, а если на дороге ей встречалась группа мужчин, то обходила их стороной. Кроме того, она не могла показывать свою близость к мужу, никогда не входила в помещение, где находился он и его старшие родственники. Молодую супружескую пару не должны были видеть вместе старшие члены семьи и даже односельчане. Невестка до определен-

ного времени не разговаривала со старшими родственниками мужа как по отцовской, так и по материнской линии. Для получения права разговаривать совершался специальный обряд «исальтапцэ» (букв. плата за разговор), включавший в себя и угощение. Некоторый вес в семье женщина приобретала, только родив и воспитывая детей, особенно мальчиков. Многие детные супруги, не желая разводиться, брали на воспитание детей-сирот.

Еще более неравноправным было положение женщины в общественной жизни. Она была совершенно отстранена от участия в народных собраниях и общественных делах. Если в исключительных случаях женщина выступала свидетельницей при разборе судебного дела, показания двух женщин приравнялись к одному мужскому. Но, по обычаю, женщины, как правило, не выступали свидетелями.

В то же время в адыгском обществе продолжали бытовать обычаи, которые поддерживали авторитет женщины-черкешенки в кругу семьи и особенно за ее пределами. Эти обычаи не позволяли не только оскорблять женщин, наносить ей побой, но и в присутствии женщины грубо разговаривать, оскорблять друг друга, драться, устраивать дуэли и т. д. По просьбе молодых женщин нередко прекращалась кровная месть между враждующими сторонами и между отдельными лицами. Кроме того, при женщинах не полагалось погонять плетью или кнутом лошадей и быков. Поэтому, когда приходилось перевозить женщин из одного аула в другой, их рассаживали таким образом, чтобы им не было видно, как это делают. Положение девушки несколько отличалось от положения замужней женщины: она пользовалась сравнительно большей свободой. Так, она могла посещать танцы, бывать на свадьбах и т. п.

С первых же дней победы Великой Октябрьской социалистической революции женщины Страны Советов получили полное равноправие. «Нам надо, — говорил В. И. Ленин, — чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником»⁷. Первые же советские декреты узаконили равноправие женщин и мужчин не только в семейных вопросах, но и во всех областях общественной жизни.

За годы, прошедшие после Октябрьской революции, у черкесов Карачаево-Черкессии сложилась новая семья. Ее созданию способствовали декреты Советской власти по вопросам брака и семьи. Осенью 1918 г. был издан Кодекс законов о браке и семье. Советские законы навсегда отменили порядок, при котором обязательно требовалось разрешение родителей и родственников на брак, существовали ограничения браков по национальным и религиозным мотивам.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 157.

В первые годы Советской власти декреты, направленные на создание новых брачно-семейных порядков, встречали сопротивление со стороны свергнутых классов и священнослужителей. Его удалось преодолеть только благодаря неустанной работе партии и правительства по ликвидации старых, особенно связанных с религией, обычаев. Однако, несмотря на те огромные изменения, которые произошли в этой области, в быту еще нередко сохраняются старые традиции, свойственные патриархальному обществу.

Раскрепощение женщин и вовлечение их в общественно-политическую жизнь страны социализма потребовали больших усилий от общественных организаций области. Партийные и советские органы повсеместно проводили политико-просветительскую и культурно-массовую работу среди всех слоев населения, в том числе и среди женщин. Особенно большую работу вели женотделы. Они помогали труженицам в организации культурно-просветительских очагов для женщин, создавали условия для работы женщин в артелях по изготовлению предметов домашнего обихода, одежды и обуви, выступали в поддержку советских законодательных актов, строго следили за соблюдением норм трудового права в отношении женщин. Просветительскую и культурно-массовую работу среди женщин проводили также и бытовые секции, организованные при сельских исполнительных комитетах. Бытовые секции оказывали материальную помощь нуждающимся семьям, привлекали к своей работе наиболее подготовленных активисток. Кроме того, секции занимались организацией и проведением сходов граждан для рассмотрения поведения отдельных лиц, мешавших раскрепощению черкешенок, а также осуждения лиц, нарушавших советские брачно-семейные законы.

Члены бытовых секций регулярно выступали с отчетами о работе среди женщин на заседаниях сельских и районных комитетов, сообщали о трудностях и задачах в раскрепощении черкешенок. Сельские и районные Советы, в свою очередь, во многом средствами помогали женским общественным организациям. Женотделы и бытовые секции созывали делегатские собрания женщин в населенных пунктах, проводили районные и областные съезды горянок. Здесь женщинам разъясняли их права и обязанности, знакомили их с новыми формами и методами воспитания детей, говорили о необходимости обучения девочек и женщин, о вреде феодально-патриархальных пережитков семейного быта и т. п.

Вместе с тем женотделы занимались и вовлечением женщин в общественное производство. С их помощью повсеместно открывались детские сады и ясли, мастерские по изготовлению одежды, юридические консультационные пункты, клубы горянок и другие культурно-бытовые учреждения. Одновременно бытовые комиссии при сельских Советах продолжали оказывать

материальную помощь женщинам-батрачкам, следили за состоянием производства в артелях и мастерских, в которых стали работать женщины-горянки. Система артелей по изготовлению предметов домашнего обихода, одежды и обуви положили начало приобщению женщин-горянок к общественному производству.

Массовое вовлечение в социалистическое производство и в общественно-политическую жизнь страны сделало черкешенок равноправными членами социалистического общества.

Изменения, происшедшие за годы Советской власти в экономике и общественной жизни Карачаево-Черкесии, коренным образом изменили обычаи, связанные со вступлением в брак. Имущественное и общественное положение утратило свое бывшее значение при заключении брака. В то же время принимаются во внимание образовательный уровень и социально-профессиональная принадлежность брачующихся. Давно не бытуют похищения или насильственная выдача девушек замуж. В брачный союз вступают добровольно, по собственному свободному выбору. Родители жениха и невесты сейчас почти не принимают участия в сватовстве, хотя они об этом достаточно осведомлены через знакомых односельчан.

Значительное распространение получили смешанные браки, особенно в послевоенный период, когда более тесным стало межнациональное общение. То же относится к бракам с «иночерзцами», которые прежде запрещались шариатом. Теперь интернациональные семьи — обычное явление. В то же время по понятным причинам браков между представителями коренных национальностей в регионе относительно больше, чем с представителями других национальностей.

За последние годы широкое развитие получило предсвадебное ухаживание. Однако оно еще продолжает носить полускрытый характер, особенно в сельской местности. Встреча между молодыми чаще всего происходит в компаниях или же за пределами села.

Ко времени достижения девушкой совершеннолетия родители обычно выделяют ей одну из комнат жилого помещения. Здесь она может вечерами проводить свободное время с подружками, а также с юношами своего села. Свободно может проводить и жених, но в сопровождении своих друзей. За пределами же дома связь между женихом и невестой осуществляется через посредника. Эту обязанность, как правило, выполняет один из ближайших родственников невесты. Взаимное согласие жениха и невесты на брак скрепляется подарками — залогами друг другу (тауж — след руки). В качестве таужа в наши дни дарят часы, портсигары, наборы авторучек, шарфы, носовые платки, электробритвы, парфюмерные изделия и т. д. Месяц и день вступления в брак назначают сами молодые, но с учетом желания родителей. Последние узнают о предстоящем событии

через доверенных лиц жениха и невесты. Существенные изменения произошли в характере свадебной обрядности. Сократился и упростился свадебный цикл, хотя к свадьбе готовятся заранее. Обычно свадьбу справляют только в доме жениха. Поэтому расходы по свадьбе несут преимущественно семья жениха и его родственники. Но и родители невесты, как и прежде, готовят подарки для родственников жениха. Кроме родителей и родственников жениха, в организации свадьбы участвуют его односельчане, а также товарищи жениха и подруги невесты.

Празднование свадьбы в черкесских аулах проходит следующим образом. В назначенный день жених и его свита, состоящая из 5—6 человек (близких родственников и друзей), выезжает за невестой. Руководство свитой поручается наиболее уважаемому человеку, который и несет ответственность за соблюдение порядка.

По случаю приезда жениха со свитой в доме невесты устраивается угощение и танцы. Приглашаются подруги невесты и ее родственники. В это же время женщины готовят невесту к отъезду: обряжают в свадебный наряд, укладывают ее личные вещи и подарки в чемоданы. Затем товарищи жениха и его родственники выводят невесту из дома. При этом один из товарищей жениха отдает какой-нибудь родственнице невесты деньги в качестве дара ее родителям. Черкесы называют этот подарок «гъэтэджыпIцIэ» (дар в честь вставания). Его стоимость сейчас колеблется от ста до двухсот рублей. Невесту сопровождает в дом жениха «жэмхэгъасэ» (букв. жэм — корова, хэгъасэ — приучать) и остается там до завершения свадебного торжества. Жэмхэгъасэ уезжает на той же автомашине, что и жених с невестой, и безотлучно находится около последней до регистрации брака. Перед возвращением жэмхэгъасэ получает от жениха различные подарки.

В зависимости от готовности семьи жениха к свадьбе, планируются дальнейшее движение свадебного кортежа. Если семья уже подготовилась к предстоящему торжеству, то невесту везут прямо в дом жениха. Если же подготовиться не успели, то ее отвозят к родственнику или товарищу жениха.

Здесь, в промежуточном доме, ее оставляют не более пяти-десяти дней. Жених в это время находится у своего приятеля. Хозяева промежуточного дома устраивают угощение, танцы. Невесту регулярно навещает жених в сопровождении друга. Здесь же может состояться и оформление брака. Для этого в назначенный день жених и невеста со своими родственниками и товарищами отправляются на автомашинах в сельский Совет. Регистрация происходит в присутствии депутата и секретаря Совета, а также свидетелей со стороны молодых. Представители местной власти произносят напутственные слова в адрес молодоженов и вручают им свидетельство о браке.

Перевоз невесты в дом родителей жениха происходит при

большом стечении молодежи. Когда невесту забирают из родительского дома, участники свадебного поезда исполняют свадебную песню. Родственники и друзья жениха с музыкой встречают свадебный поезд у ворот дома родителей жениха. Здесь невесту выводят из машины и в сопровождении женщин ведут в отведенную для нее комнату — лэгъунэ.

Со дня привоза невесты в дом жениха начинается пир и веселье, но свадьбу, по устоявшейся традиции, справляют в субботу.

Как и в прошлом, на проведение черкесской свадьбы расходуются значительные средства. Поэтому часть расходов берут на себя близкие родственники по отцовской линии жениха. На свадьбу стараются пригласить как можно больше гостей из городов и сел области. Хотя черкесская традиция позволяет участвовать в свадьбе и без приглашения, но редко кто теперь ее соблюдает.

К назначенному дню на свадьбу приезжают родственники, друзья и товарищи семьи жениха, а также другие гости. Почти все участники свадьбы приходят с подарками. Если на свадьбу приезжают представители от коллективов жениха и невесты, то они подносят подарки от имени коллективов.

В состав подарков обычно входят такие вещи, как отрезки на платье, женские головные платки, шарфы и другие галантерейные изделия, столовые и чайные сервизы, наборы столовых ложек и ножей, кухонная и комнатная мебель и т. п. Подарки приносят в дом жениха женщины от имени своих семей и здесь же выставляют их для обозрения присутствующих. Кроме того, наиболее близкие родственники дают главе семьи деньги на свадебные расходы, приводят мелкий рогатый скот для жертвоприношения по случаю семейного торжества.

Из подарков в доме молодоженов остаются только мебель и кухонные принадлежности. Остальные вещи (включая и одежду невесты) распределяются между родственниками жениха. Распределением поступивших подарков занимаются старшие и наиболее уважаемые родственники. При этом они стараются охватить как можно больше людей, чтобы не вызвать недовольство отсутствием должного внимания к родственникам. На этой почве часто возникали и продолжают возникать плохие отношения между родственниками. Чтобы избежать этого, большинство населения сейчас активно выступают против раздачи подарков. Об этом не раз говорилось на многочисленных сходах, прошедших в черкесских населенных пунктах за последние годы. Участники сходов, критикуя обычай раздачи подарков родственникам, предложили оставлять все молодоженам. Такие предложения одобрялись единогласно и принимались участниками сходов. Однако до сих пор они не проведены сколько-нибудь широко в жизнь, несмотря на то, что по этому поводу велась и

ведется большая разъяснительная работа культурно-просветительными учреждениями, а также женскими советами и советами старейшин районов.

К свадебному торжеству черкешенки готовят самые разнообразные блюда. Их перечень немалого увеличился за годы Советской власти по мере роста влияния культуры русского населения. Наряду с национальными блюдами, праздничный стол украшают фруктами, овощными блюдами, кондитерскими изделиями. Готовят праздничные блюда к столу лучшие повара; блюда из барагины обычно готовят мужчины. Готовыми продуктами для свадебного стола распоряжается один из мужчин, назначенный хозяином дома. Без его разрешения ни одно блюдо не поступает на праздничный стол.

Старшее поколение обычно занимает одну из комнат дома, а младшие — другие. При этом особое внимание оказывают свите (начихитх), принимающей участие в регистрации брака от имени родителей невесты. В свадебных торжествах участвуют и женщины — родственницы жениха и невесты, а также приглашенные девушки. Молодые родственницы жениха принимают в свадьбе самое активное участие. Они являются организаторами увеселительных мероприятий: выступают запевалами, первыми выходят в танцевальный круг, приглашают гостей к танцу и т. п.

До сих пор еще соблюдаются правила, по которым за свадебным столом женщины и мужчины редко сидят вместе. Обычно женщин и девушек угощают в другом помещении. Невеста в это время, как правило, находится в своей комнате, куда ей приносят свадебные блюда. После окончания угощения начинаются песни и пляски, которые длятся иногда до утра.

На следующий день исполняется обряд введения невесты в комнату родителей, которую адыги продолжают называть «большим домом». Невесту ведут туда под руки две родственницы жениха. От порога ее комнаты и до порога «большого дома» ее сопровождают женщины и дети. По пути ее осыпают сладостями и серебряными монетами. У порога комнаты процессию встречает одна из женщин. Она же, приподняв шарф с лица невесты, смазывает ей губы смесью меда со сливочным маслом. Смесью, по представлениям адыгов, символизирует сладкую и благополучную жизнь новой семьи. После знакомства с невестой женщины садятся за праздничный стол. Старшая произносит речь, желая молодым крепкого здоровья и взаимопонимания. Невеста и сопровождающие ее лица выслушивают ее речь стоя. За праздничный стол они не садятся.

Ввод невесты в большой дом символизирует прежде всего ее приобщение к семейному очагу, принятие ее старшими женщинами семьи. После этого обряда новая невестка может свободно посещать традиционно священную часть жилого комплек-

са — «большой дом» и принимать участие в хозяйственной жизни семьи.

Продолжением и одновременно завершающим моментом собственно свадьбы являлась лет десять назад отправка родителям невесты праздничных блюд в знак принятия ее очагом дома. Их обычно отвозили несколько женщин, которые возвращались на следующий день. Свадебные блюда родители невестки распределяли между своими родственниками и соседями, а для приехавших гостей устраивали угощение. Кроме того, каждая из приехавших получала подарок. Этот обряд исчез из свадебного цикла в результате резкой критики самих же носителей.

Первое посещение невесткой родительского дома у черкесов известно под названием «дыщасэ» (родительский дом). В прошлом оно происходило по истечении 7—8 месяцев со времени замужества. В настоящее время невестку отправляют к родителям через три-четыре месяца и остается она в отцовском доме около двух недель.

К этой поздке родители жениха начинают готовиться сразу же по завершении свадьбы, поскольку это связано с большими расходами. Бытующий поныне обычай требует, чтобы все близкие родственники получили подарки. Родителям невестки обычно преподносят одежду, соответствующую их общественному положению. Остальные члены семьи также не остаются без внимания. Наиболее дорогие вещи получают братья и сестры. Им, как правило, дарят костюмы, платья, сорочки, а также ювелирные изделия. Менее значительные подарки достаются остальным родственникам.

Подготовка невестки к отъезду проходит всегда при активном участии родителей жениха и их близких родственников. Последние также несут материальные расходы. Одни из них вносят деньги, другие дают подарки. Кроме подарков, иногда ведут с собой и овцу, которую приносят в жертву по поводу знакомства с родителями невестки. Глава семьи решает, кто из отцовских и материнских родственников будет входить в состав свиты невестки. Число сопровождающих обычно колеблется от 15 до 20 человек.

В последние годы в состав новобрачной свиты стали включать и ее мужа, чтобы одновременно совершить обряд «мал-чъэтэхэ» (знакомства с зятем), а также их родителей. Не так давно этот обряд бывал самостоятельным, и его совершали по истечении ряда лет совместной жизни молодых. А знакомство зятя с родителями и родственниками жены происходило в присутствии его близких друзей и товарищей. Этому обряду посвящали специальный вечер с жертвоприношениями и увеселениями. Только после исполнения обряда зять мог свободно посещать дом родителей жены.

Отъезжающих к родителям невестки рассказывает по лег-

ковым автомашинам хозяин дома. Старшие женщины с невесткой занимают одну из машин. Спустя некоторое время после отъезда свиты, новобрачный со своими товарищами выезжает. Последних уже на месте встречают их сверстники и ведут в комнату с праздничными столами. После нескольких тостов зять ведут к родителям жены для знакомства. На всю эту процедуру затрачивается три-четыре часа. Затем зять со своими товарищами отправляется домой.

Его родителей и родственников обычно принимают в отдельной комнате. За трапезный стол с приезжими мужчинами садятся мужчины со стороны хозяина дома. Самого же хозяина редко можно видеть за столом. Как правило, он осуществляет общее руководство над всеми столами, находясь в одной из комнат дома. Через обслуживающих свиту лиц он регулирует подачу блюд, строго соблюдая их традиционную последовательность. Приславших женщин угощают отдельно от мужчин. Кроме угощения, гостям устраивают танцы с участием приглашенных гармонисток. Веселье в доме продолжается до тех пор, пока сами гости не определяют время своего отъезда. Уезжают они всегда засветло.

После отъезда гостей родители невестки вместе с близкими родственниками приступают к осмотру привезенных подарков. Себе они берут только те вещи, которые предназначены им лично. Другие вещи распределяют между родственниками и соседями уважаемые немолодые родственницы данной семьи.

Подготовка дочери к возвращению в дом мужа также связана с большими материальными затратами. Ее родители обычно готовят приданое и многочисленные подарки для родителей и близких родственников мужа. Кроме постельных принадлежностей и домашней утвари, в приданое в настоящее время включают ковры, паласы фабричной работы, отдельные предметы мебелировки, оконные занавеси и т. д. Поскольку такие дорогие подарки многие родители не в состоянии сами приобрести, им помогают близкие родственники, а также соседи. Подарки, за исключением персональных, распределяют между родственниками мужа старшие женщины фамилии, а вещи, входящие в приданое, остаются в комнате невестки, поскольку они считаются ее личной собственностью.

Повсеместно соблюдаемый черкесами обряд дышаса сопряжен со значительным материальным ущербом семьям новобрачных, а также близким родственникам. В последние годы этот обряд резко критиковали на сходах. Вносилось предложение отказаться от обременительных расходов. Эти решения затем были доведены до сведения жителей области через периодическую печать и радио. Результаты вскоре же сказались. В ряде населенных пунктов провели обряд дышаса без обременительных расходов. Однако в дальнейшем хорошее начинание забылось. И в этом во многом оказались виновными такие общест-

венные организации, как женские советы и советы старейшин, на которых были возложены пропаганда и внедрение в быт новых советских обрядов. Эти советы вместе с клубными учреждениями в селах и городах так и не стали центрами распространения новых обрядов, несмотря на то что для ряда обрядов давно существуют разработанные сценарии и к ним приложены соответствующие рекомендации.

Помимо материальной стороны дела, обряд дышаса неудобен для молодых невесток. До совершения этого обряда невестка не должна ездить к родителям и родственникам. Связь с ними она поддерживает только через знакомых. Черкешенки, получившие образование в школах и вузах, выступают против этой традиции, как и против многих других вредных обрядов. На этой почве между родителями мужа и невесткой часто возникают конфликты. Иногда они перерастают в общесемейную ссору, которая в конечном итоге нередко приводит к распаду молодой семьи.

На страницах областной газеты «Ленин нур» за последние годы стали чаще печатать статьи, посвященные критике пережитков прошлого в семейном быту черкесского народа. Среди этих статей публиковались и такие, в которых рассматривались свадебные обряды. Так, например, статья под названием «Пусть чечемалпа не выходит скандал» была посвящена негативным сторонам свадебных обрядов⁸.

Со всеми негативными моментами свадебного обряда следует вести целенаправленную борьбу по наиболее действенным каналам областного идеологического арсенала. Разъяснительную работу в отношении вредных обрядов необходимо начинать уже в старших классах общеобразовательных школ и техникумах. Можно посвящать специальные уроки генезису этих обрядов, одновременно показывая их негативные стороны. Эти же вопросы должны оставаться в центре внимания и в Карачаево-Черкесском педагогическом институте, так как результаты социологических исследований показали, что часть студентов не в состоянии отличить в обрядности национальное от религиозного и увязать теоретические знания в области общественных наук с осмыслением действительности и со своим поведением в быту⁹.

К всестороннему рассмотрению позитивного и негативного в обрядах вновь должны вернуться сходы граждан. Следует обеспечить на них присутствие наиболее уважаемых представителей каждой фамилии села, чтобы через них затем проводить и жизнь принятые сходами решения. На основе этих решений необходимо еще раз выработать рекомендации по обрядности. Центрами пропаганды решений сходов могут стать женские со-

⁸ Ленин нур. 1987, 28 февраля.

⁹ Авксентьев А., Багдасаров В. Источник нашей силы. Ставрополь, 1986. С. 103.

веты, советы старейшин и культурно-просветительные учреждения на местах. На них же следует возложить контроль за претворением в жизнь решений сходов. При таких обстоятельствах борьба с негативными чертами обрядности должна приобрести более действенный характер.

Возвращаясь к обряду дышаса, можно порекомендовать, чтобы он был сохранен как один из элементов свадебной обрядности, но несколько видоизменен и приближен к требованиям наших дней. Невестку целесообразно отправлять к родителям вскоре после свадьбы и без дорогих подарков. Точно так же лучше поступать и ее стороне, а на сэкономленные деньги приобретать необходимые для молодой семьи вещи.

В послесвадебной обрядности у черкесов продолжает бытовать обряд «гъэпсалъапшэ» (плата за то, чтобы невестка начала разговаривать со старшими в семье и их родственниками). В прошлом этот обряд бывал повсеместно, совершаясь через значительное время после свадьбы. Свекровь делала невестке подарки в присутствии членов семьи и ближайших родственников. В состав подарков включали мелкий рогатый скот и покупные товары. Подарки становились личной собственностью невестки. В настоящее время в обряде произошли значительные изменения. Он носит более или менее символический характер, справляется вскоре по завершении свадьбы, а невестке обычно дарят отрез на платье или что-нибудь из галантерии.

По сравнению с городскими, сельские свадьбы обычно носят более массовый характер, поскольку в ней участвуют жители всего аула, а также приглашенные гости из разных концов Карачаево-Черкесии.

Свадьбу, как и другие семейно-бытовые обряды, черкесы всегда сопровождали песнями (уэрэд) и танцами (джэгу). Песни и танцы в свадебных обрядах занимали особое место. Им сопровождали все обряды от выхода невесты из родительского дома и до ввода ее в комнату родителей жениха.

В прошлом черкесы не имели музыкально грамотных людей. Песни распространялись народными певцами, передаваясь из уст в уста. Народных исполнителей песен называли «джэгуа-кIуэ». Они выступали не только как певцы, но и как сказители и музыканты. По словам Ш. Б. Ногмова, «сочинители стихов и песен назывались гекуоками: они были неграмотны и простого звания, но одаренные поэтическим воображением. Гекуаки и трубачи (кирапеш или сринашо), которые на войну ездили всегда на серых конях, должны были сочинять стихи или речи для воодушевления воинов перед сражением. Становясь перед войском, они пели или читали свои стихи, в которых упоминали о неустрашимости предков и приводили для примера их доблестные подвиги»¹⁰.

Джегуако пользовались у адыгов большим уважением: «Личность джегуаков считалась неприкосновенной даже для воров. Они не имели собственности и не вели хозяйства. Джегуако не носили оружия и разъезжали по стране, присутствуя на народных собраниях, празднествах, плясках, погребениях и всяких других процессах, а также в битвах»¹¹.

На свадьбах можно наблюдать и старинный адыгский кеджак. Как правило, его танцуют старшие родственники жениха. Танец сопровождают громкими ударами в ладоши и музыкальными ударными инструментами, подчеркивающими особую значимость этого вида танца, который как бы символизирует зарождение новой семейной ячейки.

Замужние женщины на свадьбах не танцуют. Они, как правило, стоят в стороне от веселящейся публики и наблюдают за танцующими парами. Подобным образом они поступают и во время других семейных и общественных праздников. Однако на свадьбах не осуждают тех танцующих женщин, которые находятся в родстве с родителями жениха. Своим танцем они как бы выражают родственную близость к семье и личную радость перед другими участниками свадебного торжества.

У адыгов существовало много разнообразных музыкальных инструментов, часть из которых уже исчезла. Это къамыл (камыш) — вид открытой продольной флейты; пакъырэ (накъырэ) — духовой инструмент с одинарной или двойной тростью типа зурны; пщэнэ (пшине) — язычковый инструмент типа гармоники; бжэмы (бжамый) — мундштучный духовой инструмент из рога; Iапапшина (апешина) — щипковый инструмент типа балалайки; пшынэтаркьо (пшинетарко) — щипковый инструмент типа угловой арфы; шыкIэпшыне (шичешина) — смычковый инструмент типа скрипки; пщынэкъэб (пшинекеб) — смычковый инструмент типа виолончели; цъо-пърпI (шотырп) — ударный мембранный инструмент типа грешотки. Такие инструменты, как сырын, бжамы, апешина, пшинетарко и шотырп до наших дней не сохранились¹².

Во второй половине XIX в. к адыгам из России проникла гармоника. На свадьбах обычно бывает несколько гармонисток, труд которых оплачивает пригласившая семья. Кроме того, они получают деньги, собранные во время исполнения национальных танцев. Сбор денег происходит во время игровых «выкупов». Предполагается «выкупать» танцующих из танцевального круга. С этой целью им в карман или же за ворот пиджака суют деньги. После окончания танца собранные таким образом деньги поступают в распоряжение гармонисток.

За последние годы в некоторых аулах появились способные джегуако — традиционные адыгские персонажи, которые всегда

¹⁰ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947. С. 34

¹¹ Очерки истории Адыгеи. Майкоп. 1957. С. 275.

¹² Шу Ш. С. Адыгские народные музыкальные инструменты // Культура и быт адыгов. Вып. I. Майкоп, 1976. С. 133.

были организаторами и распорядителями увеселительных, в частности, свадебных мероприятий. Их участие значительно оживляет общую картину свадебного обряда.

У черкесов свадебные торжества считаются законченными после официальной регистрации и отъезда делегации, приехавшей от родителей невесты. Современные черкесы не знают бытующего у адыгейцев завершающего свадьбу танца удж-хурей. Для этого музыканты выходят на середину танцевальной площадки и начинают мелодию удж-хурей. Заранее избранному уджпашэ (ведущий) — самому уважаемому гостю — вручается дэпыІэ (дэ — орех, пыІэ — шапка) как символ почета, а его шапку надевают на партнершу по танцу — девушку, заслужившую этого своей внешностью или другими достоинствами. Продолжается танец до тех пор, пока уджпашу даст знак музыкантам прекратить играть¹³.

Удж хурей значительно украшает свадьбу. Когда-то он бытовал у всех адыгских народов. Как нам кажется, было бы целесообразно возродить сегодня у черкесов этот древний танец и завершать им свадебные торжества.

Таким образом, хотя свадебный ритуал черкесов все еще остается достаточно сложным, он постепенно утрачивает многие из негативных обычаев и обрядов. Так, исчезают избегание женихом родителей и старших братьев невесты, длительная изоляция невесты в отдельной комнате, обязательное одаривание всех родственников жениха и т. д. Однако полному искоренению таких отрицательных черт мешает мусульманская религия, которая тормозит рост сознательности и культуры части сельского населения. Встречаются семьи, члены которых, особенно пожилые, требуют выполнения всех старых обычаев, в том числе и устаревших свадебных традиций.

В процессе трансформации традиционной черкесской свадьбы появляются новые элементы свадебной обрядности. Большое новшество составляет, например, то, что во время свадебного торжества за праздничным столом присутствуют жених и невеста. Это особенно характерно для комсомольских свадеб, которые основная масса черкесов встретила доброжелательно. Комсомольские свадьбы всегда отмечаются очень торжественно, с участием колхозников, рабочих и служащих, с которыми жених и невеста вместе трудятся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СВАДЬБА АБАЗИН

Задача данной статьи — показать состояние современной свадебной обрядности абазин по данным последних лет с целью выявить тот оптимальный вариант, который, впитав в себя самые прогрессивные традиционные черты, мог бы быть рекомендован как образец их современной свадьбы. Вместе с тем, чтобы ярче выявить те перемены, которые произошли в современной свадебной обрядности абазин, мы коротко остановимся на брачных обычаях и свадебной обрядности в прошлом.

Преобладающий брачный возраст у абазин в прошлом составлял для мужчин 25 лет, для девушек 16—17 лет. Однако в литературе имеются упоминания о вступлении в брак мужчин 40 лет, а девушек — 12—14 лет¹. Такие поздние браки мужчин объяснялись тем, что малоимущим людям трудно было собрать выкуп за невесту.

Практиковались две основные формы заключения брака: по сговору (хІвайра). Другой формой вступления в брак было умыкание (мцІасра), практиковавшееся в среде как высших, так и низших сословий. Похищение бывало и реальным, и полуфиктивным, и фиктивным. Первое могло быть вызвано нежеланием родителей девушки отдать ее замуж или отказом от брака ее самой. Ко второму прибегали в том случае, если молодые любили друг друга, в то время как родители девушки этому препятствовали. Цель чисто фиктивного похищения заключалась в том, чтобы избавиться от расходов, связанных со сватовством. После реального или полуфиктивного похищения родители жениха посылали к родителям девушки своих представителей, чтобы склонить их к согласию на брак. Если даже родители девушки сначала отвечали категорическим отказом, то переговоры, как правило, в конце концов все же завершались успешно. К тому же редкая из похищенных отваживалась вернуться

¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб. 1871. Т. I. Кн. II. С. 42; Савинов В. Достоверные рассказы об Абазии // Пантеон. СПб. 1850, Т. 6. Кн. 1—12. С. 9; Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864. Ч. II. С. 131.

¹³ Ногайцева Л. Г. Указ. раб. С. 24—25.

домой: считалось, что она опозорена и на ней уже никто потом не женится.

Обе формы заключения брака имели место и у других народов Кавказа. Кроме того, у абазин, как и у последних, существовали колыбельный стговор, левират и сорорат².

Колыбельный стговор (агара йшылу йхIвайра) обычно заключался между дружественными семьями. Если в одной рождался сын, а в другой — дочь, то родители договаривались между собой, что по достижении детьми брачного возраста их поженият. При этом родители мальчика с родственниками и друзьями приходили в дом родителей девочки с подарками. Отец девочки приглашал в гости своих родственников и друзей. Для всех устраивалось обильное угощение. Приглашали эфенди, и отцы давали клятву, что они будут верны данному слову. Бывало, что дети, достигнув брачного возраста, не проявляли взаимной симпатии, но, подчиняясь воле родителей, все равно вступали в брачный союз. Если просватанная таким образом невеста выходила замуж за другого, жених мог мстить обидчикам. «Колыбельная» невеста, достигнув совершеннолетия, должна была соблюдать определенные правила поведения: избегать встреч с родителями жениха и старшими родственниками, ходить на свадьбы и всчеринки только в сопровождении какой-нибудь родственницы, танцевать только с женихом или его доверенным лицом.

В основе левирата (права деверя на вдову брата) и сорората (права вдовца на сестру покойной жены) лежала в основном материальная заинтересованность сторон — стремление сохранить за собой часть калыма. Другой причиной сохранения левирата и сорората, как считают информаторы, являлось мнение, что родные тетка или дядя лучше для детей, чем чужие люди.

Брак по стговору начинался сватовством родителей жениха, которое вместе с тем было звеном свадебного цикла (тацана-дырла). Сами молодые люди обычно становились действующими лицами только по достижении сторонами договоренности, хотя как исключения встречались случаи, когда во внимание принималось и их мнение. Родители в своем брачном выборе руководствовались такими соображениями, как сословная принадлежность, имущественное состояние, репутация членов семьи, наличие или отсутствие в роду людей с наследственными пороками, а также личными качествами невесты и жениха.

У абазин не было профессиональных сватов. В роли сватов выступало несколько доверенных лиц родителей жениха. Это были уважаемые люди — родственники, друзья, товарищи отца жениха. К выбору сватов подходили тщательно. Бывали случаи,

когда родители девушки при первом посещении сватов не давали согласия на брак только потому, что их не удовлетворял состав сватов. Об этом своем недовольствии они стороной извещали родителей жениха, и те при повторном визите сватов меняли их состав. Такое привередливое отношение к сватам стороны невесты объяснялось просто. Сваты не формально исполняли свою роль и достигнув цели, уходили со сцены, а согласившись на эту роль, они брали на себя определенные обязательства перед родителями девушки за ее благополучие в новой семье. Они являлись своего рода поручителями жениха. О любых недоразумениях, возможных в супружеской жизни, в первую очередь извещались бывшие сваты, которые, опираясь на свой жизненный опыт, всегда могли дать молодым мудрый совет, порой даже предотвратить назревавший развод.

По обычаю, сваты вступали в переговоры не с самими родителями девушки, а с их доверенными лицами, в роли которых выступали опять-таки близкие родственники. Родители девушки не сразу давали согласие на брак, а всячески старались оттянуть переговоры о сватовстве, как этого требовали правила приличия. В случае, если родители были настроены против брака, то они не сразу же говорили об этом сватам, боясь их оскорбить. В любом случае сватов встречали радушно. Не получив при первом посещении ни положительного, ни отрицательного ответа, сваты через некоторое время повторяли свой визит. За время между первым и вторым посещением родители девушки наводили справки о женихе. С момента получения согласия на брак жених и невеста должны были соблюдать все правила избегания в отношении старших родственников каждой стороны.

При сватовстве оговаривались размер калыма (ачма) и срок увоза невесты. Размер калыма зависел от материальной обеспеченности семьи жениха, сословного происхождения невесты, ее способности к рукоделию, красоты. За девушку из высших сословий платили намного больше, чем за девушку из крестьянской семьи, а также за вдову. В состав калыма входил крупный рогатый скот, 1—2 кровные лошади, седло, принадлежности конского убора, оружие (ружье, кинжал), также деньги. Калым делился на две части: одну посылали родителям невесты, а другая оставалась у невесты и служила ее обеспечением на случай развода или вдовства. Эта вторая часть называлась «кыабыхIакъ». Обычно сумма калыма указывалась в брачном контракте (накыхI), составляющемся при заключении брака. Срок зависел от состоятельности сторон. За это время родители жениха должны были выплатить калым или его часть, родители невесты — подготовить свадебную одежду и подарки родственникам мужа.

Когда наконец наступал день увоза невесты из родительского дома, за ней посылали свиту — родственников жениха, его

² См. абхазские параллели: Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми, 1965. С. 449; Акаба Л. Х. Брак и свадебные обряды у абхазов // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Сухуми, 1955. XXVI. С. 209.

близких друзей, одну-двух женщин. Ехал и сам жених. Родители девушки, заранее извещенные о приезде гостей, готовили угощение, приглашали молодежь на танцы. С момента приезда гостей девушка находилась в своей комнате в кругу родственников. После короткого угощения поезжане изъявляли желание уехать вместе с невестой. Но это им удавалось не сразу, так как родственники девушки создавали целый ряд препятствий, которые можно было преодолеть, только заплатив выкуп. Первый выкуп (ргылша) — плата за то, чтобы невеста встала. Затем платили выкуп за вывод невесты из ее девичьей комнаты, где она находилась в плотном кругу молодых родственниц. Иногда велись долгие переговоры, так как требуемая сумма могла оказаться довольно значительной. Доверенный жениха, плативший выкуп, впоследствии пользовался у невесты особым уважением. Затем, заплатив выкуп родственникам невесты за то, чтобы те открыли ворота, и аульчанам, чтобы те не преграждали дорогу, поезжане увозили девушку. Родители девушки отправляли с ней кого-нибудь из молодых родственников в качестве «джамхьагаса» — лицо, которое должно было находиться с ней до конца свадьбы. Этот человек как бы охранял невесту от возможных посягательств жениха до свадьбы, а также и от других лиц. В литературе его обычно называют телохранителем.

Со дня привоза невесты и до свадьбы в прошлом проходило до месяца. На это время ее помещали в дом одного из родственников жениха — так называемый промежуточный дом³ (адгалырта). Невеста находилась там под опекой семьи. Каждый вечер здесь собиралась молодежь и устраивала танцы. Мог присутствовать и жених вместе со своей дружкой. Сам жених до свадьбы тоже находился у кого-нибудь из близких друзей (течара).

Свадьба требовала больших материальных затрат. В прошлом свадьбы играли только осенью и зимой, когда весь урожай собран и население свободно от сельскохозяйственных работ. За то время, что невеста находилась в промежуточном доме, родители жениха готовили все необходимое для свадьбы. Родители невесты не принимали участия в свадьбе ни своим присутствием, ни расходами: вообще участие стороны невесты в свадьбе ограничивалось присутствием нескольких родственников — мужчин на религиозном обряде бракосочетания (накхьагI). Но родственники жениха оказывали большую помощь в подготовке свадьбы как трудом, так и расходами.

День свадьбы оглашали заранее и рассылали вестников во все аулы, чтобы пригласить родственников. На крыше дома, где происходила свадьба, вывешивали флаг — знак того, что здесь

свадебное торжество. Накануне свадьбы в дом жениха официально приглашали родственников невесты исключительно мужчин (накхьагIгIвча). Они должны были принять участие в церемонии бракосочетания, и были как бы поручителями невесты, как сваты были поручителями жениха. В прошлом состав их был строго регламентирован обычаем: дядя по отцу и дядя по матери невесты, близкий родственник-однофамилец, близкий друг семьи и телохранитель невесты. Обычай регламентировал также определенные нормы поведения «накхьагIгIвча»: умение скромно сидеть за столом, говорить уместные заздравицы, не допускать чего-либо, что могло бы показаться окружающим неприличным. В частности, сочли бы верхом неспристойности опьянеть и остаться в доме до утра. Заметим, кстати, что в прошлом абазин, как и все северокавказские народы, не употребляли на свадьбах и других национальных торжествах крепких спиртных напитков. Пили только бузу (бахсыма) и медовый напиток (цахды), подававшийся лишь женщинам. Многие исследователи Кавказа в прошлом отмечали, что в крае не замечено ни одного случая употребления вина и других охмеляющих напитков. Приняв участие в оформлении брака, «накхьагIгIвча» полночь возвращались в дом отца невесты и сообщали о благополучном завершении церемонии.

На следующий день начинался перевоз невесты из промежуточного дома в дом жениха. За невестой ехали шумной компанией на тачанках, молодые люди — верхом на лошадях. Увозили ее под свадебную песню «Оридада». На всем пути к дому жениха молодежь устраивала скачки, стреляла из ружей, пела. Аульчане преграждали дорогу, требуя выкуп. Невесту сразу не вводили в дом. Некоторое время она должна была стоять в кругу танцующих с двумя родственницами по сторонам. При этом лицо у нее было полностью закрыто шелковым платком или же частично прикрыто приспущенным платком.

Танцы проходили в строго определенном порядке и неизменным их участником был своего рода распорядитель (гьагвакIва). Сначала танцевали пожилые люди. Распорядитель, расхваливая танцующих, призывал их родственников и друзей «выкупить» их из круга. Те вносили выкуп, который распорядитель комментировал в панегирической или сатирической форме. За пожилыми людьми танцевали женатые мужчины (замужние женщины танцевать не имели права), за ними — молодые парни и девушки. Все время за ходом танцев и за соблюдением правил следил распорядитель. Перед вводом невесты в дом устраивали обрядовый танец, известный как «выкуп невесты (атаца дхьагIара) или же как танец стола, выкуп стола (айшва гIархIвра//айшва хьагIахра). На середину круга танцующих перед невестой ставился столик со свадебным угощением. Распорядитель с несколькими молодыми людьми пел «свадебный панегирик невесте, затем распорядитель заставлял

³ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983. С. 59.

ее войти в дом, причем просил всех присутствующих умили-
вить ее. Родственники жениха в зависимости от степени родст-
ва и своего достатка вносили деньги, что уже описанным обра-
зом комментировалось распорядителем. По мере того, как
делались взносы, невеста делала шаг к порогу дома. Выручен-
ные таким образом деньги распределялись следующим обра-
зом: половина из них поступала в распоряжение родителей
жениха, четвертая часть шла за труды гармонистке, и четвертая
часть — распорядителю и его помощникам.

Под звуки старинной мелодии, исполнявшейся только в этом
случае, невесту вводили в дом. На пороге ее осыпали сладостями
и мелкой монетой, под ноги стелили овечью шкуру. В прошлом
невесту осыпали также и просом, причем женщина, совершав-
шая этот обряд, трижды произносила про себя заклинание:
«Пусть твой род размножится так, как умножается каждое зер-
нышко». Целью этих магических обрядов была забота о том,
чтобы молодая жила сладко, прошла по жизни так же мягко,
как по этой шкуре. Монеты и сласти подбирали дети и взрос-
лые. Некоторые женщины даже выменивали эти монеты у детей
на равноценные и сохраняли их до весны, чтобы подложить их
вместе с яйцами под наседку. Существовало поверье, что это
предохранит яйца от порчи. Бытовал и другой обряд: когда
невесту вводили в дом, кто-нибудь из подростков залезал на
соломенную (камышовую) крышу дома и длинной палкой бил
по ней, стараясь, чтобы взрыхленная труха посыпалась на голо-
ву невесте. Нам не удалось найти объяснения этому обряду.
Считалось, что он обеспечит достаток молодой семье.

Сначала невесту вводили в комнату свекрови. Здесь ее
встречала пожилая родственница, мазала ей губы смесью меда
и топленого масла (цхавхва), желала ей в новой семье сладкой
жизни. Другая женщина, известная своим крепким здоровьем
и многодетностью, подходила к невесте и, развязав ей пояс,
снова завязывала, но уже более свободно. Этот магический
присем был направлен на то, чтобы молодая не осталась бездет-
ной. Затем невесту уводили в приготовленную для нее комнату
(амхIара) и помещали за занавеской, где она могла сесть. При
ней постоянно находились две девушки (анхъвпхIа), в обязан-
ности которых входило кормить ее и выполнять все ее желания.
Через две недели эти девушки могли уйти домой, получив от
молодой подарки.

На второй день после свадьбы совершался обряд знако-
мства свекрови с будущей невесткой (квнадылра). На это торже-
ство приглашались близкие родственники. Тем временем родст-
венники создавали на ее пути преднамеренный беспорядок:
бросали на порог веник, разбрасывали мелкие предметы. Счи-
талось, что если невестка заметит лежащие не на месте пред-
меты, поднимет их, отложит или отставит в сторону либо мимикой
(по обычаю, она не должна была говорить, чтобы не быть услы-

шанной старшими родственницами) попросит их убрать, то она
будет аккуратной хозяйкой. Если же пройдет мимо, то будет
ленивой и неряшливой.

Невестку вводили в комнату и ставили около двери. Присут-
ствующие по старшинству подходили к ней, трижды обнимали,
приподнимали специально приспущенный платок и высказывали
свои добрые пожелания. Кто-нибудь из женщин при этом объ-
яснял невестке, кто сейчас к ней подходит, кем она приходится
будущему мужу. По существу это было формальное знакомство
невестки с родственниками мужа. Затем устраивали шуточные
танцы, в которых принимали участие одни только женщины, и
невестку уводили в ее комнату. Всех присутствующих угощали.
По одним данным, в тот же день, по другим — через неделю
совершался обряд «рчважвара» — снятие запрета на разгова-
ривать со свекровью. Невестке предлагали, чтобы она вслух
попросила стоявшую свекровь сесть. Та делала вид, что ей
стыдно, и сразу не просила; только после нескольких настояний
она чуть слышно обращалась к свекрови. Знакомство со свек-
ром и снятие запрета на разговор с ним происходили намного
позже, через 5—10 лет, а порой еще позже. Иногда невестка,
как и у абхазов, вообще никогда не разговаривала со свекром,
если соответствующий обряд совершался, то в узко семейном
кругу, торжественно, по инициативе свекрови и с соответствую-
щим одариванием.

Ни в свадебных приготовлениях, ни в самой свадьбе жених
не принимал участия. Он все время находился у своего дружки.
В день свадьбы вечером сюда собиралась молодежь на пир и
танцы. К новобрачной молодой приходил на следующий день
после свадьбы, поздно ночью и в сопровождении дружки, кото-
рый охранял их покой. Рано утром, пока еще было темно, он
снова должен был уйти из дома. Он находился у дружки целую
неделю, после чего устраивали обряд возвращения новобрачно-
го домой (течаратдара). Он возвращался в сопровождении
друзей, дома его встречали родственники. При этом полагалось
«сбивать» его, якобы за совершенный проступок. Родители
устраивали всем участникам обряда угощение, вечер завершал-
ся танцами. С этого дня новобрачный уже не покидал дом,
только днем старался не попадаться на глаза родителям и
старшим родственникам.

В новой семье новобрачная должна была соблюдать множе-
ство обычаев избегания: не показываться без особого на то
разрешения на глаза свекру и другим старшим родственникам
мужа, не называть по именам родителей мужа, его самого, его
братьев и сестер, его старших родственников и родственниц.
Новобрачный, в свою очередь, соблюдал аналогичные запреты
по отношению к родственникам жены. Муж и жена не имели
права появляться вместе перед старшими, в общественных мес-

тах, брать при родителях и посторонних своих детей на руки, называть их по именам.

Долгое время после свадьбы молодая не приступала к работе по дому: для этого нужно было совершить особые обряды. Так, шить она могла только после того, как через неделю после свадьбы совершался обряд «гвырркІра» (досл. держать иголку). Приглашали женщину, которая была известна своим мастерством шить и вышивать, и та показывала молодой, «как надо шить». За несколько дней до обряда этой женщине сообщали, что она должна выступить в роли наставницы. Она приходила со своим отрезом ткани, нитками, иголкой, наперстком. Показав все необходимое, она дарила молодой принесенное. За это она получала равноценный подарок — отрез на платье, кусок мыла и т. п., присланные заранее родителями молодой. Через несколько месяцев, а иногда через год (это зависело от состоятельности семьи) совершали обряд первого выхода молодой за водой. Она сама готовила мелкие вышитые вещицы (кисеты, носовые платки, плетеные шнурки), родители мужа покупали сласти, несколько кусков туалетного мыла, косметические принадлежности. Все это предназначалось в подарок людям, которые могли попасться в пути⁴. Подойдя к реке, сопровождавшие молодую женщины и девушки ставили на землю ведро, и та должна была наполнить их по старшинству каждой из присутствующих.

К концу первого года замужества молодой разрешали в первый раз посетить дом ее родителей. По одним данным, первое посещение родительского дома после замужества приурочивалось к первым родам, которые происходили не иначе, как там, по другим — она могла посетить родителей и до родов, и уже имея ребенка: все зависело от состоятельности семьи. Так обстояло и у других народов Кавказа. Но всегда это первое посещение носило торжественный характер. Родители мужа готовили для молодой различные мучные кушанья, давали ей барана или баранью ногу, а также подарки для ее родителей и родственников. Молодую сопровождали несколько родственников мужа. Ее родители устраивали в честь первого посещения дочери и сопровождавших ее лиц угощение, на которое приглашали родственников и соседей. При отъезде гостей родители молодой их одаривали. Сама она оставалась в доме родителей около месяца. Все это время ее родственники старались пригласить ее на день-два к себе в гости. Через месяц за ней приезжали родственники мужа и забирали ее домой.

Возвращаясь от родителей, невеста везла с собой приданое (абатгара — досл. то, что уносится из отчего дома, или кыдыра — отдельная часть, т. е. имущество, которое не подлежит дележу, является собственностью жены). Большая часть расхо-

дов по приготовлению приданого для дочери ложилась на плечи родителей, но помощь оказывали также и родственники, которые дарили в соответствии со своим достатком отрез на платье, традиционный женский костюм или другие вещи. Размер приданого зависел от состоятельности семьи невесты. В него входили скот, постельные принадлежности, одежда, посуда. Все это вместе с приплодом от подаренного скота являлось личной собственностью невесты. Помимо приданого, она везла с собой подарки для родителей и родственников мужа. После первого торжественного посещения дома родителей молодая могла бывать у своих родителей свободно. Молодожен мог посетить дом родителей жены только по официальному приглашению. Посещение сопровождалось обязательным пиришеством и взаимным одариванием между тещей и зятем по случаю снятия запрета на избегание.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция и вызванные ею прогрессивные преобразования в экономике, культуре и быту абазинского народа способствовали изменению семейно-брачных отношений. Отмерли многие негативные черты семейного быта, получили дальнейшее развитие положительные народные традиции, стали складываться новые обряды и обычаи, соответствующие современной действительности. Уже в предвоенные и 1950-е годы намного упростился традиционный свадебный обряд. Именно с этого времени начался отход от традиционных форм сватовства. Молодые люди стали активно проявлять инициативу в выборе брачного партнера. В знак взаимной договоренности они стали обмениваться небольшими подарками (багъара): парень мог подарить девушке кисет или портсигар, часы, девушка дарила парню свой головной платок или колечко. Если девушка впоследствии отказывалась от данного слова, это было чревато серьезными последствиями — вплоть до насильственного похищения. Молодые, сами договорившись, сами же назначали день свадьбы. Свадьбы этих лет проходили очень скромно, без дорогих подарков и помпезности.

1960-е годы характеризовались так же, как и по всей стране, появлением комсомольских свадеб. Положительным моментом этих свадеб являлось то, что молодые получили возможность активнее участвовать в собственной свадьбе, хотя и эта активность была относительной. В основном еще сохранялась схема традиционной свадьбы, справлявшейся родней и односельчанами жениха. Но на торжественную регистрацию молодые съезжались вместе, регистрацию брака производили в их присутствии, в дальнейшем невеста принимала участие в так называемой комсомольской свадьбе — совместном застолье молодежи. Та-

⁴ Смирнова Я. С. Указ. раб. С. 64.

ким образом, в эти годы стали возникать и закрепляться многие положительные моменты свадебной обрядности.

В наши дни процесс формирования новых свадебных обрядов происходит в двух направлениях: 1 — сохранение традиционных элементов, претерпевающих существенные изменения, и 2 — формирование новых элементов обрядности. Эти направления еще не всегда различимы, так как на первых порах жизни нового обряда еще значительна связь с традиционными формами. Это в известной мере выражается в традиционном построении церемониала и в сохранении ряда традиционных обрядовых действий, правда, получивших иное содержание. Так, до настоящего времени сохраняется триада свадебных церемоний — предсвадебный период, сама свадьба, послесвадебный период, сохраняются такие обряды, как осыпание невесты сладостями и мелкой монетой перед вводом ее в дом, система различных выкупов. Утрачивается или видоизменяется форма таких обрядов, как джигитовка всадников, сопровождавших в прошлом свадебный поезд (сейчас это 1—2 всадника или эскорт мотоциклистов с красным флагом). Нарушаются старые запреты, связанные с обычаями избегания: жених и невеста, а также их родственники (исключение составляют родители молодых) совместно участвуют в свадебном пире. Уходит из жизни обычай раздельного застолья юношей и девушек. Сопоставление полых материалов 1960-х и 1970-х годов дает возможность сделать заключение, что народ сам как бы экспериментирует на разных образных формах проведения свадебного торжества, чтобы выработать наиболее подходящую к современным условиям форму. Для иллюстрации опишем наиболее типичное свадебное торжество 70-х и начала 80-х годов.

Молодые люди теперь сами договариваются о вступлении в брак, назначают день свадьбы и сообщают об этом родителям. После этого родители жениха снаряжают группу родственников и друзей — мужчин и женщин — и посылают их к родителям невесты. Те, извещенные заранее, посетителей встречают угощением и танцами, после чего они уезжают вместе с невестой. По существу происходит слияние двух обрядов: сватовства и увоза невесты. Важным событием является исчезновение такого важного элемента традиционного свадебного обряда, как переговоры о калыме и его выплата.

До наших дней сохраняется раздельное поселение жениха и невесты в промежуточных домах до проведения свадьбы. Но наметилась тенденция их совместного поселения в промежуточном доме или же непосредственно в доме родителей жениха. Это — совершенно новое явление в абазинской свадьбе.

Заметно сократилось время со дня привоза невесты до проведения свадьбы. Оно длится одну, в редких случаях две недели. В течение этого времени жених и невеста продолжают работать или учиться и только в день регистрации брака и

освобождают от работы или учебы. Обязательной в последние годы стала подача заявления в сельский Совет за месяц до свадьбы. Хотя это правило существует давно, но на местах его игнорировали, что подчас приводило к печальным результатам. Так, получил широкую огласку случай в а. Али-Бердуковском беззаконного района, где из-за скороспелого оформления брака молодая семья распалась в первую же неделю⁵.

Браки повсеместно регистрируются в сельских Советах, в которых имеется специальный зал бракосочетания. Еще несколько лет назад можно было констатировать факт, что хотя браки регистрировались все дни недели, но самое большое их количество выпадало на пятницу и субботу. Практика показала, что регистрация по пятницам неудобна: надо отпрашиваться с работы или учебы, причем не только самим брачащимся. Поэтому самым обычным днем для регистрации брака стала суббота. В этот день к зданию сельского Совета подъезжает множество свадебных кортежей. Невеста всегда одета в длинное белое платье, на голове — фата или длинный белый шарф, иногда — широкополая нарядная шляпа, в руках — цветы. Жених одет в строгий костюм, светлую рубашку. Молодожены расписываются в книге записей гражданских браков, секретарь сельского Совета обращается к ним со словами приветствия и вручает им свидетельство о браке. Получил широкое распространение и обмен обручальными кольцами.

Если регистрация брака происходит в будничный день, то молодожены из сельского Совета сразу же возвращаются домой, чтобы в субботу продолжить свадебные церемонии. Если же регистрация брака приходится на субботу, то свадебный поезд от сельского Совета направляется через всю центральную улицу села, останавливается у памятника погибшим воинам, которые установлены в центре всех населенных пунктов. Молодые в сопровождении подруги невесты и дружки жениха направляются к памятнику, возлагают цветы к подножию и минутой молчания чтят память погибших. Затем свадебный поезд делает круг почета по всему селу и направляется к дому жениха.

С момента выезда свадебного поезда из дома, где находится невеста и до прибытия его в дом жениха, на всем пути окрестные жители перегораживают дорогу, требуя выкупа. Дорогу выкупают тортом, конфетами или чем-нибудь посущественнее. Среди молодежи наметилась тенденция выкупать дорогу, проплясав перед собравшимися лезгинку или же шуточный танец гариков, но пока это бывает еще не часто.

В доме жениха свадебный поезд встречают шумным весельем. В честь невесты всадники делают круг по двору и останавливаются напротив входа в дом. В прошлом всаднику ставилось

⁵ Фальшивая свадьба // Газ. «Ленинское знамя»: орган Карац-Черкес. обл. ком. КПСС и Совета народных депутатов области. — 1986, 25 марта.

в заслугу, если ему удавалось въехать верхом в дом. За такую удачу мать жениха дарила ему халву (х'Альуахъылпа), самодельный свадебный флаг (баракъ) или же шелковый платок (льодан). Но стать полным хозяином этого приза он мог лишь в том случае, если ему удавалось выйти победителем из джигитовки, которая начиналась сразу же после того, как был вручен приз. Получив его, всадник выезжал со двора и старался ускориться от преследователей. Каждый, кто догонял его и трогал уздечку его коня, становился очередным обладателем приза. Джигитовка заканчивалась тогда, когда очередному обладателю приза удавалось доскакать до дома, в котором жила нравившаяся ему девушка, и забросить приз в ее двор, а если девушка принимала участие в свадебном торжестве, то вернуться туда и бросить приз к ее ногам. Это служило молчаливым объяснением в любви. В наши дни произошла модификация обычая: всадник уже не пытается проникнуть в дом, но настойчиво требует подарок, в качестве которого получает либо халву, либо торт, либо шелковый платок, либо отрез ткани. Часто это теперь не всадник, а мотоциклист.

Затем, выкупив невесту у телохранителя, все участники свадьбы, если позволяет погода, долго веселятся во дворе. Невеста находится здесь же, в кругу девушек. Церемония ввода невесты в дом жениха и в наши дни сохранила традиционный порядок.

После ввода невесты в дом жениха начинается большое свадебное пиршество с приемом всех гостей. Среди них центральное место занимают родственники невесты — уже известные нам (накыхIгIвчва), в обязанность которых в прошлом входило религиозное оформление брака — накыхI с обязательным присутствием эфенди. Сейчас, хотя за этими доверенными лицами родителей невесты по-прежнему сохранилось их традиционное название, они заботятся не столько о религиозном оформлении брака, сколько о регистрации брака в сельском Совете и пока им не покажут брачного свидетельства, категорически отказываются сесть за свадебный стол. Как правило, современная абазинская свадьба совершается без участия служителей культа. Молодежь индифферентна к религиозному оформлению брака, как и вообще к религии. Но в каких-то случаях эта индифферентность ведет к тому, что молодые люди, вопреки своим взглядам, а лишь уступая желанию старших, соглашаются на религиозное оформление брака. В этих случаях служители культа — эфенди не присутствуют на свадьбах, а только ограничиваются чтением благословляющей суры и корана у себя дома. При этом они также требуют наличия брачного свидетельства из загса и в противном случае отказывают в своих услугах. Эфенди получают плату деньгами в размере 10 рублей и угощение со свадебного стола. Зачинщики религиозного оформления брака, родителей или старших род-

ственников, обычно интересуют не столько само такое оформление, поскольку в наши дни происходит нарушение всех основных правил накыхI, сколько то, чтобы кто-нибудь не упрекнул их в несоблюдении обычаев предков.

Одновременно в доме, где находился жених (течара), начинается свадебное пиршество с участием жениха и невесты вместе с их младшими родственниками, друзьями, товарищами. В прошлом, как мы уже отмечали, невеста в этом пиршестве никакого участия не принимала. Молодежь танцует национальные танцы и европейские танцы, поет песни. Когда гости расходятся, невесту ведут в дом жениха в сопровождении всех участников торжества под звуки национальной гармоник. С ними идет и жених, но в этот день он не заходит домой, а прощается с невестой у ворот. Приходит жених на следующий вечер в сопровождении своего дружки. Официальное возвращение жениха происходит через 2—3 дня, в честь чего родители готовят небольшой ужин для узкого круга друзей жениха.

В современной абазинской свадьбе заслуживает внимания и обряд рождение нового обряда, зачинщиками которого выступили жители аулов Эльбурган и Инжич-Чукун во главе исполкомом сельского Совета, партийной и комсомольской организациями совхоза «Эльбурганский»⁶. В этих аулах свадебное торжество с участием жениха и невесты начинается в субботу в 11 часов утра и завершается к концу дня. Почин этот же находит положительный отклик во всех абазинских селениях.

Новым и положительным явлением в современной абазинской свадебной обрядности является значительное сокращение сроков всевозможных избеганий, а порой их полное отсутствие и исчезновение запретов на имена (за исключением родителей мужа, которых невеста называет «мама» и «папа»).

На свадьбу приходят с подарками — индивидуальными и коллективными. В настоящее время это главным образом постель, различная утварь, ковры, отрезки на платье, золотые ювелирные украшения. Многие предпочитают делать свадебные подарки деньгами. Часто дарят сберегательную книжку с вкладом на имя жениха или невесты. В последние годы в качестве свадебного подарка организаций, в которых работают молодые люди, дарят туристические путевки, внутрисоюзные или зарубежные, и молодые отправляются в свадебное путешествие.

Если институт калыма был запрещен законом, а к настоящему времени исчез и фактически, то обычай делать невесте приданое, когда она первый раз после замужества посещает родительский дом, остался, кроме того, родился совершенно

⁶ Газ. «Коммунизм алашара»: орган Карац-Черкес. обл. ком. КПСС и Совета народных депутатов области. — 1980, 12 января.

новый, ничего общего не имеющий с традиционным порядком обычай одаривания всех родственников мужа, получивший большое распространение в 70-е годы.

В прошлом существовал обычай «наыстын» — одаривание личными вещами невесты очень близких родственников жениха — исключительно девушек и молодых женщин. В настоящее время, когда родители за 1—2 дня до свадьбы отправляют дочери ее личные вещи, вместе с ними шлют подарки для родителей и всех родственников жениха. В их число входят мужские сорочки, костюмы, отрезки ткани, обувь и золотые ювелирные украшения. Обычно стоимость этих подарков доходит до 1000—1500 рублей и более. С каждым годом растет число и ценность этих подарков. Хотя сельское население в настоящее время живет достаточно зажиточно и расходы на свадьбу более или менее доступны каждому, однако нельзя считать положительным фактом мещанское желание похвастаться перед другими устройством особенно пышной свадьбы. К тому же в таких свадьбах на задний план отодвигается главное — радость молодых. Все помыслы родителей невесты (а позже эта участь постигнет и родителей жениха — одаривание в конечном итоге взаимно) направлены на то, чтобы заготовить побольше подарков, не обделить кого-нибудь из родственников мужа, так как в противном случае может возникнуть скандал. Бывают случаи, как об этом неоднократно писала местная печать, когда на этой почве молодая семья в первый же месяц разрушается⁷.

Исследование этой искаженной традиции приводит к нескольким выводам. Во-первых, перед нами не столько традиция, сколько современная инновация. Во-вторых, она, как и другие излишества в свадьбе, взаимоодаривании, различных выкупах имеет выраженный негативный характер. В-третьих, среди инцидаторов подобных инноваций велика доля людей, живущих на нетрудовые доходы и своими «купеческими» замашками разлагающе влияющих на других, стесняющихся от них отстать. В результате в этой области произошел определенный регресс. В первые десятилетия Советской власти, когда велась активная борьба с такими обычаями, как калым, были достигнуты определенные положительные результаты в трансформации свадебного обряда. Люди, справляющие свои свадьбы в это время

⁷ По традиции девушка, вышедшая замуж, несла в дом жениха 4 подарка: 1 — для свекра, 2 — для свекрови, 3 — для бабки жениха, если та не была, то для старшей свояченицы свекрови или какой-нибудь другой старшей родственницы, 4 — еще для какой-нибудь женщины (Гвнанагыл досл. то, что вносится в дом, т. е., чтобы невеста пришла не с пустыми руками). Обязательным требованием ко всем этим подаркам было то, что их полностью или частично должна была приготовить сама невеста. Этим она доказывала, что умеет шить, вышивать, обрабатывать шерсть.

⁸ Газ. «Коммунизм алашара»: Орган Карач.-Черкес. обл. ком. КПСС и Совета народных депутатов области. — 1981, 29 января, 5 февраля, 10 февраля, 26 февраля.

противопоставляют их скромность огромным затратам на современные свадьбы и, в частности, на их обрядовую сторону (различные выкупы, взаимоодаривания и т. п.). Но когда в их семьях теперь справляют пышные дорогостоящие свадьбы, они не протестуют, мотивируя это тем, что «неудобно начинать перыным» и «нехорошо, если обвинят в скупости» и т. п. Здесь наблюдается именно то положение, когда «...подъем материального благосостояния широких слоев населения нередко опережает рост культурного уровня»⁹.

III пленум областного комитета КПСС, прошедший 23 июня 1981 г., дал строгую критическую оценку негативным явлениям в семейной обрядности у народов Карачаево-Черкесии и наметил конкретные пути их устранения¹⁰. Задача этнографов, как и партийных, комсомольских и советских работников добиваться, чтобы современная обрядность стала органической составной частью советского образа жизни, используя для этого печать, радио, лекционную работу, семинары с работниками сельских Советов и представителями обрядовых комиссий. После пленума обкома КПСС во всех сельских населенных пунктах области были проведены сходы, на которых гневно осуждались негативные явления в свадебной обрядности и предлагались конкретные меры борьбы за их совершенствование. В аулах были созданы комиссии по внедрению в быт советских обрядов и праздников. Как правило, в каждую комиссию вошло по 7 человек, в том числе учитель, комсомольский работник, почетный житель села. Возглавляет комиссию секретарь сельского Совета.

Этнографы Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института, вошедшие в обрядовую комиссию при облисполкоме, на обобщенном опыте положительных народных традиций с учетом новых требований времени разработали сценарий проведения современной свадебной обрядности. Практика показала, что современная свадебная церемония в своей большей части с успехом применяется в жизни. Это и понятно: в советском обществе нужны обряды, праздничные и бытовые традиции. Вот, что рассказывает секретарь сельского Совета аула Старо-Кувинск: «Решили пожениться. Хочется, чтобы этот день запомнился на всю жизнь. Но по опыту прошлых лет знаем, как легко можно испортить торжество и превратить его в обычную пьянку, когда уже после третьего тоста никто не слушает друга, о молодых забывают. III пленум обкома КПСС ярко высветил все недостатки в этой работе. Большим подспорьем в

⁹ Смирнова Я. С. Свадебный дарообмен у народов Северного Кавказа и его современная модификация. // Советская этнография. 1980. № 1. С. 100.

¹⁰ Организационную идейно-воспитательную работу — на уровень требований XXVI съезда КПСС. // Газ. «Ленинское знамя»: Орган Карач.-Черкес. обл. ком. КПСС и Совета народных депутатов области. — 1981, 23 июня.

становлении новой обрядности послужил сценарий проведения торжественной регистрации браков. Но взят он только за основу. В каждом отдельном случае подходим к обряду творчески с учетом индивидуальных качеств молодых. Известно, как легко можно торжественное оформление бракосочетания превратить в казенное мероприятие. Можно сказать хорошие слова, помочь обменяться кольцами — и только, это обряд акта, а не души. Люди же хотят большего. В основе народных обрядов — вечное стремление человека к прекрасному. Социальный источник этой тяги — жажда общения. Через ритуал человек приобщается к коллективному сопереживанию, к традициям народа, воспитывает в себе культуру чувств. Ответ на вопрос о пользе обряда зависит от того, каким ему быть. Советская действительность отмела многие чуждые нам обычаи, ритуалы, связанные с религиозными пережитками, национальными предрассудками. Справедливой критике подвергаются сохранившиеся еще кое-где традиции взаимодаривания, стремление некоторых родителей в честь жениха и невесты устраивать дорогостоящие свадьбы.

Вдумчиво, конструктивно подходят к решению этой проблемы в Старокувинском сельском Совете. Здесь, как и в других местах, создана обрядовая комиссия. Молодые люди за 1 месяц до свадьбы подают заявление в сельский Совет. Секретарь предлагает им беседу о нравственных основах брака. Разговор идет доверительный, на конкретных примерах. С их согласия им предлагается беседа (отдельно с девушкой, отдельно с юношей) медработника, которая знакомит их с физиологией брака. Один раз в год в сельском ДК собирают молодежь, и юрист рассказывает о правовых аспектах семейной жизни.

В день торжественной регистрации брака зал бракосочетания в здании ДК полностью подготовлен к приему гостей. Все церемонией руководит секретарь сельского Совета, ей помогает художественный руководитель ДК, великолепно владеющий голосом, умеющий петь, играть на аккордеоне. В творческом багаже распорядителя церемониала всевозможные атрибуты свадебного обряда — как устного характера — присказки, прибаутки, пословицы, стихи, песни, так и материального — плакаты, транспаранты, веселые тематические картинки, которые ловко развешивает по всему помещению и с такой же ловкостью заменяет по мере надобности. Для другой молодой пары он использует уже другую аранжировку торжественной регистрации. Все делается для того, чтобы молодым этот день запомнился как интересный спектакль.

К приезду молодых вся документация для оформления брака уже подготовлена. В назначенный час к зданию ДК подъезжают молодые в сопровождении друзей и товарищей. Их встречают музыкой и так вводят в зал бракосочетаний. Здесь уже находятся секретарь сельского Совета, ее помощник, почетный гость церемонии. К столу подходят только молодожены в сопро-

вождении подруги невесты и дружки жениха, они же выступают в роли свидетелей. Секретарь сельского Совета оглашает, что такой-то и такая-то сегодня вступают в брак. Выражает слова радости по поводу такого события в их жизни, спрашивает обоюдного согласия на брак. Затем предлагает обменяться обручальными кольцами. Следующий момент церемонии — подписи в актовой книге о регистрации брака. Именем закона молодые объявляются мужем и женой. Им вручают свидетельство о браке и поздравляют. На церемонию торжественного бракосочетания приглашают почетных жителей села, очень часто — серебряных и золотых юбиляров. Те обращаются к молодым с приветственной речью, на примерах из собственной супружеской жизни рассказывают, как преодолевать жизненные передеряги, вместе радоваться удачам и т. д. Все это время в зале звучит тихая мелодия, исполняемая на аккордеоне. Затем молодых поздравляют друзья, товарищи по работе, другие приглашенные. Как положительный факт надо отметить, что на церемонию бракосочетания в последние годы стали приходить и старшие родственники жениха. Так, на церемонию бракосочетания сына в Хабезский районный загс явился отец молодожена Али Умарович Пхешхов. Он поздравил молодых, после окончания церемонии бракосочетания здесь же танцевал в их честь. Такие случаи пока единичны, но ведь когда-то единичными были и случаи совместного появления молодых в загсе или на свадебном пиру, которые сейчас воспринимаем как обычные. Молодым вручают памятную открытку, и они покидают зал бракосочетания. Затем они садятся в машину, и свадебный кортеж направляется к дому жениха.

От традиционного обряда в современной свадьбе полностью сохранились традиционные танцы, музыка, а также различные блюда национальной кухни. Вместе с тем праздничный стол обогатился блюдами, распространенными у народов Советского Союза.

Новым для абазин является рост числа межнациональных браков¹¹. Если в прошлом к смешанным бракам относились в основном браки между абазинами и черкесами, то в настоящее время можно встретить повсеместно браки с русскими, осетинами, карачаевцами и представителями других национальностей. Например, в 1985 году в Эльбурганском сельском Совете было зарегистрировано 54 брака и из них 18 — абазино-черкесских, 2 — абазино-русских, 2 — абазино-карачаевских; в первом полугодии 1986 г. было зарегистрировано 17 браков и из них 11 абазино-черкесских, 1 — абазино-карачаевский. Факторами, облегчающими межнациональные браки, являются, во-первых, индифферентное отношение молодежи к религии, во-вторых,

¹¹ Подробно см.: Агеева Т. Ф. Национально-смешанные браки у абазин Карачаево-Черкесской автономной области // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 1975. С. 82—99.

полное отсутствие языкового барьера, в-третьих, рост городского населения из числа абазин и, в-четвертых, новый образовательный уровень не только вступающих в брак людей, но и их родителей. Как правило, в брак сейчас вступают молодые люди, родителям которых по 40—45 лет, т. е., они окончили общеобразовательную школу, а порой не только ее.

Фиксация места жительства вступающих в брак говорит о широкой географии брачных связей. Часто в брак вступают уроженцы разных населенных пунктов не только Карачаево-Черкесии, но также из других городов и сел Советского Союза. Заключение такого рода браков способствует высокой миграционной подвижности молодежи. Вступающие в брак знакомятся в городах во время учебы в техникумах, вузах, на работе в различных отраслях народного хозяйства, где имеется широкая возможность для контактов с представителями различных национальностей. Есть и более глубокие причины социального порядка, позволяющие преодолеть в прошлом существенные культурно-бытовые барьеры и помогающие молодым людям достичь взаимопонимания при различии семейного воспитания. В нашей стране действует единая образовательная воспитательная система. Выходцы из крестьянской и городской среды, люди из разных республик и разных национальностей — все учатся в школе по общим программам, формирующим одинаковые воззрения и ценностные установки. В смешанных в национальном отношении семьях дети обычно владеют свободно с детства языками отца и матери. Национальность же они выбирают сами по достижении совершеннолетия. Смешанные браки во многом способствуют интернационализации общества.

Какой же видится современная свадьба в свете изложенного?

Информаторы всех возрастов (в опрос вовлекались люди в возрасте от 18 и выше лет) высказались за современную свадьбу с элементами традиционной. При этом все единодушно высказывались против таких элементов свадьбы, как дорогостоящее взаимное одаривание и система многочисленных разорительных выкупов. Напротив, одобряли традиционные танцы, скромное застолье.

В беседах с информаторами выяснилось, что население настроено всецело за непосредственное совместное поселение молодоженов в доме жениха. Свое отрицательное отношение к промежуточному поселению оно мотивирует создаваемыми им ненужными хлопотами, затратами. К этому надо добавить и то, что сейчас все взрослое население работает или учится.

Среди большинства населения существует мнение о желательности возрождения обычая сватовства. За время междуговором и свадьбой молодые еще раз имеют возможность взвесить свое решение. Сватовство так же, как и подача заяв-

лений в загс за месяц до регистрации, может предупредить нежелательные, поспешные решения.

Высказывается также мнение, что невесту лучше всего забирать из родительского дома накануне свадьбы, заблаговременно к этому подготовившись. Приводятся примеры того, как это оказалось наименее хлопотно и необременительно.

Известно, что ни одна свадьба не обходится без подарков молодоженам. Информаторы считают наиболее перспективным делать подарки деньгами, конечно, в разумных размерах.

Среди молодежи некоторые считают, что лучше всего вообще не делать свадьбы, даже в самой модернизированной современной форме. Лучше торжественно зарегистрировать брак в присутствии узкого круга родственников, а затем сразу же поехать куда-нибудь — в Москву, Ленинград или в горы, т. е., отправиться в своего рода свадебное путешествие. При этом ссылаются на примеры из произведений классической литературы, из кинофильмов, на образцы проведения свадеб в Грузии, Прибалтике.

Мы попытались сделать все эти мнения и высказывания достоянием широкого круга населения. При этом принимались во внимание: возраст, образовательный уровень, социально-профессиональная принадлежность. Естественно, было ожидать консервативной реакции, приверженности к традиционным формам и т. п. Однако этого не оказалось. Но, разумеется, следует учесть, что во всем этом больше желаемого, чем реализуемого.

Таким образом, ставить точку над каким-либо вариантом новой свадебной обрядности еще рано. Идет конструктивный подход к решению проблемы, перестройка в умах и сердцах населения. Пока же суммируем некоторые выводы по современной свадебной обрядности абазин.

1. Традиционный свадебный обряд сокращается, причем наблюдается исчезновение некоторых его элементов и модификация других.

2. Современный свадебный обряд получает все большее распространение и имеет тенденцию к упрочению, дальнейшему развитию и обогащению.

3. По форме проведения, по составу участников и некоторым другим особенностям современная абазинская свадьба вышла за рамки чисто национальной и постепенно принимает интернациональный характер.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НОГАЙСКАЯ СВАДЬБА

За годы Советской власти в культуре и быте народов СССР произошли коренные изменения, способствовавшие возникновению новых праздников и обрядов. Большие изменения произошли, в частности, в традиционной брачно-свадебной обрядности. Все же в этих обрядах, связанных с интимной жизнью семьи, обновление происходит сравнительно медленно, ибо на них оказывают влияние устоявшиеся в сознании старшего поколения традиции, пережитки прошлого, догмы религии. Поэтому в становлении современной свадьбы свою роль призвана сыграть общественность, руководимая местными партийными, советскими и комсомольскими организациями. Именно под их руководством в последние годы уделяется большое внимание становлению свадебной обрядности у народов Карачаево-Черкесии. Об этом говорит хотя бы сценарий, разработанный комиссией по новой обрядности при Карачаево-Черкесском облисполкоме в 1982 году. В ее разработке наряду с партийными и советскими работниками приняли участие и специалисты в области этнографии и фольклора Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.

Большое внимание современной свадебной обрядности уделяет само население, заинтересованное как сохранить в ней лучшие традиционные элементы, так и внести в нее новые, отвечающие духу времени черты. Об этом можно судить по публикациям в областной газете «Ленин йолы» и районной газете «Шоьллик маягы» на ногайском языке¹. Участники дискуссии на страницах газет выступали за введение в свадебный цикл новых элементов обряда: торжественной регистрации брака в домах культуры и клубах; выступлений участников художественной самодеятельности на свадебном торжестве и т. д.

Многие с сожалением отмечали, что некоторые моменты традиционной свадьбы незаслуженно забываются — состязания

копников, борцов, тяжелоатлетов, певцов — и, наоборот, те моменты, от которых следовало бы отказаться, бытуют до сих пор, например, обряд «кашув» — избегание невестой родителей и старших родственников мужа, а также избегание женихом родителей невесты; бытует и непомерное одаривание родственников жениха стороной невесты. То есть, население хочет не просто следовать сложившейся свадебной обрядности, а активно вмешиваться в ход ее трансформации.

В принятой XXVII съездом партии новой редакции Программы КПСС указывается, что и в дальнейшем одной из задач ленинской национальной политики остается «развитие социалистической по содержанию, многообразной по национальным формам, интернационалистской по духу единой культуры советского народа на базе лучших достижений и самобытных прогрессивных традиций народов СССР»². Эти слова полностью относятся к тем прогрессивным элементам в свадебной обрядности ногайцев, которые, усилиями многих людей, вводятся в общую обрядность народа.

Что же характерно для современной свадебной обрядности ногайцев? Чтобы ответить на этот вопрос, опишем ногайскую свадьбу сегодня, изучавшуюся автором путем полевых этнографических наблюдений у всех групп этого народа, проживающих на Северном Кавказе.

Большинство свадеб в ногайском ауле справляется поздним летом или осенью. В это время заканчиваются главные полевые работы, фрукты и овощи поспевают для свадебного стола. В одном из аулов мой старый знакомый Ахмед пригласил меня вечером к себе. Когда я пришел в гости, хозяин повел меня в сад и стал рассказывать: «Ты знаешь, что у меня старший сын отслужил, окончил институт, работает по направлению на БАМе. Сейчас дома, в отпуске. Поскольку у него нет старшего брата и, естественно, «енъге» (жена старшего брата), которой он мог бы раскрыть свои сердечные секреты, посоветоваться о девушках, то решил сообщить матери, что женится, и указал на избранницу». Обрадованный, что я стану свидетелем торжества, имеющего этнографический интерес, я поздравил его, и он добавил: «Хочу провести свадьбу так, чтобы она понравилась и старшему и младшему поколению, поэтому о ее некоторых моментах буду консультироваться у тебя». Я согласился, а собеседник продолжал: «Поскольку исстари вопросы женитьбы и выдачи замуж решаются не в одиночку, а коллегиально, как сейчас бы выразились, то есть на собрании родственников, то ко мне должны прийти старшие родственники». В это время к

¹ Газ. «Ленин йолы»: орган Карачаево-Черкесского обкома КПСС и облисполкома, 1970. № 79, 90, 91, 97, 118, 129; газ. «Шоьллик маягы»: орган Ногайского РК КПСС и райисполкома, 1986 г. №№ 26, 27, 28 и т. д.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 157.

нам подбежал мальчик лет десяти и сказал, что пришли гости

Гости — мужчины прошли под навес, оплетенный виноградной лозой, женщины зашли в дом. За нашим столом сидели одни старики. Когда попили чай, старший брат Ахмеда Янбек спросил его, чем вызван сбор. Ахмед смутился, однако, преодолев смущение, сказал: «Вы знаете, что «яс» (у ногайцев, по обычаю избегания, отец при старших, а иногда и при младших, не говорит прямо о своем сыне, употребляя вместо этого слово «яс» — молодой, парень и т. д. — Автор), уже достиг 26 лет, работает по специальности, пришла ему пора свить свое семейное гнездо. По этому вопросу я и попросил вас прийти сегодня сюда, в дом наших предков, за что большое спасибо». Мужчины оживились. Послышались голоса: «Аблерим» (молодец), «савболсын» (пусть здравствует), «болаяк келин барма экен?» (есть ли невеста?). Старший из собравшихся — Янбек утихомирил всех и спросил у Ахмеда: «Если мы правильно понимаем невестку наметили и хотите посоветоваться с нами?» «Верно, ага, вы точно поняли». «Кто же она такая?» Ахмед, наклонив голову ответил: «Вы знаете, что по обычаю он не может об этом сказать, однако сумел объяснить вашей невестке, может быть она вам расскажет». В разговор вступил другой гость: «Она нам не сможет толком сама рассказать, но, наверное, женщинам уже рассказала, может их послушаем». Янбек обвел всех взглядом: «Думаю, что без женщин в таком сложном деле трудно обойтись, пригласите женщин». Один из младших пошел и привел женщин, которые группой уже стояли в стороне. Янбек объяснил им суть вопроса. Старшая из женщин чуть выступила вперед и сказала: «Рашид — ваш внук и племянник (у ногайцев дядя по отцу называется и «ата» — отец и «ака» — дядя. — Автор), выбрал себе невестку из Карасовых и о ней объявил матери — вашей невестке. Мы обсудили эту невестку — она из хорошей семьи». Тут Янбек вежливо прервал ее, сказав: «Мы сами можем обсудить ее и ее семью». Женщины, поняв, что они пока тут не нужны, сели в стороне. А Янбек продолжал: «Что Рашид решил поставить нас в известность, а затем, после обсуждения, привести домой невестку — меня радует». Другие также были довольны таким ходом событий.

Сделаем небольшое отступление. У ногайцев издавна существовали разные формы заключения брака: «айтырып алу» (привоз невесты по сватовству, сговору), «акашув» (умыкание без согласия девушки), «разылыкпан акашув» (умыкание с согласия девушки, но без согласия ее родителей). В настоящее время умыкания без согласия невесты не встречаются, но иногда практикуется «умыкание» девушки с ее согласия, но на брак ее родители не согласны. Еще чаще встречается «умыкание» с согласия и девушки и ее родителей, к которому прибегают, чтобы избавиться от части материальных тягот, связанных со свадьбой. В данном случае я присутствовал на собрании родст-

ственников, где обсуждалась кандидатура невесты. Стало быть, дело касалось брака по сговору.

«У меня вопрос, — сказал один из гостей, — какие это Карасы? Они подразделяются на несколько ветвей, и у каждой своя тамга». Ахмед ответил: «Это Карасы, которые имеют тамгу шюьмишли ас» (ас — название племени). При этом названии все зашумели. Янбек призвал к порядку, затем сказал: «Я понимаю, почему вы зашумели — в нашем роду также есть кровь асов, но давайте подумаем по какой линии: по отцовской или по материнской?» Тут один из присутствующих сказал: «По материнской, а другой — «по отцовской». Янбек выслушал и спросил: «А почему нас называют йиенами асов?» Все молчали. А Янбек продолжал: «Вот мы иногда зазря шумим, а корни своих предков не знаем. Жиены или, как иногда говорят, йиены — это потомки одного отца по линии его дочери. А вот какого поколения, мы не знаем. Издревле считают, что человек, знающий своих предков до седьмого колена, попадает в рай. Правда, никто из знавших своих семерых, а иногда и больше, предков еще не вернулся на этот свет и не сказал, что попал в рай. Но тем не менее я считаю, что это хороший обычай — знать своих семерых предков и, естественно, их потомство — это, чтобы кровь не смешалась».

В конце концов совет (кенъес) все же решил, что Рашид имеет право жениться на избранной им невесте, не нарушив нормы экзогамии. Здесь необходимо пояснение: в ногайской терминологии родства имеется четкое разграничение детей одного отца от линии его сына и дочери. Термины, зафиксированные этнографами и лингвистами, обозначают каждого потомка по мужской и по женской линии определенным термином³. Из людей, имеющих общего предка, только праправнук в седьмом колене (шюьппшеке) может жениться на праправнучке в седьмом колене (тувналет). А в данном случае Янбек не смог установить какое-либо родство между женихом и невестой даже далее седьмого поколения.

После этого совет перешел к обсуждению семьи невесты. Поскольку ее отец работал с одним из присутствующих — Солтаном, слово дали ему. Солтан сказал: «Герей я знаю не только по работе — мы ровесники, учились в параллельных классах, играли вместе. Хороший человек, трудяга, спокойный, скромный, в «ямагате» имеет авторитет. У него шестеро детей и никто ни об одном из них плохого не скажет — все скромные, трудолюбивые, знают обычаи, уважают старших, помогут младшим.

³ См.: Шихмурзаев Д. М. Термины родства и свойства в ногайском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков. Махачкала, 1985; Айбазова Е. С. Термины родства в ногайском языке // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981; Керейтов Р. Х. Терминология родства у ногайцев // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1982.

Хороший мужик. Да и жена у него»... — Тут Янбек прервал Солтана: «О жене нам скажут женщины». Он обратился к сидевшим в стороне женщинам: «Кто же из вас знает жену Герей?». Вперед выступила Алимэ: «Со мной в школе работает жена Герей — Фарида. Трудолюбивая женщина, ее класс всегда примерный. А как она умеет вязать, шить, вкусно готовить?». «Ну что же, как говорят в народе: выдай дочь за парня — узнай его отца, женись на девушке — узнай ее мать. По-моему, с этой стороны все нормально. А дочь — невестка наша какова? Кто ее охарактеризует?» — спросил Янбек. Откликнулась старшая из женщин, жена Янбека — Асият. Она очень хорошо отзывалась о девушке, которая жила по соседству, и в заключение сказала: «Главное — Аминат — здоровая девушка, трудолюбивая, скромная. По различным вечеринкам не бегает, ни одному парню она повода не дала о себе плохо сказать, всегда и по хозяйству справляется, о ее трудолюбии и любви к чистоте можно судить и по стиранным ее вещам, да и сама красавица. Невестка хоть куда. Лучшей пары для нашего Рашида не сыскать». «Спасибо, вы можете идти», — сказал Янбек. Женщины ушли в дом.

После этого Янбек подытожил: «Ну что же, спасибо всем выступившим. Вы все слышали характеристику. Не думайте, что я не знаю Герей. Это один из достойных людей нашего аула, отца я его знал, деда видел. Хорошая трудолюбивая семья. Алерим Рашиду, сумел выбрать невесту. По-моему, никто против не будет сватать дочь Герей — Аминат невестой нашему Рашиду?» Все согласились. За едой хозяин дома с согласия всех назвал сватов, которые должны были тут же пойти в дом невесты. В их состав вошли дяди жениха по отцовской и по материнской линии. Старшим назначили дядю по отцу. Сюда же включили меня, Асият.

Мы поехали сватать невесту. Когда подъехали к дому Герей, он сам вышел навстречу, обеими руками поздоровался с каждым за руку и ввел в дом. У порога нас встретила его жена и с пожеланием «добро пожаловать» также поздоровалась со всеми за руку, а с Асият обнялась и, по обычаю, взяла ее правую руку, нагнувшись, приложила ее сначала к губам, а затем ко лбу и только тогда отпустила. Мужчины вошли в комнату и уселись, а Асият пошла с хозяйкой дома, но вскоре присоединилась ко всем.

Согласно обычаю, гости и хозяин первоначально справились о благополучии семей и родственников, попили традиционного ногойского чая. Когда гости освоились, старший начал речь: «Герей, мы знаем тебя как одного из почетных и честных тружеников аула. У тебя, дай бог им всем здоровья, хорошие дети, которых ты и твоя жена воспитываете достойными людьми. Только недавно вроде бы я участвовал на твоей свадьбе, однако, ты вырос, уже дети вскоре в твоём дворе будут играть

свадьбу. Пусть на земле будет мир и процветание, а люди играют свадьбы в честь женитьбы детей и их рождения. Мы пришли к твоему дому не случайно. У нашего брата вырос сын — Рашид, окончил институт, работает по специальности на БАМе. Он уже в той поре, когда надо завести семью. Спасибо ему, по обычаю предков, решил через сватовство жениться на вашей дочери Аминат. Мы пришли, короче говоря, сватать вашу дочь за нашего Рашида».

Герей, помолчав, обвел всех взглядом, посмотрел на говорившего и сказал: «Большое вам спасибо за доверие, за то, что избрали нашу дочь невестой. Но сами знаете, я, как и вы, должен посоветоваться со своими родственниками. Если не трудно подождать, посидите, пожалуйста — я мигом». Все в знак согласия закивали головой. Герей вышел. Через несколько минут Герей вернулся, объявив, что послал к родственникам посыльных. Пока старшие родственники собирались, Герей несколько раз выходил, вносил стулья, о чем-то переговаривался с женой и с кем-то из молодых родственников. Каждый входивший в комнату за руку здоровался со всеми присутствовавшими. Последним пришел седобородый старик, которого все приветствовали стоя. Его хотели посадить на почетное место, однако он сказал: «Гость старше отца, так что сидите, пожалуйста». После положенного обмена приветствиями старший из сватов сказал, обращаясь к старшему из родни невесты: «Вы извините нас, что пришли сватать девушку вечером. Обычай мы знаем. Следовало прийти утром, как было у предков, но теперь иные времена. Каждый работает, даже у стариков-пенсionеров есть какие-то обязанности. Вы уж извините». Старший из родни невесты, улыбаясь, ответил: «По хорошему делу и вечером прийти не зазорно. Как я понял, вы хотите быть нашими свойственниками — «кыудалар». Это хорошее дело. Мы знаем ваш род, у вас хорошие дети, наши предки в каком-то 8 или 9 колене у вас взяли дочь. Конечно, в прошлом мы могли тут же дать ответ, спросить о калыме. Теперь, слава богу, молодые сами выбирают друг друга, тем не менее следует выслушать саму Аминат. Позовите ее». Одна из женщин ввела смущенную девушку. Когда ее спросили, согласна ли она быть невестой Рашида, девушка ничего не ответила, и лишь после третьего вопроса слегка кивнула головой. Присутствовавшие заулыбались, заговорили, но спокойный голос старика восстановил тишину. Он сказал: «Тут много говорить не надо. Раз молодые согласны, надо готовиться к свадьбе». В знак согласия все закивали головой. После обильного угощения сватовство закончилось. Перед уходом Асият позвала мать невесты и выложила на стол отрез на платье, духи, платок и сказала: «У наших предков был обычай «шайтан ытпес» (шайтан не пройдет), по которому вот так поступали, чтобы помолвка была крепкой и ничто не помешало провести свадьбу». Мать девушки не хотела было принимать подарок, но

присутствовавшие убедили ее в том, что это хороший обычай. Нередко во время сватовства назначается день свадьбы. Не так было в прошлом. Даже если и были согласны выдать дочь замуж, положительный ответ сразу не давали, а говорили, что подумают, посоветуются. Это было нужно для того, чтобы выяснить положение семьи жениха и подумать, какой назначить калым. Поэтому сваты приходили несколько раз, пока получили ответ⁴. Величина калыма зависела от именитости и зажиточности семьи жениха. У богатых калым достигал 1000 руб. и 30—40 голов скота, у бедных был значительно меньше. Многие бедняки из-за невозможности уплатить калым не женились до 40—50 лет. За годы Советской власти калым у кубанских ногайцев изжит, у кумских ногайцев иногда встречается в завуалированной форме, то же у ногайцев, живущих в Ногайской степи⁵, где при выявлении его виновные подвергаются наказанию согласно закону.

Когда мы вернулись обратно, Янбек назначил лиц, которые через два дня должны были пойти в дом Герее и уточнить день свадьбы. Полушута добавил: «Да и жених пусть не очень путается под ногами, а то так мы вообще все и хорошие и плохие обычаи потеряем». Этим он напоминал о бытовавших до недавнего времени обычаях избегания (кашув), по которым жених не имел права встречаться и разговаривать с матерью и отцом невесты, ее дядями по отцовской и материнской линии, старшими братьями. В прошлом от этих запретов у ногайцев, как и у народов Северного Кавказа и Средней Азии, молодой мужчина освобождался через 6—8 месяцев после свадьбы. Совершался обряд «показа жениха» (кнеу коьргистуу): в определенный день новобрачный с друзьями приглашался в дом родителей жены, куда он приходил с подарками. Во время угощения, которое устраивали хозяева дома, тесть произносил тост в честь молодых, давал жизненные советы. С этого дня молодой муж мог беспрепятственно ходить в дом отца жены. Невеста также придерживалась обычаев избегания. Отголоски их существуют и ныне, но о них будет сказано ниже.

Подготовка к свадьбе — дело нелегкое. Как правило, в этом принимают самое непосредственное участие родственники и соседи. Они убирают помещения и двор, готовят различные яства и т. д. Старинный обычай родовой и соседской взаимопомощи в современных условиях не утратил своего значения, сохранив в данном случае свои лучшие черты.

В последние годы усилиями партийных, советских и общественных организаций немало сделано для проведения свадебной церемонии по-новому, что не исключает сохранения лучших

традиционных элементов. Об этом можно судить по свадебному сценарию, который был рекомендован сельсоветам и отделам агитсов при проведении гражданской регистрации брака. Этим сценарием кое-где воспользовались, однако, в большинстве случаев лишь на словах ратовали за новую обрядность, а на деле подошли к этому важному вопросу идеологической работы как к очередной кампании.

Повсеместно, если в семье есть юноша, которого хотят женить, или девушка на выданье, специально откармливают бычка для свадьбы. Такая заготовка мяса в сельской местности оправдана еще и тем, что в нужное время вряд ли можно найти по сходной цене требуемое количество мяса. Тем более праздничная национальная кухня ногайцев, как и многих народов Северного Кавказа, в основном состоит из мясных блюд. Так же было и в семье Рашида и, как потом выяснилось, и в семье его невесты.

Готовясь к свадьбе, молодожены приобретают свадебный наряд, обручальные кольца. К сожалению, в сельской местности можно купить только последние, одежда же не удовлетворяет современным требованиям. Например, в аулах Адыге-Хабль и Герекли-Мектеб при райунивермагах созданы «салоны для новобрачных», однако костюмы в них висят уже несколько лет. Женихов и невест, ищущих свадебные наряды, можно встретить в различных городах Северного Кавказа. Жениху все-таки легче — темный костюм, белую рубашку, галстук и туфли найти не составляет особого труда, невесте же сложнее, так как в последние годы вырос интерес к старинным образцам одежды невесты.

В день свадьбы я пришел в дом жениха. Попал как раз тогда, когда начинали готовить мясные блюда. По традиции к свадьбе были зарезаны баран и бычок. Право зарезать их принадлежало старшему, то есть в данном случае Янбеку. Он выполнил положенный ритуал, произнес благопожелания и повернув бычка мордой в положенную сторону.

Свадьбу справляли в субботу, поэтому уже с утра двор был полон свободными от работы соседями и родственниками. Еще раньше здесь была установлена просторная палатка, внутри которой были расставлены столы и досчатые скамьи. Тут же со своими сверстниками ходил жених. Часам к одиннадцати к усадьбе подъехали пять легковых автомобилей и автобус. Женщины украсили их платками «казбалы» и легкими платками «куьлмели». Кто-то хотел прикрепить к «Волге», предназначенной для молодоженов, куклу, однако жених и несколько его друзей воспротивились этой безвкусице. Свадебное настроение поддерживалось музыкой, которая раздавалась в магнитофонной записи; в большинстве это были мелодии народов Северного Кавказа, народов СССР, иногда западная музыка, главное место занимали песни в исполнении ногайских певцов и певиц:

⁴ См.: Керейтов Р. Х. Новые черты в свадебном обряде кубанских ногайцев // Советская этнография. 1973. № 3. С. 83.

⁵ См.: Зачем калым? // Правда, 1987. 17 августа.

народной артистки ДАССР Асият Кумратовой, Мурата Сеитова, Залимхана Зинеева, Асият Мижевой и других.

Заиграла национальная гармоника, все оставили работу собрались в одном месте. Потом по знаку Янбека гармоника умолкла, разговоры прекратились, и он, обращаясь к отъезжающим, сказал: «Дорогие дети! Вы по возрасту все мои дети. Вы едете еще за одним членом нашей семьи — за невестой. По пути будьте осторожны, соблюдайте порядок, не превышайте скорость. В доме нашего «кзуда» ведите себя достойно, умеете сохранять лучшие обычаи — мало пить за столом, поддерживать веселье песнями, танцами. Старшим над вами назначаю нашего «йнгита» — Сражди́на, чье слово должно быть законом для всех вас, а он отвечает за вас передо мной и «ямагатом». Доброго пути вам и счастливого возвращения!». Снова заиграла гармоника, все пошли к машинам.

В первую машину, предназначенную для невесты и ее подруги (енъге), сели жених с дружкой (оькил ака), а на переднее сиденье — гармонистка. В другие машины сели по одному-два человека, оставляя места тем, кто сядет со стороны невесты. Остальные сели в автобус — всего человек двадцать, главным образом молодежи. Свадебный кортеж на средней скорости двинулся по аулу.

Когда кортеж подъехал к дому невесты и гости хотели войти во двор, несколько женщин перекрыли дорогу. Они требовали выкуп. Одна из поезжанок вынула из чемодана заранее припасенные подарки, и путь был свободен. Во дворе дома невесты играла гармоника, танцевали пары, а стоявшие в кругу молодые люди били в ладоши.

Как только поезжане вошли во двор дома невесты, от него отъехал автобус. В нем ехали старшие родственники и соседи невесты. Им предстояло побывать в доме жениха, где собрались их сверстники, угоститься свадебными блюдами, произнести здравицу в честь молодоженов и вернуться.

Между тем в доме невесты после нескольких танцев всех рассадили за уже накрытые холодными закусками столы. Как только все расселись, под специальную мелодию, исполняемую в момент вывода невесты, из дома вывели невесту, рядом с которой шел жених. Она была в длинном национальном платье, подпоясанном старинным поясом (кусак). На голове была шапочка с тканым узором (такъя), с накинутым на нее полупрозрачным шарфом. Невесту вела за руку енъге, а рядом с женихом шел оькил ака. Все, стоя, приветствовали молодоженов, пока они не прошли и не заняли свое место у главы стола.

За столом, с различными напитками и мясным блюдом «кувырдак», сидело 30—40 человек. Был назначен тамада. Он призвал всех к порядку, взял в руки чашку и предоставил слово одному из стариков. Тот сказал: «В хорошее время мы живем, дети мои. Желаю вам создать крепкую семью, иметь добрый

десяток детей, работать добросовестно, не забывать родной очаг, который взрастил вас». Тут он оглянулся вокруг и спросил: «А где Герей и Фарида? Ну-ка приведите их». Родители невесты подошли к старику, и он продолжал: «Куда вы прячетесь? Радоваться должны. Хорошую дочь вырастили, спасибо нам. За хорошего парня замуж идет. Надо прятаться, когда дети совершают что-то плохое, а тут свадьба. Ну-ка дайте мне «сербетсув». Ему принесли чашку со сладкой водой, он взял ее обеими руками и продолжал: «В этой чашке сладкая вода, ею у ногайцев угощают, желая плодородия, богатой жизни, сладкой жизни. Пусть же, дорогие молодые, вам сопутствуют хотя бы часть тех пожеланий, которые были сказаны до меня и будут сказаны после меня теми, которые держали в руках, как я, такую чашу. Сделайте по глотку из этой чаши! Добрый семейный нам путь, дорогие!». С этими словами он поднес молодоженам чашку с водой, которую принял жених, и отпив глоток, передал невесте.

Во время этой речи все стояли. Затем присутствующие немного послали и с согласия тамады встали из-за стола, чтобы потанцевать и уехать к месту регистрации. По желанию присутствовавших объявили танец молодоженов. Рашид, чуть смущенный, и еще более смущенная Аминат вышли в образовавшийся круг и станцевали национальный танец «зулп». По обычаю, к рукам жениха привязали несколько платков. Старший из поезжан попросил сократить танцы. Тогда невесту снова ввели в дом, и здесь в одной из комнат енъге посадила ее на пуховую подушку и потребовала от оькил ака выкуп.

Выкуп — не только одно из проявлений свадебных антагонизмов, но и один из игровых моментов свадьбы. В прошлом в связи с ним обе стороны состязались в песнях и стихах. Пели песни-экспромты, в которых высмеивали поезжан, а в целом желали добра и здоровья молодым и характеризовали состояние их родственников.

Енъге получила за невесту 40 рублей, взамен чего привязала оькил ака к рукам четыре платка такой же стоимости. Во дворе невеста обнялась и поцеловалась с матерью и отцом, родственниками, поцеловала младших сестер и братьев. Слышались возгласы «яхшы йол», «наъсибли болынъыз» (счастливого пути, будьте счастливы). Невеста с подругой сели в первую машину, в другие машины сели несколько девушек и юношей, и свадебный поезд направился к Дому культуры, где должна была состояться регистрация брака.

По пути кортеж машин был один раз остановлен. Остановила его старая женщина, которая поставила на пути столик «сыпыра» с кислым молоком, сметаной и свежеспеченными лепешками. Женщина пригласила невесту и жениха отведать локума и сметаны, что они и сделали, а на машину поставила своего годовалого внука и сказала: «Да будет счастливой жизнь

молодоженов, а мой внук также вырастет хорошим женихом и сыграет вот так же свадьбу». Она была вознаграждена хорошим арбузом.

В последние годы некоторые шоферы иногда подкарауливали свадебные кортежи машин и преграждали им дорогу, требуя выкуп водкой. Иногда таким образом приходилось раздаривать десяток бутылок водки. Антиалкогольная кампания уже успела сказаться на этой негативной инновации.

Когда кортеж подъехал к Дому культуры, там играла музыка, фасад здания был украшен приветствием «Счастья тебе молодая семья!», на флагштоках взвились два голубых флага эмблемой торжества — переплетенными золотыми кольцами. По ковровой дорожке все вошли в фойе, которое было торжественно убрано. На стене висел портрет В. И. Ленина, под ним на столе, стояла тарелочка с обручальными кольцами, лежали папки с документацией. Во всю стену был натянут плакат с словами «Крепкую семью храните века!», прикреплены флаги РСФСР и государственный герб.

Распорядитель пригласил новобрачных к столу. Они подошли и стали у стола, рядом, чуть сзади, встали свидетели. Председатель сельского Совета объявил: «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики заключается союз советской семьи между гражданами СССР — Аскеровым Рашидом Ахмедовичем, 1961 года рождения и Исуновой Аминат Гереевной, 1963 года рождения. Вступают в брак Рашид Ахмедович Аскеров и Аминат Гереевна Исунова!». Затем, обращаясь к молодоженам, он сказал: «Дорогие друзья! Сегодня у вас, у ваших родных и друзей счастливый, торжественный день. Вы вступаете в семейный союз, союз любви и дружбы. И пусть этот день войдет в вашу жизнь праздником рождения вашей семьи. От всего сердца желаю вам большого счастья! Через некоторое время вы уедете в далекие края нашей огромной страны, работайте, не уроните чести нашего аула, народа. Не забывайте родной аул, который взрастил вас. Помните слова известного ногайского поэта Суюна Капаева, обращенные к родному аулу:

Авылым — алтын бесигим,
Тербетинг мени ясыман,
Асыл бол, обьеш дединг де,
Сыйпадын суйнип басымнан.
Ай савьлесин, куьн коьзин
Сенде коьрдин мен бас деп,
Тсрбия бердинг, дем бердинг
Эрдей болаш сен, яс, деп⁶.

Аул мой — золотая колыбель,
Нянчил меня с детства,
Будь большим, сказал ты,
По голове гладил.
Лунный свет, лучей солнца
Здесь я увидел впервые.
Воспитал, поддержал меня,
Сказал, чтоб мужчиной стал я.

Затем председатель спросил, добровольно ли вступают в брак жених и невеста, секретарь сельсовета поднесла книгу

⁶ Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

актовых записей, где расписались невеста и жених, а свидетели поставили свои подписи. Новобрачные обменялись кольцами, которые на тарелочке поднесла секретарь сельсовета. Ветеран войны и труда вручил им свидетельство о браке, а старая женщина преподнесла новобрачным чашку со сладкой водой «сербет сув», произнеся при этом благопожелания. Затем распорядитель — директор Дома культуры объявила танец новобрачных. Заняла гармоника, и новобрачные вошли в танцевальный круг. Перед этим один из сопровождавших молодых людей подошел к жениху, взял свидетельство о браке и повез его в дом жениха, где его уже ждали. С новобрачной, помимо мужа, потанцевали председатель сельсовета, еще двое почтенных мужчин, а затем председатель сельсовета, остановив игру гармонистки, зачитал и вручил отпечатанный на красочном бланке Наказ новобрачным. После этого все были приглашены на небольшую поляну, где был заложен «Сад молодых», и новобрачные посадили здесь ореховое дерево. Тепло попрощавшись с организаторами торжества, кортеж машин направился к памятнику воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны.

Тем временем, в доме жениха происходила церемония «неке кыюв». В прошлом это было обычное религиозное бракосочетание, в настоящее время религиозный характер церемонии может быть выраженным в той или иной степени. Для участия в церемонии приехали уже известные нам ктудалар, которых усадили за уже сервированные столы. Число приехавших не превышало 15 человек; примерно столько же было со стороны жениха.

Старшему из гостей, по обычаю, подали голову жертвенного барана, другим были поданы различные виды домашних колбас — «сокъта», «йюьрме». Кроме того, на столе были овощи, фрукты, различные напитки, в том числе национальный напиток из кукурузы (боза). Обслуживали двое молодых мужчин — «аякшылар», которые следили, чтобы перед гостями не пустовали столы. Тамада произносил тосты и предоставлял слово другим. Подавали все новые и новые блюда — «кувырдак» с «тузлык» (кислое молоко с тертым чесноком и солью), «касык боьрек» (нечто вроде манты). Старники беседовали, танцевали со своими сверстниками, к рукам некоторых из них привязывали платки «казбалы». Тем временем подъехал посыльный со свидетельством о браке, подошел к тамаде и подал документ. Тамада взял его в руки и пригласил свидетелей со стороны жениха и невесты. Это были двое мужчин, называвшихся «ваькил» (арабск. представитель, уполномоченный, в ногайск. имеет значение свидетель). Тамада попросил тишины и сказал, что официальное бракосочетание состоялось, но по обычаю, старшие также должны принести свое свидетельство. Он спросил у свидетелей, действительно ли они согласны на брак Рашида и Аминат; свидетели ответили — да. Тамада также спросил, здо-

ровы ли невеста и жених, не больны ли чем-нибудь, не придется ли завтра родителям новобрачных, особенно невесты, краснеть. Свидетели ответили, что все в порядке. Тогда тамада попросил свидетелей подать правые руки, сжать пальцы в кулак, а большой палец отставить, приставить кулаки один к другому и спросил: «Ваькилсизбе?» (Свидетельствуете ли?) На это свидетели отвечали: «Ваькилбиз» (Свидетельствуем). После этой церемонии тамада объявил Рашида и Аминат супругами.

В описанной церемонии ее бывшее религиозное содержание сохранилось в наименьшей степени. Но это не всегда бывает так. Хотя произошел широкий отход от религии, тем не менее для данного обряда нередко приглашают служителя мусульманского культа, которыми обычно бывают чички Корана или жиды, знающие из него несколько строк наизусть. Такой свидетель одаривается десятью рублями, платком и чашкой «шын аяк». На этом обряде настаивают некоторые представители старшего поколения, считающих, что ребенок не обрученных по религиозному обряду родителей будет считаться незаконнорожденным. Кроме того, многие прибегают к религиозному бракосочетанию, считая, что оно является элементом национальной культуры. По-видимому в области еще недостаточно сделано для разъяснения ошибочности таких взглядов.

Вместе с кудалар в дом жениха приходит мальчик лет двенадцати-пятнадцати, приносит сумку (капшык) с подарками невесты родителям жениха: это глубокая тарелка, отрезки на платье, рубаха и т. п. После свадьбы родители жениха возвращают капшык с более ценными подарками для родителей невесты.

Перед тем, как уйти, кудалар еще раз танцуют. Наиболее почетных из них одаривают чашками, платками. Здесь же показывается содержимое кяпшыка. Каждый подарок сопровождается благопожеланиями. Под музыку гармоники кудалар уезжают, и вскоре после этого приезжает свадебный поезд новобрачными.

До дома жениха поезжане объезжали один-два близлежащих аула, перед ними несколько раз ставили преграды, чтобы получить выкуп. Ворота были широко распахнуты, и все вышли навстречу. Машина с новобрачной въехала во двор. Новобрачного в ней уже не было: по дороге он вышел и остался с друзьями в доме одного из родственников — «яс туьскен уй», где должен был находиться до вечера, когда его приведут домой. Навстречу новобрачной вышли две старые женщины с известной среди ногайцев певицей, музыкантшей и самодеятельным композитором Асият Мижевой, которая спела популярную песню на свою музыку и слова Тайбата Керейтовой, посвященную вводу невесты. Вот слова этой песни — благопожелания:

Ириллп кеншек келсин деп,
Кенъ азбардынъ авызын
Кенъе яйып ашынтыз.
Ирызкылы болсын деп,
Ик келиннинъ йолына
Итглевиклер шашынтыз.
Имарт болсын яс келин,
Итпырасы кенъ болсын,
Ирмагыннан бал тамсын.
Иосагасы, тоьрине,
Иик баскан ерине
Имай наьсип шырмалсын.
Изанынынъ капкашын
Илгы явып билмесин,
Илк анъламас демесин.

Игиллиги кем болмас,
Келгенлер кетпей калмас,
Копак сыйлап уйьренсин.
Уйьир болсын уйьине,
Уйьге тилекли болсын,
Юртка керекли болсын.
Юьркинине, тоьрине,
Гувган, оьскен ерине
Гек ярасыкка барсын.
Гги ул ман, ети кызды,

Кенже тувган эки эгизди
Копь болды деп айтпасын.
Бала боьлев тойга бизди,
Биз дегеним, багримизди,
Шакырмага мутпасын.

Чтобы невеста пришла,
Просторного двора ворота
Широко откройте.
Чтобы пища была
Перед молодой невестой,
Орехи разбрасывайте.
Пусть будет невестка доброй,
Столик будет обширный,
С пальцев мед капает.
Подъезду, почетному месту,
Где ступает нога ее,
Пусть счастье сопутствует.
Крышку котла
Пусть с шумом не закрывает,
Пусть не думает, что люди
не поймут.

Хорошее не убудет,
Пришедшие не останутся.
Пусть умеет уважать гостя.
Пусть дому внимательной будет.
Пусть дому просит добро,
Пусть двору нужной будет.
К родным, близким,
Месту, где родилась,
Пусть идет ради красоты.
Родившихся семь сыновей
и семь дочерей,
Поздно родившихся близнецов
Пусть не считает множеством.
На свадьбу пеленания нас,
Нас — это значит нас всех
Пусть не забудет пригласить.

В словах песни обращают на себя внимание наставления, как должна вести себя молодая хозяйка в новой семье. Затем кенъе и оькил ака повели невесту в дом. У порога перед невестой постелили шкуру жертвенного барана (табаншал), на ее голову уважаемая в округе старуха бросала «шашу» — зерна кукурузы, пшеницы, конфеты. Под звуки веселой мелодии ввода невесты в дом все сошли в комнату новобрачной.

В обряде ввода невесты в дом многие традиционные элементы исчезли или видоизменились. Например, раньше оькил ака должен был нести невесту на руках до порога и поставить на шкуру. Сама шкура — символ плодородия — раньше была обязательна, а теперь она часто подменяется белой тканью — символом целомудрия. Обязательный в прошлом «шымылдык» — занавес, за которым скрывается невеста до обряда «бет ашар» (открытие лица), в наши дни встречается лишь у кумских ногайцев. У них же невеста иногда надевает и сам «буьркоьншек» — платок, закрывающий ей лицо.

После ввода невесты юношей, которые были за рулем автомашин, вводят в дом и угощают. Хозяин дома благодарит их за то, что они привезли в дом нового члена семьи и желает им добра и благополучия.

В комнате новобрачной идут приготовления к обряду белашар. В прошлом он и в самом деле был обрядом открывания лица. Теперь от обряда осталось только название, так как лицо невесты уже не закрывается традиционным, сшитым к этому случаю платком буркоошшек. У абсолютного большинства новобрачных у кумских ногайцев лица открыты, отчего они в первые минуты прибытия в дом мужа немного смущаются. Иногда для символического открывания лица новобрачной ей на лицо в нужный момент накидывают прозрачный капроновый платок. Вот как это происходило в данном случае.

После того, как новобрачная и енге чуть отдохнули от дороги, одна из невесток дома принесла им на подносе ногайский чай, мед и сливочное масло, баурсаки и катламу. Новобрачная и енге угостились, и енге сделала принесшей еду маленький подарок. Затем в комнату вошла одна из уважаемых старух семьи. Ее сопровождали несколько женщин, а также девочка семи-восьми лет. Новобрачная и енге стояли. Старшая сказала, что рада прибытию в семью нового члена, но, чтобы та увереннее себя в ней чувствовала, она должна всегда ходить с открытым лицом. Поэтому девочка откроет ей лицо и поднесет меда с маслом. Девочка подошла к новобрачной, та наклонилась к ней, и девочка, приподняв на ней капроновый платок, дала ей ложечкой лизнуть меда и масла. Женщины по старшинству обняли новобрачную, и, захватив девочку, вышли из комнаты.

Время клонилось к вечеру. Шла подготовка к вечернему свадебному застолью. Юноши проверяли радиоаппаратуру, которую установил местный радиолюбитель, сконструировавший также и светомузыку, смотрели, хватит ли столов и стульев. Девушки украшали столы цветами, вешали на стены гирлянды цветов, ветки деревьев. Столы в палатке были расставлены П-образно. В голове стола, где должны были сидеть новобрачные, повесили ковер, над ним из казбалы образовали нечто вроде навеса, на ковре ватой вывели слова «Будьте счастливы!»

Из кухни слышались запахи праздничных блюд. Надо отметить, что ногайская национальная кухня с каждым годом обогащается новыми блюдами разных народов СССР. Иногда на свадебном столе можно увидеть такие блюда, как котлеты, тефтели, но главными остаются национальные блюда. Так и на этот раз женщины готовили «сокта», «йорме», «тузлык», овощной салат, а главный повар варил в большом котле мясо. Мучные изделия — «катлама», «бауырсак», «ералма боек» — были уже приготовлены за день до свадьбы.

Часам к семи ко двору дома начали подходить и подъезжать гости. Они, по обычаю, подходили к старейшему из родственников Янбеку, здоровались с ним за руку и произносили благопожелания по случаю свадьбы, в первую очередь поздравляя с новой невесткой. Затем мужчины группами становились во

дворе или на улице. Женщины обычно проходили в дом, здоровались с женщинами, старшие усаживались, а молодые старались оказать какую-нибудь помощь в подготовке к торжеству. Подростки играли в шахматы, шашки, некоторые просто беседовали.

Среди гостей на первом месте стояли кровные родственники — они, как и было положено по обычаю, пришли почти все даже без приглашения и приняли активное участие в подготовке к свадьбе и ее проведении. Пришли и соседи, также принявшие посильное участие в подготовке свадьбы. Их, по обычаю, приглашает какой-нибудь уважаемый человек средних лет — чаще всего зять или невестка данной семьи. Составляют списки, и по ним обходят аул, а иногда и другие аулы. В некоторых случаях гостей бывает очень много: не только родственники и соседи, но и сослуживцы, просто знакомые. Особенно многолюдны свадьбы некоторых местных руководителей, не прийти к которым многие считают неудобным, хотя сами такие руководители далеко не всегда приходят на свадьбы своих подчиненных. Словом, тут есть еще свои вопросы. Проще обстоит дело с приглашением на свадьбу молодежи. С начала 70-х годов быстро вошли в моду пригласительные билеты с фотографией молодоженов, на которых делают трафаретные приглашения. Такие билеты чаще не посылают, а вручают.

Подарки обычно сразу же отдают родителям новобрачного. Широко распространенным явлением стало дарить деньги, на которые родители по своему усмотрению покупают нужные молодой семье вещи. Речь об этом еще будет ниже.

Вернемся к нашей свадьбе. Эта была средняя свадьба — гостей на 100—150. Гости становилось все больше, столы уже были накрыты. По обычаю, гости со стороны новобрачного за столы не садились: они ждали гостей со стороны новобрачной. Вскоре подъехали и они на украшенном казбалы автобусе. Гостям преградили дорогу, требуя выкуп. После игровой сцены и получения выкупа, открыли ворота и пригласили гостей за столы. В составе гостей были главным образом молодые люди и несколько женщин среднего возраста, несшие два чемадана. Тамада свадьбы (той тамада) через громкоговоритель поздравил гостей с приездом и объявил, что сейчас в родной дом прибудет и новобрачный.

За новобрачным отправилась группа молодежи — его свита. Через некоторое время на улице послышалась музыка, а затем ружейные выстрелы. Все выглянуло на улицу, по которой шествовал новобрачный с сопровождающими. Окружавшие новобрачного держали зажженные факелы. Во двор новобрачного за руки ввел дружка. В это время кто-то выстрелил вверх из ружья, а когда новобрачный входил в дом, его слегка ударили по спине. Это все, что осталось от существовавшей в прошлом свадебной обструкции молодежи.

Той тамада в микрофон пригласил всех сесть за столы. На почетное место посадили гостей со стороны невесты, а затем по возрасту начали рассаживаться остальные. Однако, никто не притрагивался к еде и напиткам (кроме охлаждающих) — ждали появления новобрачных. Они вышли с оыкил ака и енгге в сопровождении гармонистки, игравшей специальную мелодию, традиционно исполняемую по этому поводу. Все встали и захлопали в ладоши, кто-то опять выстрелил из ружья. Новобрачные заняли свои места во главе стола, рядом с ними сели сопровождающие. Как только улеглась сумятица, вызванная появлением новобрачных, той тамада распорядился подать горячие блюда. Несколько юношей в передниках принесли на подносах тарелки и поставили на столы. Той тамада позволил всем налить что что пожелает и распорядился включить магнитофонную запись песни «Тойда тилек»:

Колымызда стакан —
Иши толы нектар ды.
Тынъласанъыз, теңь яслар.
Менде авыз соъз барды.
Курсап алып столды
Олтырганмыз, теңь яслар,
Алдымызга салынган
Тепшек — тепшек коьп аслар.
Сосы асты салганмынъ
Ырызкысы коьп болсын.
Кайгы, каста ол билмей,
Коънгыл тавдай, ток болсын.
Май елиңдей елпилдеп,
Навмет явсын юртына.
Савлык болсын бу уйдияъ
Ясы, кызы, картына.
Яс сабиңдей иянасып,
Наьсип кирсин уйине.
Мынъ йылларды яшасын
Ойнай, куулей, суыйине.
Бав емистей, бактысы
Ийилсин де асылсын.
Барар, келер йолына
Савле-нурлар шашылсын.
Кыралымыз сав болсын.
Коьтерилсин, теңь яслар.
Оъзегине сис кирсин,
Как ярылсын душпанлар.
Коьтеринъиз стакан —
Тойымызды баслайык.
— Савлык! — дентъиз, теңь яслар,
Бал бозасын тартайык!⁷

В руках у нас стакан,
Он полон напитка.
Если послушаете, друзья,
У меня есть к вам слово.
Окружив столы,
Сидим мы, друзья,
Перед нами расставлены
Разные блюда.
У выставивших пищу
Пусть она возрастет,
Не зная печали, горя,
Настроенное пусть будет как гора.
Как майский ветер,
Пусть добро на дом придет.
Пусть будут здоровы
Мальчики, девочки, старики дома.
Улыбаясь, как ребенок,
Пусть в дом счастье войдет.
Пусть тысячи лет живет,
Играя, смеясь, радуясь.
Как плоды деревьев,
Пусть счастьем наполнится.
На избранную дорогу
Пусть лучи падают.
Пусть страна будет здоровой,
Поднимутся друзья.
Пусть бесятся от злости
И лопнут враги.
Поднимите стаканы —
Начнем свадьбу.
Скажите — на здоровье!
Бузу выпьем!

дил, что будет придерживаться строгих правил застолья: без разрешения громко не говорить, без тоста не пить, тосты — согласно старшинству и заслугам, без разрешения из-за стола не вставать, и всем по возможности активно участвовать в веселье, не достигшим 18-ти лет за свадебный стол не садиться. В знак своей решимости он тут же вывел из-за стола двух девятиклассников и восьмиклассницу. Это одними было одобрено, другими — нет. Тем не менее торжество продолжалось. Тамада назначил себе двух помощников, которые должны были следить за своими столами, так же были избраны два лица, ответственные за художественное оформление вечера. Получилось так, что за двумя столами сидели главным образом представители стороны невесты и жениха, и каждая сторона старалась не ударить в грязь лицом. Это вскоре проявилось в своеобразном соревновании при исполнении песен, танцев, в поднятии тяжестей и т. д.

Старшие члены семьи новобрачного за столы не садились — они ходили по двору, смотрели за порядком, издали следили за тем, чтобы аякшылар не держали перед гостями тарелки пустыми. К сожалению, в описываемой свадьбе мы встретились с уже отживающим обычаем одаривания стороной невесты родственников жениха подарками «сый» (букв. почет). Подарки принесли женщины. В их числе были отрезки на платье, рубахи, предметы туалета. Они предназначались родителям новобрачного и их прямым старшим родственникам. Старшая из гостей называла каждый подарок и говорила кому он назначается. Мать новобрачного, присутствовавшая при раздаче подарков, повторяла: «Да не надо было этих подарков, зачем нужно было так делать, теперь пойдут обиды, суды-пересуды». Ей возражали, что в народе есть такой обычай и надо его соблюдать. Как только были названы все подарки, как и предвидела мать новобрачного, возник спор. Одна из присутствовавших женщин стала обвинять гостей, что они принесли подарки не всем старшим родственникам жениха, что таких дешевых подарков она в округе не видела и т. д. Чувствовалось, что всем неудобно, но никто не хотел ее остановить. Наконец, мать новобрачного поднялась и сказала, что она просит не ссориться, что отдаст свой подарок, лишь бы о таком споре не знали новобрачные.

Аналогичный обычай сохраняется у степных ногайцев под названием «кийит» и у кумских ногайцев — «куржын». И здесь также возникают ничем не оправданные споры из-за подарков. Возник же этот обычай как вполне оправданный и недаром назывался «кийит» (кийим эт — букв. приготовь одежду). Согласно обычаю, невеста должна была собственноручно соткать сукно, скроить женское платье и мужской кафтан, сшить их и в подарок преподнести свекрови и свекру, тем самым доказывая, что она сумеет обшивать и свою семью. В наше время никто не проверяет такие способности невесты, а для

⁷ Абдулжалилов Ф. Шувылдайды Кобансув. Черкесск, 1955. С. 82.

«сый», «кийит», «куржын» приобретают дорогие вещи в магазинах, расходуя на это, особенно у кумских ногойцев, очень большие деньги. Думается, что здесь есть над чем подумать. И прежде всего встает вопрос: не восстановить ли обычай в его первоначальном варианте? Тогда вряд ли будут встречаться невесты, не умеющие держать в руках иголку.

А свадьба была в разгаре. Тамада застолья в микрофон предложил местным комсомольским работникам раздать приготовленный ими вопросник для девушек и юношей. Затем зачитал телеграммы от друзей новобрачного с места его работы — с БАМа. Стороне новобрачной была предложена песня. Ее начали петь девушки, потом подключились и парни. Все слушали с большим вниманием — это была популярная в народе песня «Ак шалув». Тогда хозяева стола тоже запели не менее популярную «Йилиншик ягада». Из-за стола вышел юноша, попросил у тамады слова и сказал, что споет песню, посвященную матери, так как только благодаря ей вырастают такие хорошие дети, как сегодня наши новобрачные. Он спел «Анамга». Затем исполнялись другие песни — русские, карачаевские, чеченские, адыгские, абазинские и т. д. По предложению тамады лучшие исполнители получили призы — торты, плитки шоколада, бутылки лимонада и т. д. После песенников стали соревноваться силачи, которым вынесли гири. Первым попробовал силы представитель стороны новобрачного, затем — новобрачной. Желающих принять участие в этом популярном виде спорта оказалось много; призами были куски вареного мяса и другие кушанья. Затем были зачитаны ответы на вопросы анкеты, посвященные различным бытовым, семейным темам. Это нововведение не встретило одобрения присутствующих, так как заняло много времени, а ручки и карандаши во время застолья выглядели лишними предметами.

Тамада попросил слово и сказал, что имеет полномочия выступить от имени родителей и близких родственников новобрачной, которые поздравили молодую семью с ее созданием, преподнесли ей для укрепления ее экономической основы сберегательную книжку с положенным на нее взносом в тысячу рублей. Тамада вручил книжку молодому мужу как главе семьи, присутствовавшие зааплодировали. После этого молодой брат невесты попросил слова, поздравил молодоженов и подарил отлитую из бронзы подкову. Подкова, как подарок, символизирующий добро и крепость семьи, чаще встречается у кубанских ногойцев. Что касается сберегательной книжки, то многие, одоблив этот факт подарка, отметили, что сумму не надо было объявлять. Это, видимо, правильно, так как некоторые родители из престижных соображений разжигают соревновательный дух.

Когда все уже устали сидеть за столом, тамада объявил перерыв на танцы. Они вышли несколько сумбурными, так как

отсутствовал «быкыравык» — зывала, организатор танцев. Еще лет 20—25 назад на свадьбах бывал такой человек, который сперва давал возможность потанцевать близким родственникам новобрачных, затем всем остальным, при этом называя каждого танцующего по имени и объясняя, кем он приходится невесте или жениху. Теперь прежние бакыравыки состарились, новых нет. Вскоре на танец новобрачных были выведены ойка и енге, затем сами новобрачные начали танцевать «узын». Женщины привязали к их рукам платки «казбалы». Некоторые не удержались от едва заслуживающего одобрения обычая бросать деньги на головы танцующих.

В последние годы у кубанских ногойцев во время танца к одежде новобрачной прикалывают серебряные и золотые украшения, на шею вешают золотые цепочки. Это обыкновение, думается, пришло от кумских ногойцев, где оно бытует издавна. Аналогичное явление зафиксировано и у степных ногойцев. Разумеется, этот обычай в широких слоях населения не одобряется: от него пахивают нетрудовыми доходами. Те же, кто приобрел на честно заработанные деньги ювелирные украшения, предпочитают подарить их новобрачной без помпезности, в кругу родственников. Тем более, что одаривание невестки во время танца способствует разжиганию нездорового соревнования в тратах. Словом, это явление не имеет ничего общего с национальным обычаем смотра невесты во время танца. С ним нужно вести решительную борьбу, главным образом среди молодежи.

После танцев новобрачные остановились в кругу своих сверстников. Уже много уставших гостей, тамада через громкоговоритель пригласил к столу. От имени хозяев, он поблагодарил всех присутствующих за то, что пришли в дом Ахмеда разделить его радость, сумели весело провести свадьбу, чем сделали хороший подарок новобрачным, пожелал, чтобы такие же торжества были у всех присутствующих, чтобы на Земле всегда игрались свадьбы. С ответным благодарственным словом в адрес хозяев выступил тамада гостей и попросил разрешения уехать. Гости дружно вышли из-за стола, начали прощаться со всеми за руку, а родственники новобрачной — с ней. Гости проводили до автобуса, на который от стороны новобрачного был привязан один платок «казбалы», шоферу вручен был небольшой подарок. Гости под музыку уехали. Стали расходиться и местные гости. Напоследок новобрачные сфотографировались с близкими друзьями. С новобрачной осталась лишь енге. Как только гости разошлись, она проводила новобрачную в предназначенную для них комнату. По обычаю она постелила постель и осталась в доме до утра.

На завтра после псвадьбы енге с утра докладывает матери молодого, что молодая была девственницей и показывает простыню. Естественно, теперь это делается деликатно, без обнаро-

дования. Если же молодая оказалась не девственной и старалась скрыть это от мужа, то от нее стремятся избавиться, обычно через одну-две недели. Вообще потеря девственности до выхода замуж по-прежнему считается большим позором не только для самой девушки, но и для ее семьи. Такая новобрачная встречается со всеобщим презрением и в большинстве случаев выходит замуж за разведенных мужчин.

В этот же день совершается обряд «бет йылытув» (букв. «согревание лица»). Это — обряд приобщения молодой к очагу и ее знакомство с родней мужа. Теперь он проводится после брачной ночи с утра. В комнате собираются свекровь, родственницы и соседки. Енъге берет новобрачную за руку и ведет ее к ним. Старшая из женщин подходит к вошедшей, приподнимает прикрывающий ее лицо платок, дает маленькой ложечкой мед, затем подводит к печи, просит приложить к ней ладони и при этом говорит: «Будь достойным членом семьи, останься в ней на всю жизнь, да не погаснет твой очаг». Затем она обнимает новобрачную, а после нее — свекровь и остальные женщины. У ногайцев сохранился древний обычай, по которому новобрачная берет обеими руками руку свекрови или другой старшей родственницы, нагибается и прикладывает ее ко лбу, а затем к губам. «Приложиться губами» таким образом в представлении народа — не то же самое, что невеста целует руку. После этого старшая женщина знакомит новобрачную со всеми присутствующими, на что та молча кивает головой. Если в прошлом по обычаям избегания определенное время не разговаривали со свекровью, то теперь ей разрешается с ней говорить уже в этот день. После знакомства с женщинами и прикосновением к очагу, енъге уводит новобрачную в комнату. Через некоторое время таким же образом новобрачная знакомится со свекром и другими старшими свойственниками — мужчинами. На этот раз она только пожимает обеими руками руку старшего. В большинстве случаев, свекры также разрешают невесткам говорить, в прошлом же бывали случаи, когда невестка всю жизнь не разговаривала со свекром, а лишь объяснялась мимикой.

На этом основные свадебные обряды заканчиваются. Енъге, выполнив свою миссию, уходит домой. Ей при этом оказываются различные почести.

В свадебный цикл входит также обряд первого выхода новобрачной за водой. Поскольку во многих аулах теперь имеется водопровод, этот обряд часто выполняется чисто символически, в знак того, что молодая женщина имеет право выходить за пределы дома — в магазин, к соседям и т. д. Свекровь дает новобрачной два новых ведра, коромысло, различные подарки и посылает ее к реке или колонке за водой. Первое ведро наполняет водой уважаемая в округе женщина, высказывая пожелания, чтобы и новобрачная до глубокой старости легко несла полные ведра воды. При этом она не забывает напом-

нить, что если рядом окажется старшая женщина, то молодая должна сперва наполнить ее ведро. По пути домой новобрачная раздает подарки нескольким, случайно встретившимся старухам и в ответ слышит слова благодарности. Этим обрядом она окончательно приобщается к хозяйственной деятельности семьи.

Заключительные церемонии свадебного цикла — обряд возвращения молодой в родительский дом (тоьркинге келуьв) и приурочиваемый в настоящее время к нему обряд показа мужа родителям жены (киеу коьрицуьв). Это обставляется следующим образом. По истечении одного-двух месяцев после свадьбы родители молодой женщины через посыльного приглашают дочь, а заодно и зятя к себе. Зять по этому случаю готовит подарки тестю (рубаху, обернутую в полотенце) и теще (отрез на платье, обернутый в платок «казбалы»), а также мелкие подарки другим свойственникам. В назначенный день в сопровождении десятка друзей и с женой, сопровождаемой его родственницами, обычно вечером, молодожен отправляется в дом тестя. Тот в честь посещения зятя собирает своих родственников. Приехавших мужчин отводят в нарядно убранную комнату, где хозяева стараются развлечь гостей. Молодая женщина, сопровождаемая родственниками мужа, находится в окружении женщин. Устраивается застолье, после которого старший из приехавших провожает молодожена в комнату, где со своими старшими родственниками сидит тесть. Обычно при этом на голову зятя накидывают башлык. Сопровождающий представляет зятя, который обеими руками пожимает поочередно всем руки. Затем ему дают пригубить со своего стола вина, что-нибудь закусить. Считается, что после этого он имеет право есть за одним столом с тестем. Затем его заставляют танцевать; при этом он снимает башлык, но надевает другой головной убор. Во время танца молодожен не должен давать возможности снять с него головной убор, который он затем выкупает. С этого дня зять беспрепятственно может приходить в дом родителей жены. Она же, побыв у родителей одну-две недели, возвращается в дом мужа. По возвращении она приносит небольшой подарок свекру и свекрови.

На этом свадебный цикл заканчивается. В целом современная традиционная ногайская свадьба намного упростилась и в нее вплелись новые элементы, рожденные в годы Советской власти. Конечно, не у всех групп ногайцев свадьба проходит по тому сценарию, который нами описан, каждая свадьба имеет свое индивидуальное лицо. Но структура свадьбы почти одинакова: сватовство (кыз айттырув); собственно свадьба (бет ашар той — свадьба открытия лица), включающая приход сватов — кьудалар, регистрацию бракосочетания, привоз невесты в дом жениха,

открытие лица невесты (бет ашув), свадебное застолье и ввод невесты в комнату для новобрачных; причащение к новому очагу (бет йылытув), первый выход за водой и снятие запретов, связанных с избеганием. Наряду с браком поговору иногда встречается брак умыканием (акашув). К нему прибегают тогда, когда родители невесты препятствуют молодым людям вступить в брак. В этом случае жених и невеста договариваются между собой и девушка поджидает в условленном месте с одним из своих младших родственников-сопроводителем (кыз касында барган яс), чтобы молодой человек с друзьями подъехал на машине и увез ее. Невеста поселяется в доме какого-нибудь родственника жениха (кыз туьскен уьй), а к ее родителям снаряжается представительное посольство от родни жениха для достижения договоренности. Родственники невесты приезжают, чтобы удостовериться, что девушка вышла замуж добровольно. В этом случае ее родители вынуждены бывают согласиться на брак. Невеста до свадьбы живет в доме родственника жениха, где для молодежи устраиваются танцы, свадьба же проводится по описанному сценарию.

Больше элементов традиционной свадебной обрядности сохранилось у ногайцев, проживающих в Ногайской степи. Здесь между сватовством и свадьбой обычно проходит 2—3 месяца, иногда и полгода. С 1986 г. решением схода жителей Ногайского района свадьбы проводятся осенью и этот порядок может быть нарушен только в исключительных случаях. У ногайцев Ногайской степи в отличие от кубанских и кумских ногайцев, проводится «белги той» (свадьба метки). На ней происходит дарообмен между женщинами обеих сторон и достигается договоренность о дне большой свадьбы (уьйкен той). Особенностью здешней свадьбы являются многочисленные подарки: «балдыз явлыклар» (платки для младших родных, двоюродных и троюродных сестер невесты), «алдында ятар» (впереди ляжет), «юркан ябар» (закроет одеяло), «тоьсек басар» (наступит на матрац), «арба тувар» (распрягай арбу), «сандыкь ашар» (открывай сундук) и другие, о которых уже не раз писалось на страницах районной газеты «Шоьллик маягы». Анахронизмом является и одаривание «куржын» родственниц невесты в день ее увода из родительского дома. Оно включает отрез на платье, 2—3 платка, кирпичный чай, дорогие конфеты общей стоимостью в 40—60 рублей для каждого из 30—35 родственниц невесты. Мать невесты получает от матери жениха отдельный подарок. Все это складывается в сумки (куржын), откуда и название обряда. Взамен сторона невесты делает подарки «кийит», о чем было уже сказано выше.

Другой особенностью свадьбы у ногайцев Ногайской степи является приезд матери невесты со своими подругами (кудагый) в день свадьбы в дом зятя. Она привозит «кийит» и лично раздаривает свойственницам. Мать жениха преподносит ей

ритуальное блюдо «май авыз» (букв. масло для рта) — вареную баранью грудинку. Та принимает его стоя, благодарит, садится, своими руками разрезает грудинку на кусочки и раздает подругам.

Дарообмен в больших размерах бытует и у кумских ногайцев. После торжественной регистрации в сельсовете, родителям невесты подносится подарок деньгами — 600—700 рублей. Кроме этого им вручаются фарфоровые чашки, завернутые в атласные платки — традиционные предметы дарообмена у ногайцев. Число их доходит до 100—150 штук. Деньги вручают мужчины, а чашки — женщины. Все это наносит большой материальный ущерб новой семье. Большими размерами отличается у кумских ногайцев и приданое, для которого родственники собирают значительную сумму денег. В приданое включают дорогостоящие предметы вплоть до ковров ручной работы и цветных телевизоров.

Таким образом, свадебные обряды ногайцев, проживающих в разных административных районах Северного Кавказа, имеют свои особенности. Но всем им свойственно сохранение традиционной основы, которая лишилась многих остатков патриархальщины и на которую наложился инновации советского времени, коснувшиеся почти всех элементов свадьбы, как и брачных обычаев. Самое главное, что молодые люди вступают в брак по взаимному согласию. Исчез из жизни институт полигамии, освященный Кораном, где сказано: «Женитесь на тех, что приятны вам, женщинах — и двух, и трех, и четырех»⁸. Многоженство было привилегией богатых, которые за хороший выкуп могли жениться несколько раз, и иногда 50—60-летний старик брал 2—3 жен на десятки лет моложе себя.

Исчез обычай колыбельного сговора (бесик къуда — колыбельные сваты), при котором два друга договаривались, что если их будущие дети будут мальчиком и девочкой, то они поженятся. Порождением старины был и брак «оьтелес» — жених за неимением средств на калым, взамен него, при желании стороны невесты, отдавал неженатому брату невесты свою сестру. Данная форма практиковалась и у богатых людей из соображений сохранения своего рода в «чистом виде». Например, Султан Каплан-Гирей из Тохтамышевского аула в конце XIX в. «обменялся» своей сестрой с сестрой князя Муссы Ахлова.

Только в прошлом существовали у ногайцев древние по своему происхождению формы заключения брака — левират и сорорат. Придерживаясь обычая левирата, замужняя женщина после смерти мужа должна была стать женой его старшего или младшего брата, а при их отсутствии — другого родственника мужа. Эта форма называлась «кайынларына барув» — выход

⁸ Коран. М., 1963. С. 69.

дять замуж за родных мужа. Сорорат назывался «балдызын алыу» — взять в жены свояченицу. Он практиковался в случае смерти жены, — вдовец имел право жениться на младшей сестре покойницы.

Как форма покупного брака в прошлом существовал обычай приймачества (уый киеу — домашний зять). К данной форме прибегали молодые люди, которые не имели возможности внести калым и шли отбатывать его в дом тестя⁹.

Перечисленные формы брака у ногайцев теперь не известны. о них помнят лишь некоторые старики.

Так, в современной свадьбе в основном изжито традиционное скрывание — этот начальный этап обычая избегания. Жених не скрывается в «промежуточном доме», как это было еще 10—15 лет назад, хотя в день свадьбы его еще приводят из дома одного из родственников, где он будто бы скрывался. Он активно участвует в подготовке свадьбы и сам участвует в ней. Типичным явлением стала торжественная регистрация брака, возложение молодоженами цветов к памятнику В. И. Ленина, памятнику павшим воинам. В свадебных обрядах используются как старинные, так и современные песни, музыка, игры, свадебные кушанья.

Вступающие в брак равноправны. Девушки выходят замуж в большинстве случаев после окончания средней школы и получения специальности. Юноши женятся после завершения службы в армии или также приобретения специальности. В одной из этнографических экспедиций нами было опрошено более 50 женщин. Из них в возрасте до 18 лет вышли замуж — 13, 18—22 лет — 30; 23—24 — 7. Мужчин, женившихся в возрасте до 18 лет было — 2; 18—22 — 16; 23—24 — 12; 27 и больше — 7. Таким образом, у девушек брачный возраст колеблется в пределах 18—22 лет, у мужчин — от 18 до 26 лет.

Возрастает число смешанных браков, которые в прошлом были редкостью, особенно между людьми, придерживавшимися разных религий. В настоящее время люди старшего поколения еще противятся женитьбе на «иноверках» и выходу замуж за «иноверцев». Но молодые смотрят на этот вопрос иначе. Вот, например, данные по Адыге-Хабльскому району; в 1984 г. зафиксировано: ногайско-русских браков — 3, ногайско-черкесских — 6, ногайско-абазинских — 1, ногайско-карачаевских — 1, абазино-ногайских — 2, черкесско-ногайских — 2, русско-ногайских — 1; в 1985 г.: ногайско-русских — 2, ногайско-карачаевских — 2, ногайско-черкесских — 4, ногайско-абазинских — 3, черкесско-ногайских — 2, абазино-ногайских — 5, русско-ногайских — 2, карачаево-ногайских — 2. Отметим, что при же-

⁹ Подробнее о формах брака см.: Керейтов Р. Х. Нормы, условия и формы заключения браков у ногайцев в прошлом // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985.

нитьбе ногайца на представительницах других народов свадьбы проходит по ногайской обрядности.

Как уже отмечалось, ногайцы по-прежнему соблюдают ряд экзогамных запретов. Так, например, юноша не может жениться на девушке, носящей ту же фамилию (у ногайцев все однофамильцы считаются родственниками). Только в фамилиях Карасовых, Наймановых, Баисовых зафиксированы браки между гемами однофамильцами, которые имеют разные тамги или же когда их родство выходит за пределы седьмого колена.

Уже из этих примеров видно, что современный брачно-свадебный цикл ногайцев переживает процесс широкого обновления: одни элементы вводятся, другие исключаются или забываются. Это процесс, к которому, на наш взгляд, применимы слова В. И. Лепина: «...мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации»¹⁰. Это ленинское указание позволяет нам правильно оценить те или иные черты свадебной обрядности, и, отказавшись от отживших, сохранить лучшие. Кто возразит, например, против таких элементов старинной обрядности, как исполнение песен-экспромтов во время центральных, кульминационных моментов свадьбы — вывода невесты из отчего дома, ввода ее в дом жениха и т. п., или совеннования силачей, песенников и т. д.

Оценочная сторона некоторых элементов свадьбы сейчас вызывает споры. К их числу относится обряд «бет йылытув». Некоторые считают этот обряд ненужным, а кое-кто даже равняет с «берне» и «аун алыу» у карачаевцев, либо с «нысатын» у абазин и черкесов, относя к пережиткам адата и шарията¹¹. Бет йылытув вообще не является обрядом одаривания. Как мы видели, это обряд приобщения новобрачной к новому очагу, встречающийся у многих народов Кавказа, так и Средней Азии¹². В современном бытовании обряда новобрачную берет за руки уважаемая старая женщина, имеющая много детей, и ведет вокруг печи или предлагает ей нагреть руки и провести ими по лицу, что приобщает ее к дому, к ее очагу и теплу. Как показывают полевые материалы, в прошлом новобрачная ходила вокруг очага «тандыр», в котором горел огонь. Можно думать, что данный обряд уходит в домусульманское время и связан с верой в очистительную силу огня. Вот что пишет по этому поводу Дж. Дж. Фрэзер: «Предполагается, что костры способствуют браку и обеспечивают потомство бездетным супругам. Это

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 121.

¹¹ Авксентьев А. В. Ислам и местные верования народов Северного Кавказа // Некоторые вопросы марксистско-ленинской философии. Краснодар, 1965. С. 156.

¹² Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 126, 144.

благоприятное воздействие является не прямым следствием того, что сам огонь обладает ускоряющей и оплодотворяющей силой, а проистекает из его способности уничтожать препятствия, которые ведьмы и колдуны, как известно, чинят супружескому союзу¹³. Правда, служители ислама постарались вплести в данный обряд религиозные элементы: в прошлом невесту во время обряда ставили к югу, т. е. к Каабе — месту поклонения мусульман. Впрочем, и в данном случае не исключено, что перед нами одно из домусульманских представлений — древнее верование ногайцев в силу Солнца. Поклонение южной стороне или, что то же, Солнцу, было известно ногайцам до принятия ислама. Гильом де Рубрук сообщал: «Когда они снимают свои дома для останки, они всегда поворачивают ворота к югу»¹⁴. Он же писал, что старший в семье, когда садится за стол или занимает почетное место, поворачивает лицо к югу¹⁵.

К той же вере в очистительную силу огня, вероятно, восходит и бытующий до настоящего времени обычай факельного шествия спутников жениха, когда его приводят в родительский дом. Сейчас оно имеет только игровое значение и, надо сказать, довольно эффектно.

Некоторые считают национальным, другие — религиозным обряд «бет ашар» — открывания лица невесты. Практически от него остались название и незначительные элементы символики. Но и в более полном виде он не является ни национальным, ни религиозным. Обряд открывания лица новобрачной бытует многим народам, независимо от их религии. Вот что сообщает, например, о русском населении Москвы конец XVII в.: «На рассвете дня, назначенного для брачного торжества, родители и подружки невесты провожают ее в храм, причем она закрыта льняным покрывалом от макушки до пят»¹⁶.

Встречается еще обычай обмена съестными подарками между семьями новобрачных (кыдагыт ас, шетен ас). Через неделю после свадьбы родственники молодого отправляют родственникам молодой 20—30 чемоданов, наполненных бауырсаками, кытламами, печеньем и конфетами. Помимо этого в чемодане должны быть тщательно упакованные отрезки на платье. Родственники молодой должны возвратить чемоданы только с одними отрезками на платье, но так, чтобы каждый из этих отрезков был на 1—1,5 м больше полученного. Данного обычая придерживается лишь часть населения, считающая, что это хороший способ родственного союза. Исторически дело обстоит действительно так: данный обычай восходит к обычаю «уылис» — обмену меж-

ду родителями новобрачных вещей со свадебного стола¹⁷. Пошерсть в кыдагыт ас, требующем ненужных хлопот и расходов, иза ли есть смысл, и недаром его остатки быстро исчезают.

Наиболее негативные, частью остаточные, а частью получившие новую жизнь из соображений престижа явления в современной свадебной обрядности — это обычаи дарообмена, такие, как «белги той», «кийит», «шетен ас», «куржын». Обычаи дарообмена соблюдаются главным образом сторонниками псевдонациональных традиций. Сюда же принадлежит и наиболее отрицательный из этих обычаев — калым (калынъ). Он бытует главным образом в аулах Ногайского и некоторых других районов Дагестана, Нефтекумском районе и ауле Кангалы Ставропольского края. У кубанских ногайцев его остатки исчезли уже в 30-е гг. XX в., чему способствовали активные мероприятия местных советских, партийных и общественных организаций.

Там, где калым еще сохраняется, родители требуют за девушку выкуп в размере от 800 до 1000 рублей, а иногда и больше. В последние годы усилиями местных советских и партийных органов многое сделано для реализации ст. 232 Уголовного кодекса РСФСР, устанавливающей условную ответственность за брачный выкуп и искоренения остаточных элементов калыма. Так в ауле Карагас, Я, К., выдав дочь, получил за нее калым в размере 2000 рублей, а Т. К. — 1755 рублей¹⁸. Ногайский РК КПСС проводит систематическую работу по разрыванию вредности архаичных противоправных обрядов. Уже в 1974 г. была проведена научно-практическая конференция по проблеме «Внедрение в быт новых социалистических традиций, обычаев и обрядов — важное средство коммунистического воспитания трудящихся». Были выработаны рекомендации по внедрению в быт новых обрядов и искоренению архаизмов. Была поставлена задача оживления деятельности общественных комиссий по гражданским обрядам, повышения роли печати и радио по преодолению вредных и внедрению новых обрядов. Надо отметить, что в Ногайском районе борьба с архаизмами ведется не кампанейски, а систематически, что уже дало свои плоды: в последнее время случаи получения калыма здесь не зафиксированы.

В традиционном дарообмене выплата калыма до некоторой степени как бы уравнивалась выплатой приданого, хотя в историко-генетическом плане эти институты между собой не сопряжены. В противоположность уголовно наказуемому калыму, приданое законодательному регулированию не подлежит, но в наблюдаемых сегодня процессах распространения престижно-

¹⁷ Лобачева Н. П. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

¹⁸ Шоваллик маягы, 1976, 22 сентября, 1978, 24 ноября.

го дарообмена оно все чаще принимает непомерные формы. Известно немало случаев, когда в составе приданого, помимо постельных принадлежностей, что вполне оправдано, даются мебельная «стенка», цветной телевизор, холодильник, несколько ковров, газовая печь, кухонный гарнитур. Население к таким приданым в большинстве своем относится весьма отрицательно, считая, что это вырабатывает у молодоженов потребительство, безответственное отношение к трудовому рублю, мещанскую соревновательность, а нередко и кичливость. В широких слоях населения приданое издревле давалось для того, чтобы молодожены в первое время не испытывали нужду в вещах первой необходимости. В настоящее время также можно поощрять только такое приданое, которое отвечает своему первоначальному назначению.

Многое предстоит сделать и в совершенствовании самой свадебной обрядности ногойцев. Это относится, в частности, к элиминации в ней не только отрицательных черт старого свадебного обряда, но и некоторых новых, развившихся за последние десятилетия черт. То же касается развития положительных черт ногойской свадьбы, к числу которых относятся многие как традиционные, так и новые черты. Вот несколько примеров.

Население в своем большинстве отмечает, что свадьба за последние 15—20 лет потеряла свою зрелищность, превратившись в стандартный банкет. И это на самом деле так. В некоторых местах, пропагандируя так называемые комсомольские свадьбы, взамен исключаемых из свадебных традиционных элементов и персонажей не предложили ничего нового. Например, был вытеснен «бақыравык» — зазывала, шут, соблюдавший во время свадьбы порядок в тапшах и нередко песней-экспромтом высмеивавший нерадивых, тунеядцев и т. п. Местным работникам культуры есть резон подумать о возрождении «бақыравыков».

В целом верно пропагандируя комсомольские свадьбы, к ним не всегда относились критически, из-за чего они приобрели свои теневые стороны. Например, пользуясь тем, что на современной свадьбе «все равны» и на нее можно прийти без приглашения, многие молодые люди становятся завсегдатаями свадеб и устраивают на них пьянки. Между тем традиционно молодежь приходила на свадьбу только плясать и петь — веселиться. Видимо, настала пора подумать, не восстановить ли традицию.

Естественен вопрос и о количестве приглашенных на свадьбу. Конечно, немало семей имеет множество родственников, число которых может достичь даже сотни человек, и это помимо соседей и сослуживцев. И все же свадьба ни в коем случае не должна превращаться в предмет показательной щедрости, купеческого размаха, мещанского тщеславия.

Описанная нами выше свадьба — не сценарий, по которому должны проводить все ногойские свадьбы. Хотя мы постарались

свести в одну свадьбу ее лучшие элементы, описать ее такой, какой в большинстве случаев видим, надо помнить, что каждая свадьба должна быть своеобразной, должна сопровождаться самостоятельным обрядотворчеством, импровизацией. Разумнее, такая импровизация должна быть продуманной.

Целесообразно возродить на свадьбах соревнования народных певцов и сказителей. Все с удовольствием слушают на свадьбах народных певцов Якуба Туркменова из Икон-Халка, Рахмета Дюрменова из Адиль-Халка, Шабана Бесакаева из Эркин-Халка, Яхью Кудайбердиева из Терекли-Мектеба, Сеперали Акмурзаева из Куymbатара. Не задача ли культработников пропаганда народного творчества не только на сценах Домов культуры и клубов, но и на свадьбах? А ногойские «айтыс» на свадьбе — это народная импровизация.

Большую помощь в оформлении свадьбы могут оказать культпросветработники. Так, желает много лучшего музыкальное оформление свадьбы, ибо все больше распространяющиеся в сельской местности ВИА не всегда имеют достаточно высокий уровень репертуара и способствуют проникновению в среду молодежи музыкальных произведений низкого качества, а иногда и не выдержанных идейно. Шуточные стенгазеты, лозунги, цитаты с веселыми картинками на стенах, видимо, будут создавать праздничный настрой, сделают свадьбу запоминающейся.

Велика роль в оформлении свадьбы государственных органов записи актов гражданского состояния (ЗАГС). Бюрократическое проведение процедуры бракосочетания может оказать отрицательное психологическое воздействие, подлинно торжественная регистрация брака — иметь огромное воспитательное значение. Об этом должны помнить все те, кому доверена эта важная работа. Работники ЗАГСов, сельских Советов, члены исполкомов и обрядовых комиссий должны всегда вести с людьми, подавшими заявления о регистрации брака, разъяснительную работу, согласовывать время проведения свадьбы и т. п. Так, можно убедить молодоженов, что следует провести свадьбу тогда, когда меньше всего нагрузка на производстве. Помимо этого, вряд ли стоит ограничиваться только торжественной регистрацией, лучше идти и на саму свадьбу, участвовать в ней, оказывать свое воздействие, но не административными методами, а убеждением и помощью в устройстве свадьбы. Сюда же относится обеспечение молодоженов туристическими путевками для свадебного путешествия, если свадьба приходится на их отпуск.

Такова картина свадебной обрядности у ногойцев. Ее характеристику хочется закончить следующими словами о свадьбе народов Северного Кавказа в целом: «Реальная трансформация далека от завершения, хотя ее темпы намного ускорились. Кроме того, степень обновления традиционной свадьбы в неменьшей

мере, чем степень ее психологической переоценки, зависит от исторического прошлого отдельных областей региона, локализации и индивидуальных параметров справляющих свадьбы семей»¹⁹.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОБРЯДОВ У НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

¹⁹ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983. С. 205.

РЕКОМЕНДАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КАРАЧАЕВСКОЙ СВАДЬБЫ

Свадьба у карачаевцев всегда была возвышенным, незабываемым праздником с яркими народными песнями, состязаниями в острологии и играх. Никто не скучал, и стар и млад были участниками семейного торжества. Однако, к сожалению, все чаще духовная, эмоциональная сторона свадьбы стала уступать другой, показной, когда родители и родственники вступающих в брачный союз оказываются в плену престижных соображений и превращают свадьбу в средство демонстрации материальных возможностей. В отпадлении ритуалов современной свадьбы исчезают фольклорные игры и веселье.

Учитывая всю важность и сложность народного ритуала, состоящего из целого комплекса моментов (выбор партнера, сватовство, соглашение, помолвка, переезд невесты в дом жениха, различного рода увеселения, дарообмен и т. д.), комиссия вносит следующие предложения и рекомендации:

1. Современная карачаевская свадьба как обрядовое оформление брака сохраняет сватовство в двух вариантах:

а) по предварительной договоренности сторон (жениха и невесты, а также их родителей) — сез таусханлыкь бла;

б) после мнимого похищения невесты, по ее согласию, но без ведома родителей, — къачхан адет бла.

В начальном акте брачного союза по соглашению (келечилик бла) между родителями сторон следует придерживаться традиционного варианта, когда в этой роли выступали авторитетные в роду люди — келечиле. В настоящее время соглашению чаще предшествует мнимое похищение, что ведет к неоправданной церемонии по примирению сторон — джарашыу. На данном этапе свадебной обрядности необходимо исключить денежные преподношения — «сговорные» — сез таусханлыкь, так как этот обычай унижает достоинство, прежде всего невесты и ее родителей, одновременно как бы обязывая сторону невесты на ответное дарение — берне.

2. Все понимают, что молодые, вступая в брак и создавая новую семью, нуждаются в материальной помощи. В этих условиях крайне несуразным является взаимный дарообмен между родителями и родственниками жениха и невесты, при котором совершенно обделенной оказывается молодая семья. Трудящиеся области выражают свое недовольство тем, что кое-кто пытается преподнести этот обычай как народный. На самом же деле, по исконно народному обычаю, в состав берне входил комплект — юй кьач, состоящий из трех-четырех вещей — платка для свекрови, какой-либо одежды для свекра и, наконец, для деверя или золовки. В состав подарков входили исключительно мелкие предметы девичьего рукоделия невесты. Эта красивая народная традиция должна поддерживаться и развиваться с тем, чтобы исключить из церемониала населения дары, связанные с большими расходами на приобретение дефицитных товаров и изделий.

3. Необходимо добиваться торжественного акта бракосочетания до начала свадьбы — тоя — в порядке, установленном законом РСФСР «О браке, семье и опеке».

Зачастую регистрация брака проходит буднично. Поэтому устроителям церемониала нельзя забывать, что вся обстановка и атрибутика должны подчеркивать гражданскую священность и неповторимость акта бракосочетания. Здесь недопустимы казенщина и штамп.

Во избежание этого предлагается следующий порядок торжественной регистрации брака: процедура регистрации брака должна состояться до начала собственно свадьбы или же в день свадьбы. Как в том, так и в другом случаях в церемониале принимают участие жених и невеста, по возможности одетые в национальном стиле, их доверенные, а также представители общественных формирований населения.

Здесь следует сказать несколько слов о неках. Неках — это обрядовое оформление брака у народов, исповедующих ислам, аналогичное венчанию у православных.

Хорошо, что в настоящее время в отдельных местах служители культа взяли за правило не совершать обряда «неках» без предъявления свидетельства о браке. И тем не менее, у карачаевцев этот обряд носит чисто символический характер, сохраняющий слабый отголосок приверженности к мусульманским традициям. Утратив свои функции, но сохранив обрядовую оболочку, сегодня неках в повседневной жизни карачаевцев практически себя изжил точно так же, как, скажем, обрезание, и невольно вызывает саркастические усмешки.

Лучшие национальные традиции, многовековая народная

мудрость выделяли такие важнейшие церемониалы, как театрализованные экспромты и сцены ряженных. Вот почему необходимо возродить функции организатора народного веселья, фольклорного персонажа — той тамада, а также его помощников — млекбаш, чюйретон и т. п.

4. Традиционно невеста у карачаевцев перевозится непосредственно в дом жениха, минуя промежуточный дом, за исключением случаев, когда молодые вступают в брак без ведома и согласия на то родителей. Поэтому в церемониале принимает участие сам жених.

Заслуживает всяческого внимания и распространения практика ряда селений, когда совмещаются два важнейших обрядовых момента — показ жениха родителям невесты — кюеу кергюэу — и увоз невесты — келин чыгъару.

Целесообразно возродить такие привлекательные сцены, как обряд выхода невесты из родительского дома — джегенден тюшюрюу, запирающие родительские ворота — эшик бегитиу, преграждение пути следования свадебного кортежа — джол бегитиу и другие. При этом следует ограничить количество свадебного кортежа до 3—4 автомашин, а там, где имеется возможность, надо использовать фаэтоны и всадников в национальной форме одежды.

Здесь следует также подчеркнуть необходимость соблюдения культуры снаряжения свадебной свиты с обеих сторон, ограничившись ее составом в количестве 3—4 женщин и до десятка мужчин.

Еще встречаются факты, когда в оформление свадебного кортежа привносится безвкусица в угоду желанию продемонстрировать свои материальные возможности через ковры и плюшевые ткани, в то время как в недавнем прошлом (это одобряется массами и теперь) символический флаг свиты жениха — гүйню байрагы — состоял из нарядного женского платка, мужской сорочки и полотенца. На обратном пути взамен их увозится флаг дома невесты — келлини байрагы — примерно такого же достоинства. Как правило, условные флаги украшают ведущую, или флагманскую, машину, где находятся жених и невеста.

5. Свадебный поезд обычно состоит из числа сопровождающих жениха и невесты лиц — келин келтиргенле: наставников невесты — къыз дженгер къатын и ее сопроводителей — къыз дженгер джашла.

6. Встреча невесты и ввод ее в комнату жениха — отоу — прямое продолжение торжества бракосочетания. У ворот родительского дома жениха выстраивается шеренга молодых, кото-

рые поют свадебную «Орайду». Невесту в свадебной фате — ау джаулукъ — встречают многодетные женщины и родители, которые первыми высказывают ей свои пожелания. В ритуал включается организатор народного зрелища — той тамада — и его помощники.

7. Торжественная регистрация — кульминация свадебного торжества, за которой следуют свадебные увеселения и угощения. Здесь очень важно, чтобы прием гостей был приурочен к световому часу выходного дня. Обычно устраиваются 2—3 стола. Застолье не должно быть утомительным и многочасовым, захватывающим рабочие дни и ночное время. Использование спиртного не характерно для горского этикета, потому желателно возродить изготовление традиционно безалкогольных напитков — боза и сыра.

8. Свита гостей со стороны невесты — джыйн — привозит личные вещи невесты — келинни кюбурчеги, в том числе и отоу керек — убранство комнаты новобрачных. При формировании свиты гостей рекомендуем ограничиться 5—6 женщинами и 8—10 мужчинами.

9. Традиционно важнейшим моментом свадьбы является ввод невесты в комнату родителей — уллу юй, где и проводится церемония снятия фаты — ауун алыу.

На встречах с населением, где заинтересованно обсуждался проект этих рекомендаций, высказывалось единодушное мнение о том, чтобы решительно исключить многочисленные свадебные платки, покрывающие лицо невесты, оставив лишь юдиню ау джулугъу. Как мужчины, так женщины, имеющие большой жизненный опыт и знающие народные традиции и обычаи, говорили о своем неприятии берне. Возвращаясь к сказанному ранее, нельзя не заметить тенденцию в целом неспредосудительных, сугубо народных традиций приподношения невестой в качестве подарков родителям и близким родственникам жениха предметов своего рукоделия. Вместо этого инсценируется гипертрофированный мещанский вкус дарообмена в виде раздачи берне.

10. В послесвадебном цикле в старотрадиционной свадьбе соблюдаются обычаи, связанные с посещением молодой своих родителей впервые после замужества — ызына къайытыу. В отличие от прошлого, теперь она возвращается спустя неделю — полторы. Нередко к этому моменту приурочивается и показ зятя родителям невесты. В любом варианте следует отказаться от гостевания большого количества дружков жениха и денежного взноса жениха.

Комиссия считает неотложной организацию при исполкомах сельпоссоветов и отделах ЗАГСа уголков для новобрачных, где можно было бы приобрести свадебные наряды новобрачных.

Необходимо также при исполкомах районных и городских Советов народных депутатов учредить постоянно действующие семинары и методические совещания по вопросам совершенствования семейно-брачной обрядности у народов Карачаево-Черкесии.

Важно максимально сохранить и приумножить все то лучшее, что традиционно и народно в бытовой культуре, и освободиться от всего негативного, что мешает нам в повседневной жизни. Чуткое и уважительное отношение к семейно-бытовой культуре народа должно сочетаться с активной борьбой со всякого рода пережитками прошлого, извращениями и модификациями лучших народных традиций.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СОВРЕМЕННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБЯДНОСТИ У ЧЕРКЕСОВ

Современный свадебный обряд черкесов, как и некоторые других народов, представляет собой довольно сложную церемонию, в которой отражаются как древнейшие этапы в истории брака и семьи адыгов, так и элементы нашей социалистической действительности. Как и всякое явление, обряд подвергается изменению, трансформации. Древнейшие архаические элементы могут не только изживаться, но и приобрести совершенно новую окраску. Цель организаторов свадьбы, общественности — сохранить и развить из традиционного обряда положительное, разумное, рациональное, обогащая и наполняя его новым социалистическим содержанием, новыми прогрессивными элементами, рожденными новой жизнью, взаимообогащением культур народов нашей страны. Вместе с этим обряд необходимо освободить от всего религиозного, пережиточного, уже неприемлемого. Нельзя думать, что все наносное относится к прошлому. В современной свадьбе есть также элементы, представляющие собой мещанское перерождение традиционных, «своей основе разумных или идеологически нейтральных, и совершенно новые, вызванные к жизни тем же мещанством, конформизмом, определенным отставанием духовного роста от материального.

Одним из достоинств традиционной свадьбы черкесов является ее театрализованность, наличие в ней высокохудожественных обрядовых хоровых песен, здравиц, хохов, танцев, игр, состязаний. По мере возможности, это необходимо сохранять, не давая вытеснять их бесконечным застольем с употреблением алкогольных напитков.

Каждая свадьба может быть по-своему оригинальной. В предлагаемых рекомендациях рассматриваются наиболее общие моменты, общие контуры обряда, в которых учитываются общие тенденции становления нового, сочетание прогрессивных традиционных элементов с новыми, рожденными социалистической действительностью.

В установленное время за невестой едут 4—5 человек из родственников и друзей жениха. Старшим является наиболее авторитетный и уважаемый человек. При входе во двор (квартиру) их встречают родственники невесты, которые говорят:

— Фыкъеблагъэ (приглашаем в гости).

Им отвечают:

— Деблагъэну икIи дыблагъэну дыкъэкIуаш (приехали не только в гости, но и стать родственниками).

Гостей проводят в дом. Здесь застолье, по народной традиции, короткое, символическое. Будущие родственники знакомятся, выражаются традиционные пожелания молодым и новым родственникам жить дружно. В данной церемонии исключаются традиционные калым (запрещенный законом) и гатаджипша (букв.: плата за вставание невесты). При выводе невесты из дома и выезде экипажа со двора не исключены обрядовые шуточные выкупы, но не деньгами и материальными ценностями, а танцами, песнями. Говоря об этой части церемонии, необходимо обратить внимание, что это застолье организуется родственниками невесты. Бытуемые в ряде случаев поездка с барашкой и спиртным или требование некоторых хозяев «отведать от имени гостей что-либо» (т. е. спиртное) не соответствуют духу народных традиций.

В этой церемонии гости сообщают родственникам невесты дату свадьбы с точным указанием времени (например, 5 сентября в 12 часов).

После застолья и непродолжительного веселья экипаж с невестой уезжает. По пути и особенно при въезде в селение и во двор жениха исполняется традиционная хоровая песня везущих невесту — «Фызышэ уэрэд» (один из вариантов которой приводится ниже):

Уаредадэ, дахэр кыдошэ,

Уаредадэ, ди гур махуэщ.

Уаредадэ, фыздежью.

Уаредадэ, дахэу дэ натшэм,

Уаредадэ, и нитIыр нагъуэщ,

Уаредадэ, и жьэгъур хужыщ,

Уаредадэ, лъэнкIапIэ уэщ,

Уаредадэ, мастэпэ гъабзэщ,

Уаредадэ, дыщафэ идэщ.

Уаредадэ, дыщэблэрыпсщ,

Уаредадэ, псэемыблэжщ,

Уаредадэ, нэгү пцIашхъуэщ,

Уаредадэ, зыхуэдэм я лейш.
Уаредадэ, нысэу дэ к'ятшэр,
Уаредадэ, дыщэ пэлытэш.
Уаредадэ, щ'алэу к'эзышэр,
Уаредадэ, асл'ээн шырыбэщ,
Уаредадэ, шуубэ пэрытш.

В отличие от традиционной старой свадьбы, жених и невеста не поселяются в других домах, а остаются в доме жениха. С прибытием экипажа невесту встречают ожидающие и под звуки продолжающейся песни вводят в дом. Поздравив молодых, родителей и родственников, участники церемонии расходятся. Здесь неуместно застолье, тем более со спиртным.

Собственно свадьба проходит через несколько дней.

Привоз невесты может совпадать и с днем свадьбы. Тогда церемония выглядит так: увоз невесты из дома в ЗАГС (сельский Совет), где проходит регистрация брака, после чего едут в дом жениха, и тут же играется свадьба. В этом случае необходимо сразу же придать все атрибуты торжественности: свадебный наряд молодых, торжественная регистрация, линейка молодыми в сопровождении всадников и т. д.

Торжественная регистрация брака и собственно свадьба проходят в один день. Иначе говоря, торжественная регистрация брака в ЗАГСе (сельском Совете), торжественный выезд свадебным поездом села, торжественный ввод невесты в дом, прием гостей (в том числе и родственников невесты), свадебное застолье проводятся в один день, днем. Например, сообщается, что свадьба начнется в 12 часов дня. Это значит, что в это время состоится торжественная встреча молодых во дворе жениха после торжественной регистрации брака (или торжественного выезда села). До этого часа, т. е. к кульминации свадьбы, уже собираются все участники свадьбы (в их числе и родственники невесты).

Накануне свадебный кортеж выезжает со двора и отправляется на торжественную регистрацию брака. Он состоит из линейки, нескольких всадников и незначительного количества автомашин. Жених и невеста одеты в традиционный горский свадебный наряд. Всадники также одеты в горский костюм. Из всего кортежа украшают лентами и косынками линейку и коней всадников. Кроме жениха и невесты в линейку садятся сопровождающие молодых и гармонистка. Впереди поезда следует линейка, вплотную за ней по обе стороны — всадники, затем автомашины. До отправления в ЗАГС и получения свидетельства о браке невеста следует справа от жениха, после регистрации — слева от него.

В ЗАГС (сельский Совет) или другое место торжественной регистрации (клуб, ДК) свадебный поезд следует в сопровождении песни «Уаридада» или веселых наигрышей. Во время регистрации играют народную величальную свадебную песню «Нысашэ уэрэд» (в исполнении З. Кардангушева). По завершении официального акта бракосочетания молодые поздравляют представители общественности. Участники этой церемонии покидают здание под звуки «Свадебной» М. Балова (или молодого марша, других наигрышей). Затем молодые возлагают цветы к памятнику В. И. Ленину или погибшим воинам.

После завершения торжественной регистрации в ЗАГСе (сельском Совете, клубе, ДК) недопустимо распивание спиртного.

Свадебный поезд объезжает село и к назначенному часу возвращается к дому жениха, где ожидают его все участники обряда. Поезд подходит, исполняя «Уаридадэ»:

Уаридадэ, нобэ ди х'ерш,
Уаридадэ, нысэ к'эйтшаш,
Фык'еблаг'э ди х'ерым,
Ди х'еру гуф'эг'уэр зи бэм.
Уаридадэ, фык'ыдеж'у,
Уаридадэ, ди х'ерыр к'ыддэф'эт,
Уаридадэ, нысэ махуэ к'ыдошэ.

Под звуки песни невесту выводят из линейки (автомашины), и в окружении девушек она становится в круг, у стены дома.

С прибытием экипажа в свадебный ритуал включается один из главных персонажей свадьбы — джегуако. Он — глава, тамада самого ответственного периода во всем ритуале. Со своими помощниками джегуако является непосредственным организатором большого своеобразного народного зрелища. Соблюдение сложного тонкого этикета, порядка во всем джегуако сочетается с большим остроумием и организацией большого народного веселья. Авторитет джегуако столь высок, а его роль столь ответственна, что все беспрекословно выполняют его указания. Разумеется, нельзя ожидать полного возрождения статуса джегуако в этом обряде (ныне уже другие условия), но трансформированная в духе времени роль организатора народного веселья вполне возможна. Быть джегуако не всегда и не везде возможно, но играть джегуако можно. В этой роли может выступать актер, культпросветработник. Но обязательным должен быть его торжественный наряд — наиболее изящный, богатый горский костюм. Помощниками джегуако ныне могут быть ряженые (ажагаф), а также известные персонажи фольклора — пныж, Куйцук, Ходжа и т. п.

Джегуако со своими помощниками образуют круг. Стоя в его центре, обращаясь ко всем, он произносит здравицу-хо (в его руках большой рог с махсымой):

Мы нэрыбгэр тхуэмахуэу,
Лъапэ махуэ къытхыхьэу,
Къызыыхьэр иуэдэу,
Езым хуэдэм ядекIуу,
Дунейм екIур и фашэу,
Дыщым фIыщIэ къахуихьыу,
Хабзэр убзэ фIэмышIу,
И щIэн Iуэхум хигъахьуэу,
Гухэхьуэшхуэ къилэжьу,
Зыщылажьэр ефIакIуэу,
ФIы къэшэкIэм хуэIэзэу,
И IэщIагъэм теунэу,
Мы бынунэр и щIасэу,
Дэмышхэм хуезэшу,
Ар зэшыгъэм и шхэпсу,
Къигулщысыр акъылу,
Ар мы лъэпкъым хуэщхьэпэу,
Япэ итхэм хэмыкIуу,
ИрагъэкIыжым щымышу,
ФIыр и Iэпэм пышэшу,
Зэлущашэр и цIыкIуу,
ЗэдэхашIэр и ину,
Мэлым хуэдэу гу шабэу,
Джэдым хуэдэу быныфIэу,
Быну иIэр тIошIитIу,
ФIыгъуэу щыIэр бгъэдэлъу,
Зыбгъэдэлъым фIэлэфIу,
ХьэфIым хуэдэу Iумахуэу,
ШыфIым хуэдэу цIэрыIуэу,
Гуашэ-пщыжьым хуезэшу,
ХьэщIэ къакIуэм нэщхьыфIэу,
IэфIу быпыр илъагъуу,
ФIы защIэу зэхэлъу,
Къылъхуар мазэм шы шэсу,
Ди жылэр игъэфIу,
Ди адыгэр игъэлъапIэу,
Ди Кавказыр иIэту,
Совет хэкур игъэбжьэфIэу,
Къытхэтыну сохъахьуэ!

Начинается джегу. По традиции, джегуако остроумно приглашает танцующих в соответствии с их возрастом и общественным положением.

С окончанием джегу под звуки «Уарэдадэ» невесту вводят в дом, осылая ее зерном, конфетами, орехами и т. д. Затем гости

и все присутствующие усаживаются за столы. Организаторы свадьбы к каждому столу выделяют кого-либо из родственников (друзей, соседей), который обслуживает стол и вместе с тамадой следит за порядком.

Важно, чтобы свадебный стол не затягивался, не превращался в бесконечное застолье.

Накануне прибытия свадебного кортежа с торжественной регистрацией и в последующее время молодежь развлекается. В числе игр может быть лезание по гладкому столбу. На 5—6-метровый столб, выструганный гладко и обильно протертый жиром, набивается планка (Т-образно), на которой подвешиваются различные предметы — сувенирные изготовления (скажем, рог, брелки и т. д.), шампанское, сладости и т. п. Затем столб вкапывается. Залезший на столб снимает один из подвешенных предметов.

О других элементах обряда.

Нысэтын исключается полностью. И чемодан невесты содержит исключительно ее личные вещи. Подарки молодоженам определяются, конечно, возможностью, вкусом дарующих. От общественных организаций и производственных коллективов вполне уместно будет, например, вручение молодоженам туристических путевок. Но в любом случае все подарки должны оставаться в молодой семье.

К числу отмирающих элементов черкесской свадьбы относится жамхагаса. Его функции ныне сводятся к связующей роли между невестой и ее родственниками. Там, где родственники невесты рассчитывают на соблюдение этого обычая, необходимо в определенной форме провести беседу с жамхагаса с тем, чтобы исключить проявление в ряде случаев мешанства в действиях этого персонажа (обрядовый выкуп иногда оборачивается торгом).

Послесвадебный цикл охватывает ряд элементов — дищаса (увоз невесты к ее родителям), малхатеха (визит жениха к родственникам невесты), блягатляг (визит к родственникам невесты). Сейчас намечается тенденция совмещать дищаса и малхатеха. Это вызывает одобрение у многих. Родители жениха вместе с родственниками и молодыми (всего 5—6 человек) едут к родителям невесты. В этом случае подарки ограничиваются кондитерскими изделиями. Такой же характер носит и блягатляг.

РЕКОМЕНДАЦИИ К ОБРЯДУ «БРАКОСОЧЕТАНИЕ» (абазинский вариант)

Современная бытовая культура состоит из сложных напластований, возникших в разные исторические периоды в результате взаимодействия разнообразных факторов. Она формируется на основе сложного синтеза прогрессивных традиций прошлого и новых форм, рожденных социалистической действительностью. За годы Советской власти под влиянием совокупности многих факторов социалистического переустройства быта, технического прогресса, возрастающей мобильности сельских жителей, изменения их вкусов, представлений, роста культуры возникли новые традиции. Одним из наиболее устойчивых компонентов современной бытовой культуры, в котором можно проследить традиции, формировавшиеся в различные исторические эпохи, является свадебная обрядность.

Бракосочетание — одно из наиболее торжественных в жизни человека событий. Постоянно развиваясь и совершенствуясь, обряд бракосочетания в настоящее время наполнился новым содержанием, особым смыслом, стал символизировать единство общественных и личных интересов граждан, ответственность отдельных людей за создание крепкой и здоровой семьи.

Активная деятельность в области новых семейных обрядов и традиций в КЧАО относятся к концу 60-х—началу 70-х годов. Она была связана с задачами усиления атеистического воспитания, с высвобождением празднования семейных событий, в том числе и бракосочетания, из-под власти религии. Сейчас поставленная цель почти достигнута. Но нельзя упускать из виду то, что кое-где имеют место нежелательные явления, когда теряется чувство меры, проводятся чрезмерно пышные свадьбы, многодневные гулянья. При этом некоторая часть населения ссылается на народные традиции. Но в данном случае это неуместно. В прошлом не было и не могло быть такой традиции в трудовой крестьянской семье.

От успешного развития социалистической обрядности зависит окончательное изживание религиозных предрассудков, интерес к которым среди определенной части населения еще не угас. Из этого следует что проблема устранения религиозной обрядности из быта не потеряла своей актуальности и в настоящее время. Решить же эту проблему можно лишь при условии всеобщего распространения в быту наших людей новых обрядов, соответствующих мировоззрению и достоинству человека социалистического общества. Новые обряды, если достаточно организованы, вызывают у людей чувство удовлетворенности, способствуют укреплению коллективизма, дружбы, взаимного уважения, уверенности в будущем и тем самым играют огромную воспитательную роль.

В настоящее время молодые сами договариваются о вступлении в брак по взаимной симпатии друг к другу и сами же выбирают время вступления в брак без вмешательства родителей. Однако за последние годы были случаи рецидивов негативных проявлений в свадебной обрядности (умыкание девушек). Создавая данные рекомендации по проведению современной безалкогольной свадебной обрядности у абазин, мы обращали внимание на возможность использования традиционных обычаев и обрядов с тем, чтобы внести в современную обрядность наиболее прогрессивные, красочные национальные моменты.

В прошлом наиболее распространенной формой вступления в брак было сватовство. У нас в стране имеется положительный опыт работы службы сватовства (Украина, Прибалтика, Грузия). Через возрождение института сватовства в КЧАО можно разрешить несколько проблем. Во-первых, сваты, ведя переговоры с родителями девушки, смогут способствовать предотвращению ситуации, побуждающей к умыканию. Нужно оговориться, что миссия сватов в конкретной ситуации, когда молодые сами уже все решили, немного символична. И тем не менее, за время с момента сватовства до самой свадьбы молодые получают возможность еще раз взвесить свое решение (ср.: подача заявления в загс за 1 месяц), это позволит избежать сделать необдуманный шаг. Во-вторых, сваты имеют возможность вести переговоры с родителями вступающих в брак по упразднению различных видов взаимоодариваний. В абазинских аулах в настоящее время сложилась такая ситуация, когда каждый в отдельности понимает, что современное взаимоодаривание ничего общего не имеет с традиционными подарками невесты, что это обременительно для каждой из сторон (сначала родители девушки одаривают всю родню жениха, а через некоторое время, при первом визите молодой к своим родителям, родители жениха должны одарить эквивалентными подарками последних).

Когда обеими сторонами достигнуто взаимное согласие, необходимо назначить конкретный день переезда невесты в дом будущего мужа. С целью экономии времени и материальных средств, затрачиваемых в настоящее время на проведение свадьбы, желательно совместить день увоза невесты из родительского дома с днем проведения самой свадьбы. Конкретные примеры подобных случаев уже имеются в абазинских аулах, они получают положительный отзыв у населения.

Накануне торжественной регистрации жених и невеста должны еще раз посетить загс для уточнения порядка проведения обряда.

Чтобы повсеместно внедрить современную советскую обрядность, обеспечить глубокое идейно-художественное содержание каждого церемониала, необходима большая организаторская работа исполкома местных Советов народных депутатов, их обрядовых комиссий, органов ЗАГСа, которые должны работать в тесном взаимодействии с общественными организациями. Исполкомы местных Советов должны вменить в обязанность культурно - просветительным учреждениям оказывать органам ЗАГСа всестороннее содействие в осуществлении торжественных актов регистрации браков.

Торжественный церемониал должен проводить исполнитель обряда — лицо, специально назначенное исполкомом местного Совета народных депутатов для выполнения этих функций. Им должен быть уважаемый человек, хорошо владеющий всей структурой церемониала. Исполнителю обряда помогают помощник и распорядитель из числа привлеченных к этому работников культурно - просветительных учреждений, представители общест-венности, актива.

Лица, которые проводят обряд, должны быть одеты в специальные обрядовые костюмы или же выделены среди других участников церемониала красной лентой, повязанной через плечо.

С целью повсеместного внедрения торжественного акта бракосочетания нужно использовать специальные залы для бракосочетания при сельских Советах, помещения Дворцов и Домов культуры.

Важным элементом для обряда бракосочетания является музыкальное оформление. Известно, что любая пара новобрачных приходит на бракосочетание в сопровождении своей гармонистки. Наряду с этим в каждом помещении, где проводятся торжественные акты, должно быть соответствующее оборудование для проигрывания высококачественных записей.

Необходимо в сельских промтоварных магазинах организовать Уголок для новобрачных, где молодые смогут по своему желанию выбрать свадебный наряд.

Оформление свадебного кортежа. В настоящее время количество легковых автомашин свадебного кортежа оставляет желать лучшего. Это — колонна в 10—12—15 легковых автомашин, разукрашенных шелковыми платками, отрезами тканей всевозможных расцветок и прочей мелочью. У нас в стране выработана общепринятая атрибутика свадебного кортежа. Предлагаем, во-первых, ограничить количество машин до 6—7, во-вторых, выделить только головную машину или линейку, в которой едут жених и невеста (скрепленные кольца*, цветы). Остальные машины украсить только шарами.

Примерный порядок проведения торжества.

Суббота. 10 часов утра. Свадебный кортеж отправляется за невестой, которая к этому времени уже должна быть готова к его прибытию. Свита забирает невесту и в назначенный час прибывает в сопровождении свадебного кортежа к зданию сельского Совета. Их встречает помощник ведущего обряд, обращается к молодым:

— Уважаемые жених и невеста, гости! Приглашаем вас на церемонию бракосочетания.

Звучит тихая мелодия, исполняемая на гармонике. Ведущий распахивает двери в ритуальный зал. Жених и невеста медленно входят и останавливаются в середине зала, в нескольких шагах от стола регистрации. Справа и слева от молодых стоят их свидетели. Все сопровождающие молодых становятся полукругом по обе стороны зала. В зале за столом (— ведущий церемонию, депутат местного Совета, почетный колхозник, серебряный (золотой) юбиляр.

Помощник:

— Сегодня вступают в брак: Ф. И. О. невесты, Ф. И. О. жениха. Торжественный обряд бракосочетания проводит: Ф. И. О. ведущего обряд.

Исполнитель обряда становится перед столом и приветствует присутствующих:

— Рады приветствовать дорогих гостей в этом светлом зале! В жизни каждого человека есть дни, которые память бережно хранит. У Вас сегодня такой день — день рождения новой семьи. В добрый час, под мирным небом нашей любимой Родины, Вы, дочь и сын своего народа, его надежда и будущее, де-

* Символику можно заказать в промбыткомбинате и хранить в местах оформления брака.

ляете важный и ответственный шаг в жизни, вступаете в брачный союз, тем самым берете на себя новые обязанности по отношению друг к другу, к Вашим семьям, к обществу. В прошлом останутся годы юности, впереди — ответственная пора семейной жизни. Исполняя высокий общественный долг, как представитель Государства прошу ответить:

— Готовы ли Вы (Ф. И. О. невесты) всю жизнь быть верным другом (Ф. И. О. мужа)?

— Да.

— Готовы ли Вы (Ф. И. О. мужа) всю жизнь быть верным другом (Ф. И. О. жены)?

— Да.

— Прошу скрепить свой семейный союз подписями, — и приглашает их пройти к столу.

Во время подписания акта женихом и невестой звучит тихая мелодия.

Ведущая обряд:

— Уважаемые свидетели! Готовы ли Вы поручиться за своих друзей, своими подписями засвидетельствовать акт? Прошу Вас ответить.

Девушка: Да.

Юноша: Да.

Ведущая обряд, обращаясь к молодоженам:

— Примите эти обручальные кольца как символ Вашей семейной верности и единства. (Подает на маленьком подносе обручальные кольца). Обручитесь ими. (Подает кольцо невесты жениху, невесте — кольцо жениха, а они надевают их друг другу на безымянный палец правой руки. Эта церемония сопровождается тихой музыкой).

Ведущая:

— Именем Закона подтверждается взаимное проявление воли граждан (Ф. И. О. мужа, Ф. И. О. жены) к совместной семейной жизни. Отныне Вы муж и жена, основоположники новой семьи и продолжатели рода своего во имя блага Государства, личного счастья, бессмертия советского народа.

Утверждается взаимное проявление воли супругов носить общую фамилию. Звучит тихая музыка.

Ведущий берет со стола свидетельство о браке и паспорта. Вручая их молодоженам, говорит:

— Дорогие друзья! Примите «Свидетельство о браке» как дорогой и памятный документ Вашей семьи, признанный Государством. Живите дружно! Будьте щедры на труд, любовь. Сердечно поздравляю Вас с рождением новой семьи. Желаю судьбы славной и жизни большой! С этой минуты все для Вас ста-

новится общим: труд, радость, мечты. (Ведущая индивидуализирует ритуал с учетом национальности, возраста, образования, профессии жениха и невесты. Звучит тихая музыка).

Ведущая:

— Сегодня пришли поздравить Вас друзья (несколько поздравлений от них).

Ведущая еще раз поздравляет молодых, присутствующих здесь их родственников и друзей, желает им счастливого пути. Присутствующие образуют живой коридор, и под звуки мелодии свадебной песни, в сопровождении танцующих друзей, молодых проводят к месту стоянки транспорта.

Все рассаживаются по машинам, и свадебный кортеж направляется к дому жениха. По пути делают остановку к памятнику В. И. Ленину или обелискам погибшим воинам. На возложение цветов молодожены идут только в сопровождении своих свидетелей. Остальные участники остаются стоять несколько в отдалении. Этот обычай, возникший в начале 70-х годов и широко распространенный по всей стране, стал традицией, символизирующей советский патриотизм, глубокое уважение к героическому прошлому нашей Родины. После возложения цветов молодые садятся в машину, и свадебный кортеж продолжает свой путь. На всем пути его следования необходимо категорически исключить любые «выкулы дороги» спиртными напитками. С давних пор существует обычай преграждать путь свадебному поезду, требуя выкуп. Этот выкуп в последние годы давался водкой. Бывало так, что на протяжении нескольких километров свадебному поезду приходилось откупаться более десяти раз. В настоящее время, когда ведется непримиримая борьба с пьянством, этому надо противопоставить, например, лихой танец лезгинку или шуточный танец стариков, проплывавший который, можно «выкупить дорогу».

Наверное, мы не ошибемся, если сравним празднование свадьбы с красочным эстрадным представлением. И успех здесь зависит, конечно, не от материальных затрат. Дело решают продуманность, хорошая организованность, находчивость, умение создать хорошее настроение у каждого из присутствующих. Но для этого непременно нужен умелый организатор. В прошлом таким организатором-распорядителем свадебного торжества был гягвакIва, который отличался организаторскими способностями, чувством юмора, глубоким знанием традиций. Возрождение статуса гягвакIва считаем необходимым.

Желательно шире пропагандировать «театрализованные» представления ряженого — джыагIафа и его помощников. Ряженный — обычно в маске козла, откуда и его название «джыагIафа» — танцующий козел. В этой роли обычно выступает са-

мый остроумный человек. Он поет, пляшет, острит, широко прибегая к минимке. В импровизированной форме он может высмеять лептгя, скрягу, безнравственный поступок того или иного человека. Он же в панегирической форме может рассказать о добродетельных поступках, о высоких нравственных качествах другого человека.

В связи с ростом материального благосостояния свадебные пиры становятся все более и более пышными и многочисленными. При этом часто наблюдаются достойные сожаления черты — известные излишества, стремление перещегоолять друг друга. Так, нельзя согласиться с тем, что сегодня на церемонии бракосочетания — нахьахI — приходит многочисленная свита родственников невесты (до 20—25 и более мужчин разных возрастов). В прошлом традиция строго регламентировала их число и возраст (пять мужчин зрелого возраста). На местах исполнителям обрядовых церемоний, членам обрядовых комиссий необходимо вести постоянную пропагандистскую работу среди населения против проявления псевдотрадиционных норм свадебной обрядности.

Вышеизложенные примерные рекомендации позволяют добиться сокращения сроков проведения свадьбы до 2-х дней, совершенно исключить любое вмешательство служителей культа (религиозное оформление брака), избежать неразумных расходов на угощение лиц, приходящих в разное время выразить свою радость по поводу женитьбы сына (выхода замуж дочери), избежать ничем не оправданных отпрашиваний с работы (учебы) и т. д.

Во всей свадебной обрядности исключаются всякого рода выкупы, а также дарообмен (как во время свадьбы, так и в послесвадебное время, например, при первом посещении родительского дома, при первом знакомстве с зятем и т. д.). Подарки делать исключительно молодым с тем, чтобы все они поступали в их личное пользование.

Для закрепления обрядотворческих знаний и навыков комиссии всех уровней должны регулярно организовывать на местах семинары-практикумы, методические совещания и научно-практические конференции, которые явятся своеобразными школами обмена опытом. На них при обсуждении проблем обрядотворчества можно не только учитывать интересные замыслы, решения, но и устранять встречающиеся в практике промахи, даже малейшие. Внедрение в повседневную жизнь трудовых коллективов новых советских традиций, усиление их идейно-нравственной нагрузки должны стать одной из постоянных забот обрядовых комиссий. В этом неиссякаемый источник укреп-

ления духовных основ советского образа жизни, надежный путь воспитания у трудящихся добросовестного творческого отношения к традициям народа, к труду.

Величальная песня для невесты*.

Уаридада! Уа-ри-да-да!
Оридада! О-ри-да-да!
Уа атаца лашара дгIагIратI. Уа!
О! светлолицую невесту привезли! О!
Уаридада! Уа-ри-да-да!
Оридада! О-ри-да-да!
Уа ащанIмшы гIашIкIаралгатI! Уа!
О! Счастливой ногой вступила она во двор! О!
Уаридада! Уа-ри-да-да!
Оридада! О-ри-да-да!
Уа анасыпду лыцIайтI Уа!
О! Большое счастье вместе с ней приходит! О!
Уаридада! Уа-ри-да-да!
Оридада! О-ри-да-да!
Уа лыджьымсаква амызшIа йапшпI! Уа!
О! Брови ее похожи на молодой полумесяц! О!
Уаридада! Уа-ри-да-да!
Оридада! О-ри-да-да!
Уа ацIис йпсстIауа асурат гIахьылхитI! Уа!
О! С пролетающей птицы мерку снимает! О!
Уаридада! Уа-ри-да-да!
Оридада! О-ри-да-да!
Уа лыбыз ахьагIара ащтанчIв агIвара йгIатнадитI! Уа!
О! Ее сладкая речь и змею из норы выманит! О!
Уаридада! Уа-ри-да-да!
Оридада! О-ри-да-да!
Уа! Атаца гвакIва дгIагIртI! Уа!
О! Ласковую невесту привезли! О!

* Исполняется во время ввода невесты в родительский дом жениха.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ТОРЖЕСТВЕННОГО НОГАЙСКОГО БРАКОСОЧЕТАНИЯ И СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

1. Комиссия по внедрению в быт ногайцев новых обрядов рекомендует устраивать бракосочетание через народный обычай сватовства — кыз айттырып алуw. Он исключит встречающиеся на практике недоразумения, когда молодые люди прибегают к взаимной договоренности в форме брака «умыканием».

2. Согласно установленному советским законодательством порядку, местные органы ЗАГСа должны добиваться торжественной формы бракосочетания на основе лучших народных обычаев с привлечением широкой общественности — депутатов, представителей совета старейшин, женсоветов — не только в государственном учреждении, но и в доме молодоженов.

3. Создающаяся молодая семья — это микроячейка государства. Она, естественно, зиждется на материальной основе, и стремление родителей молодоженов сделать ее крепкой вполне понятно. Но все должно быть в разумных пределах. Материальная помощь не может быть демонстрацией богатства и достатка. С пониманием должно быть встречено приданое в скромных пределах: постельная принадлежность, а не мещанское соревнование «у меня должно быть больше и лучше». Народ всегда приветствовал, если молодая семья сама создает свои блага. Богатое приданое воспитывает иждивенчество.

4. Рекомендуем пользоваться старинным обычаем «сый», когда невестка приносила свекру, свекрови и еще одному из старших родственников мужа изготовленные собственноручно рубашку, войлочную шляпу и т. д. Необязательно обращаться к старинной форме одежды, можно сшить своими руками современное платье, рубашку и т. д. То есть «сый» не должен превратиться в скупку дефицитных товаров и одаривание всех «оголовно» родственников мужа. Одаривание, помимо материальных затрат, из-за недовольства некоторых родственников

ведет к моральным издержкам, иногда способствует распаду молодой семьи.

5. Среди населения набирает силу форма одаривания невесты ее родственниками сберегательной книжкой, золотыми вещами по ходу свадьбы. Это признак материальной обеспеченности населения. Но вряд ли целесообразно делать это, ведь не все имеют одинаковые возможности, иногда молодожены могут из-за слов «даже две тысячи денег не было в книжке» разойтись. Пусть молодые свадьбу запомнят не количеством подарков в виде золота, серебра, а песнями, стихами, танцами, если же хотят материальных благ, пусть лучше работают.

6. Само население не одобряет пышные застолья, но отказаться от них не может. Рекомендуем ограничить приезд гостей на «ккуда той» до 15. Среди них в качестве памятного подарка — кертопал аякъ — может получить только глава делегации сватов. Желательно угощать по народному обычаю национальными кушаньями, напитками — сербетсуw, боза. Приезд сватов днем, застолье не слишком утомительное, а веселое. Не надо забывать народный обычай, по которому на «ккуда той» водку не пили, а появление мужчины в нетрезвом состоянии всегда было позором не только ему, но и его семье.

8. Рекомендуем на вечернем застолье перед молодыми людьми, не достигшими возраста 21 года, не выставлять алкогольные напитки. За свадебный стол должны садиться только приглашенные и по этикету — выделяя почетные места гостям, старшим. Застолье должен вести знающий народный этикет человек — той тамада — со своим помощником — бакыравык. Свадьбу сопровождает своей музыкой гармонистка, которая по договоренности играет здесь за определенную сумму.

9. Скромность в одежде, в поведении за столом — это признак хорошей культуры. Но свадьба отличается тем, что здесь должно быть веселье, показ удали в танце, ума в песнях, красивых тостах. Пора предать забвению обычай бросать на головы танцующих деньги — остаток байского тщеславия и купеческой щедрости.

10. В большинстве случаев молодожены ведут себя за столом подобающим образом. Но питье женихом или невестой даже шампанского — это анахронизм и преступление против будущего плода. Пусть молодожены начинают свадьбу с «сербетсуw» и продолжают им.

11. Важное место в проведении свадебной церемонии занимают «оькил ака», «енъге» — пусть они хорошо знают свои права и обязанности, выполняют их в лучших народных традициях в моменты игрового «выкупа», введения в дом мужа — «табыл-шал», «шашув».

12. Из старинных обрядов рекомендуем пользоваться обрядом приобщения к очагу дома — «бет йылытув» — с привлечением старых женщин, песнями, танцами, поговорками.

13. Послесвадебные обряды — выход невесты за водой (суга шыгув), возвращение невесты в родительский дом (тоьркинге шақырув) посещение женихом родительского дома жены (киев шақырув), взаимное посещение родителей молодоженов (кудагый той). Выполнение их в лучших формах не противоречит современности.

Рекомендации — это не призыв к единой форме проведения свадеб. Каждая свадьба должна быть по-своему оригинальной, запоминающейся, с применением лучших народных обрядов, привнесением хорошего — сегодняшнего. Сохранение и приумножение лучшего, что осталось от старших, — это долг сегодняшнего поколения, в то же время и внесение прогрессивного нового.

Пусть молодоженам свадьба запомнится красотой ее, первым их танцем как мужа и жены, танцем невестки с родственниками, как своими, так и мужа, родителям молодоженов — приобретением новых хороших, порядочных родственников.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Термины свойства у ногойцев²⁰

муж	бай, эр, куев (киев), хожанин, бай кожайын*
отец мужа (свекор)	кайната (кайын ата), бийим, бияга, тетей
дед мужа	кайын атамнынъ атасы, уйкен бияга
брат мужа (деверь)	
1. старший	кайнага (кайын ага), бияга,
2. младший	кайын пни (кайни), балдыз*
родственники мужа	байымнынъ кардашлары, эрп-мнинъ кардашлары, кайынлар, кайын-халк
мать мужа (свекровь)	кайнана (кайын ана), шешем
бабка мужа	авай, кайнатамнынъ анасы или тетеси, уйкен шешей
сестра матери мужа	кайынбийке (каймийке)
сестра мужа (золовка):	
1. старшая	кайынбийке (каймийке)
2. младшая	кайынсинъли, эркем
жена	хатын, пише, бийке, аьел (аьлей), ханыш, апакай
отец жены (тесть)	кайната (кайын ата)
дед жены	кайнатамнынъ атасы, атай, хатынымнынъ уйкен атасы

²⁰ Составлено по данным указанных выше статей Е. С. Айбазовой, Шихмурзаева Д. М., Р. Х. Керейтова, наиболее полно отражающих термины свойства у ногойцев всего Северного Кавказа.

* Только у степных ногойцев.

* Только у степных ногойцев.

братъя отца жены:

1. старше зятя
2. младше зятя

братъя жены:

1. старший
2. младший

мать жены (теща)

бабка жены

тетка жены

сестра жены (свояченица):

1. старшая
2. младшая

родственники жены (для зятя)

зять

невестка

мужья двух сестер

жены двух братьев

муж сестры (зять):

1. старшей
2. младшей

жена брата (сноха) для младших его родственников

жена брата (сноха) для его

старших родственников

жена сына (невестка)

муж дочери (зять)

жена дяди

муж тетки

отчим

мачеха

сводная сестра

кайнагай

кайнага

кайнага

кайни (кайын инн), балдыз*

кайнана (кайын ана)

пишемнинъ абайы, хатыным-
нынъ тетеси (энеси)

кайынбийке, каймийке

кайнбийке (кайын бийке)

балдыз

пишемнинъ кардашлары;
кайынлар

киев, куьев

келин

бажалар

апсынлар, апсынлы-келилли

ездей, езде, киев

киев (куьев, киеу)

енъге, кешек, снъгей

келин, келиншек

келин, келиншек

киев (киеу), куьев

енъгей, енъге, кешек

езде, ездей, киев

оьгей ата

оьгей ана

оьгей аьпте (сипъли, карындас)

сводный брат

пасынок

падчерица

сват

сватья

родственники(цы) сторон же-
ниха и невесты

оьгей ага (ини)

оьгей ул (кеде, яс)

оьгей кыз

къуда, явшы

къудагый (къудагай), явшы

къудалар (къудагыйлар, къар-
дашалар)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Глава первая (вводная). Формирование семьи и свадебная обрядность народов Карачаево-Черкесии	5
Глава вторая. Свадебные обряды карачаевцев	25
Глава третья. Брак и свадебная обрядность у черкесов	68
Глава четвертая. Свадьба у абазин	85
Глава пятая. Ногайская свадьба	104
Приложения	135

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ: ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ

Ответ. редактор Я. С. Смирнова

Технический редактор Б. П. Парин

Сдано в набор 30.6.88 г. Подписано в печать 28.12.88 г.

ВУ 26658. Формат бумаги 60×84 1/16. Усл. п. л. 9,5.

Заказ 0290. Тираж 800 экз. Цена 60 коп.

Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 357100, Черкесск, Дом Советов.

Адыгблполиграфобъединение управления издательств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома, 352700, Майкоп, ул. Пионерская, 268.